О 5/456

1962 55-1-12
5
456

П. Ивановъ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И ПЕРЕДѢЛЫ

НА СѢВЕРѢ РОССІИ

ВЪ XVII в.

у свободныхъ и владѣльческихъ крестьянъ.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1901

55-1-12
1962
0 5/456
801-87
4668-1

П. Ивановъ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И ПЕРЕДѢЛЫ

НА СѢВЕРѢ РОССІИ

ВЪ XVII в.

у свободныхъ и владѣльческихъ крестьянъ.

БИБЛІОТЕКА ГЛАВНАГО ШТАБА.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1901

ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА СССР
Р.33-1558

(Оттискъ изъ втораго тома Трудовъ Археографической Коммиссіи ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества).

2007051361

Печатано по опредѣленію ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества на основаніи § 56 его Устава.

I.

Положеніе вопроса въ литературѣ. Постановка вопроса.

Чѣмъ была современная община въ прежнее время? Изъ какихъ организацій она развилась или какія формы поземельныхъ отношеній ей предшествовали? Создалась-ли она путемъ естественнаго необходимаго роста этихъ организацій изъ самихъ себя, или, утративши непосредственную генетическую связь съ ними, создалась подъ вліяніемъ какихъ нибудь внѣшнихъ посторонніхъ процессовъ? Вотъ вопросы, которые ставитъ каждый интересующійся судьбами русскаго крестьянства. Съ того времени, какъ общину считали самобытнымъ проявленіемъ русскаго народнаго духа и видѣли въ ней надежду политическаго и экономическаго преуспѣянія Россіи, до того времени, какъ она превратилась въ глазахъ однихъ въ необходимую форму владѣнія и общественныхъ отношеній на опредѣленной ступени экономическаго развитія каждаго народа, и въ глазахъ другихъ въ продуктъ государственно-финансоваго творчества, и въ силу этого утратила для многихъ прежнее обаяніе, осуждена была ими на разложеніе, какъ всякая временная преходящая организація; вопросъ объ исторіи и происхожденіи ея не сходилъ со сцены и не считался и не считается до сихъ поръ закрытымъ и вполнѣ разрѣшеннымъ.

Изслѣдованія лучшихъ современныхъ знатоковъ русской исторіи доказали, въ какой степени непримиримы посылки и предположенія современной науки по этому вопросу [1]). Узелъ его лежитъ въ исторіи сѣверныхъ крестьянъ, которые, по общему предположенію, подверглись въ меньшей степени, чѣмъ крестьяне средней и южной Россіи вліянію внѣшнихъ постороннихъ факторовъ; поэтому формы ихъ жизни отличались наибольшею устойчивостью и малоподвижностью. Поэтому и дошедшіе до насъ факты о нихъ позволяютъ съ большею, чѣмъ матеріалъ, дошедшій изъ другихъ мѣстъ, вѣроятностью заключить о первоначальныхъ поземельныхъ отношеніяхъ. Имѣя въ виду литературныя рѣшенія вопроса, мы, какъ замѣчено выше, можемъ сказать, что эти надежды пока еще далеко не оправдались: мало того, что не разрѣшенъ вопросъ о первоначальныхъ формахъ землевладѣнія и землепользованія и не установлена окончательно генетическая связь между старыми поземельными отношеніями и современною господствующею формою ихъ, но даже нельзя считать закрытымъ предварительнаго вопроса: какія формы землевладѣнія были у крестьянъ въ XVI—XVII в., т. е. въ то время, отъ котораго мы имѣемъ наибольшее колличество матеріала. Въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ литературныя и общественныя симпатіи раздѣляются между двумя теоріями: волостною и задружною. Первая видитъ въ сѣверной волости не только XVII в., но и настоящаго времени, остатокъ первоначальной поземельной общины, въ основѣ которой лежала родовая кровная связь, уступившая со временемъ мѣсто договор-

[1]) Ср. *Милюковъ*. „Спорные вопросы“ 25 и „Очерки по исторіи Русской культуры“ 187—189. Съ Лаппо-Данилевскимъ: „Организація прямого обложенія“, 76—89.

нымъ отношеніямъ. Волости были союзами поселеній, связанныхъ общимъ владѣніемъ землею; одними изъ такихъ земель и угодій: лугами, пастбищами, лѣсами, мѣстами охоты, залежами руды, волоками, перевозами, озерами, рѣками—волостные крестьяне пользовались сообща, каждый въ размѣрахъ своихъ нуждъ и потребностей. Другія—поля и усадьбы—находились въ отдѣльномъ пользованіи. По отношенію къ послѣднимъ роль общины заключалась въ наиболѣе равномѣрномъ распредѣленіи ихъ по дворамъ пропорціонально силамъ каждаго изъ нихъ. Въ отличіе отъ Бѣляева, эта теорія признаетъ, что всѣ ограниченія отдѣльнаго пользованія явились не сами собою вмѣстѣ съ общиною, а со временемъ подъ давленіемъ такихъ условій, какъ: увеличеніе населенія и уменьшеніе свободной земли; прежде, когда земли было много, а людей мало, каждый пользовался ею гдѣ хотѣлъ и какъ хотѣлъ; община—волость имѣла право на всѣ находящіяся въ ея границахъ земли и угодья, могла даже лишить крестьянина его участка, но это была скорѣе потенціональная, чѣмъ дѣйствительная, власть.

Общины представляли нѣсколько разновидностей: въ однѣхъ земля дѣйствительно принадлежала цѣлой волости, въ другихъ—группѣ поселковъ, изъ которыхъ одно село было главнымъ, остальныя тянули къ нему; наконецъ, нѣсколько деревень безъ центральнаго села могли составить общину. Далѣе: внутри волостной общины могли быть союзы нѣсколькихъ поселковъ, соединенныхъ между собою общиннымъ пользованіемъ какою либо частью угодья, въ которомъ не участвовали остальныя селенія. Наконецъ, двѣ волостныя общины иногда стояли въ федеративной связи другъ съ другомъ.—Ука-

занная волостная организація до XVII в. выжила только на сѣверѣ. Въ средней Россіи вотчина и помѣстье раздробили ее на деревни, не имѣвшія между собою никакой имущественной связи; къ этой деревнѣ перешли отъ волости всѣ общинные порядки [2]).

Я бы хотѣлъ остановить вниманіе читателя на приведенной схемѣ общинъ: при нашихъ послѣдующихъ наблюденіяхъ, мы убѣдимся, что она можетъ быть принята, правда, съ очень существенными оговорками; но здѣсь важны не детали вопроса а общая мысль во первыхъ о разновидностяхъ и группировкахъ союзовъ и во вторыхъ о видоизмѣненіяхъ ихъ подъ вліяніемъ вотчинника. Что касается до объема правъ общины, то благодаря прочно устанавливающемуся въ литературѣ взгляду на крестьянъ XVI—XVII в., какъ на владѣльцевъ свободно и неограниченно распоряжавшихся своею землею, свойственныя приведенной теоріи категорическія заявленія о неограниченной власти міра надъ земельнымъ имуществомъ своихъ членовъ замѣняются болѣе умѣренными. По мнѣнію Владимирскаго Буданова, на сѣверѣ въ XIV—XV в. поземельныя общины существовали повсюду. Но въ теченіи московскаго періода права общины дѣлаются все уже и уже; тѣмъ не менѣе и въ XVII в. волость не теряетъ права собственности на земли; только отношеніе къ этимъ землямъ двоякое: въ непосредственномъ пользованіи и распоряженіи находятся лишь земли некультурныя и запущенныя и очень рѣдко обработанныя. Послѣднія въ этомъ случаѣ волость иногда періодически передѣляетъ, распредѣляетъ между чле-

---

[2]) *Соколовскій*: „Очерки исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи“ 80—87, 130—161.

нами, въ большинствѣ же случаевъ отдаетъ ихъ въ наслѣдственное пользованіе частнымъ лицамъ, которые и имѣютъ права распоряженія участками.

Открытіе такъ называемаго судебника царя Ѳедора Ивановича 1589 г. позволило автору присоединить къ своей волостной теоріи данныя теоріи задружной: „по мѣрѣ разрушенія высшихъ общинъ (волостей), постепенно на первый планъ выступаютъ меньшія,—бывшія составными частями волости, а именно: села или деревни родовыя общины—дворы (печища) и товарищества". Это, какъ мы увидимъ, уже не первая попытка примиренія двухъ теорій: волостной и задружной; она отличается отъ другихъ лишь тѣмъ, что теорія товариществъ и печищъ строится ею на основаніи опубликованнаго матеріала [3]). Такимъ образомъ по разбираемой теоріи значительная часть обработанныхъ земель подлежитъ праву распоряженія не волости, а отдѣльныхъ владѣльцевъ и не можетъ быть отобрана отъ нихъ.—Другіе изслѣдователи дѣлаютъ еще болѣе рѣшительный шагъ въ сторону взглядовъ Чичерина, не только отказываясь совершенно отъ признанія за волостью какихъ бы то ни было правъ на культурные участки отдѣльныхъ хозяевъ но даже (чего не дѣлаетъ и Чичеринъ) признавая ихъ собственниками этихъ участковъ [4]). Въ отличіе отъ предшествующей теоріи, эта видитъ двухъ субъектовъ владѣнія и собственности на два различные рода земель: во владѣніи или собственности волости оставалось только то, что не освоено отдѣльными крестьянами; всѣмъ этимъ во-

---

[3]) *Владимірскій-Будановъ*. „Обзоръ исторіи Русскаго права" изд. 3, 1900 г. 546 и слѣд., 144.

[4]) *Сергѣевичъ*. Юридическія древности I т. 215—222.

лость распоряжается непосредственно сама; она наблюдаетъ, чтобы никто посторонній не осваивалъ ихъ безъ ея вѣдома и согласія, и такимъ образомъ контролируетъ устройство запмокъ. Культурныя земли находятся въ собственности отдѣльныхъ крестьянъ.

Такое измѣненіе взгляда на объемъ власти общины отчасти обусловлено почти совершеннымъ отсутствіемъ матеріала, безспорно доказывающаго наличность у волости такихъ правъ, которыхъ бы нельзя было объяснить изъ тяглыхъ отношеній. Существованіе передѣловъ подвергнуто сомнѣнію вслѣдствіе того, что всѣ имѣвшіяся въ рукахъ данныя о нихъ относились къ вотчинной средней Россіи; а наличность неограниченнаго права распоряженія у сѣверныхъ крестьянъ препятствовала принять положенія, выработанныя на основаніи этихъ документовъ. На эту сторону волостной теоріи и была главнымъ образомъ направлена критика ея оппонентовъ, выдвинувшихъ на мѣсто хозяйственной общины, общину тяглую, какъ союзъ, связывающій отдѣльныхъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга хозяевъ, и тягло, какъ начало, цементирующее ихъ.

Значительно выяснивши степень доказательности доводовъ и аргументацій общинниковъ, задружная теорія сама тѣмъ не менѣе далеко не вполнѣ разъяснила характеръ имущественныхъ отношеній между волостью и крестьяниномъ. Ея положительная заслуга заключается въ прекрасномъ анализѣ дворовыхъ и деревенскихъ отношеній; выводы же изъ нихъ къ первоначальной элементарной клѣточкѣ поземельныхъ организацій, точно также, какъ построеніе общей системы поземельныхъ отношеній на сѣверѣ XVI—XVII в. нуждаются въ значительной провѣркѣ. На первомъ мѣстѣ изъ представителей задружной

теоріи надо, конечно, поставить лучшаго знатока исторіи ✓
сѣвернаго землевладѣнія г-жу А. Ефименко. Заявленія автора, что у нея въ рукахъ „были сотни актовъ, которые не только свидѣтельствуютъ о существованіи деревни, какъ обособленной поземельной единицы, но даютъ очень детальное представленіе объ ея организаціи, и ни одного акта, который бы указывалъ на существованіе болѣе обширной поземельной единицы—волости", позволяетъ, такъ сказать, объективно опредѣлить объемъ вопросовъ, которые должны быть документально рѣшены авторомъ, это — организація деревни. Что касается до другихъ союзовъ, то во первыхъ, отсутствіе документовъ въ рукахъ автора не говоритъ еще и за отсутствіе организаціи большихъ, чѣмъ деревня и во вторыхъ теорія союзовъ, представленная имъ, благодаря сознаваемому имъ самимъ недостатку памятниковъ должна считаться не менѣе гипотетичною, чѣмъ построеніе волостной теоріи. Тѣмъ не менѣе авторъ не удержался въ границахъ, указанныхъ ему памятниками. Сдѣлавши предположеніе, что его источниками (къ несчастію, такъ и оставшимися неизвѣстными) исчерпывается весь матеріалъ, какой только могла дать исторія сѣвернаго землевладѣнія, онъ строитъ теорію происхожденія всѣхъ поземельныхъ организацій сначала для сѣвера, а впослѣдствіи распространяетъ свои выводы и на остальную Россію,—отрицаетъ существованіе большихъ, чѣмъ деревня, поземельныхъ союзовъ, наконецъ, указываетъ дальнѣйшую судьбу найденной имъ (на сѣверѣ) долевой деревенской организаціи. Исходный моментъ поземельной организаціи—сложная семья,—задруга, печище—дворъ, состоящій изъ родственниковъ нѣсколькихъ поколѣній, сообща владѣющихъ землею и ведущихъ хозяйство. Этому двору принадлежитъ все,

что онъ успѣвалъ трудомъ отвоевать у природы. Починокъ путемъ раздѣла разросталось въ деревню или поселокъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ дворовъ. Но и послѣ раздѣла члены деревни не утрачивали ни сознанія своей связи между собою, ни даже хозяйственнаго единства. Каждый изъ нихъ при раздѣлѣ получалъ изъ обще-семейнаго имущества долю, на какую имѣлъ право, смотря по своей близости къ главѣ семьи; эти доли и послѣ раздѣла въ понятіи ихъ обладателей не составляли самостоятельнаго цѣлаго: онѣ только части общаго единаго прежняго починка теперешней деревни. Мало того: „дѣлежъ не разбивалъ этого цѣлаго безповоротно: каждый, кто находилъ, что его участокъ не соотвѣтствуетъ его праву, его идеальный долѣ, могъ требовать уравненія, передѣла". Владѣлецъ доли имѣлъ всѣ права распоряженія, и, отчуждая свою долю, переносилъ на пріобрѣтателя всѣ права, какія самъ имѣлъ; такимъ образомъ посторонній, вошедшій путемъ сдѣлки въ среду деревенскихъ жильцовъ, дѣлался естественнымъ замѣстителемъ стараго члена починка: и, какъ и послѣдній, могъ требовать передѣла. „Если въ родственную схему вложить посторонніе элементы... получается въ этомъ обычаѣ (передѣловъ), прототипъ общиннаго передѣла". Происхожденіе деревни изъ двора и долевое дѣленіе земель создавало еще одно крупное, по мнѣнію автора, явленіе: каждый дольщикъ получалъ землю всѣхъ качествъ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только имѣлъ ее дворъ—починокъ. Отсюда въ деревнѣ пашни были разбиты на смѣны (въ соотвѣтствіи съ двухъ или трехъ-польнымъ хозяйствамъ), а смѣны на поля или коны, причемъ каждый дворъ имѣлъ участокъ непремѣнно въ каждомъ кону каждой смѣны, въ каждой пожнѣ, въ каждомъ переложкѣ,

закрайкѣ. Это землевладѣніе, не будучи общиннымъ, не было и подворно участковымъ. Это особый типъ поземельной организаціи, названной авторомъ долевымъ. Въ немъ находились элементы и общиннаго и подворно-участковаго владѣнія; первые — въ участіи дольщиковъ во всѣхъ земляхъ деревни, въ обязательномъ сѣвооборотѣ и въ существованіи передѣловъ: вторые—въ неограниченномъ правѣ распоряженія принадлежавшемъ каждому дольщику. Тѣ или другіе изъ нихъ въ будущемъ получатъ перевѣсъ, смотря по тому, въ какія отношенія къ землѣ станетъ крестьянинъ: тамъ, гдѣ онъ останется собственникомъ, долевая организація перейдетъ въ подворно-участковую; напротивъ, если собственность на землю перейдетъ къ государству, помѣщику или крупному вотчиннику, а крестьянинъ сдѣлается только временнымъ владѣльцемъ, долевое владѣніе перейдетъ въ общинное. Впрочемъ, на сѣверѣ послѣдняго произойти не могло, такъ какъ, по мнѣнію автора, здѣсь отношеніе вотчинныхъ крестьянъ къ своимъ землямъ было точно такимъ же, какъ отношенія свободныхъ.

Въ XVII в. уже есть признаки превращенія, перваго рода: во второй половинѣ столѣтія существованія передѣловъ не замѣтно, земля деревенская распредѣляется далеко не равномѣрно: не всѣ владѣльцы имѣютъ участіе во всѣхъ земляхъ; нѣкоторые лоскуты земли попадаютъ во владѣніе одного, двухъ дворовъ, и изъ участія въ нихъ исключены остальные; прежде существовало юридическое неравенство между дольщиками: заключавшееся въ томъ, что лица неравнаго родства получали неравныя доли (земля дѣлилась не поголовно, а поколѣнно, каждое колѣно получало одинаковую долю, напр.: два брата, какъ представители двухъ колѣнъ, получали

поровну; если одинъ изъ нихъ умеръ, оставивши двухъ сыновей, то имущество все-таки по прежнему дѣлилось на 2, а не на 3 доли: 1 доля шла дядѣ, 1—2-мъ племянникамъ; такъ что каждый изъ нихъ имѣлъ въ 2 раза меньше, чѣмъ дядя); теперь возникаетъ значительное экономическое неравенство.

Самое существенное изъ условій, вліявшее на разложеніе деревни — увеличеніе населенія; прежде деревни заключали 1—2 двора, а въ XVII в. въ нихъ уже отъ 4—15 дворовъ. Никакихъ союзовъ, имѣвшихъ порядки общиннаго поземельнаго владѣнія, внѣ деревни не существуетъ. Никакихъ поземельныхъ связей между деревнями нѣтъ; встрѣчаются иногда общія земли, принадлежавшія 2—3 деревнямъ, но онѣ ни мало не измѣняютъ общей картины. Имущественныя отношенія, въ общемъ, исчерпываются отношеніями деревень къ землѣ и угодьямъ, притянутымъ къ нимъ трудовымъ захватомъ. Остальная земля „дикая вольная Божья" — „государева — de jure, ничья de facto". Не отрицая за волостью органическаго происхожденія, авторъ однако признаетъ ее организаціею, въ которой главнымъ связующимъ членовъ элементомъ служили податныя обязанности и отчасти нравственныя потребности обитателей. Волость такимъ образомъ являлась юридическимъ лицомъ, но не была хозяйственнымъ союзомъ, проникнутымъ имущественными отношеніями. Эти отношенія, правда, случайно появлялись и въ ней, но только прижившись къ остальнымъ и вытекали всецѣло изъ тягла, такъ: волость могла брать у казны на оброкъ свободныя земли, могла даже имѣть свои земли, которыми и распоряжалась, продавая ихъ своимъ членамъ или отдавая на оброкъ. Волость, какъ имущественно-управомоченный субъектъ является

подъ вліяніемъ государственныхъ финансовыхъ мотивовъ только въ XVIII—XIX в.; передѣлы въ Архангельской губ. появляются въ XIX в[5].), въ Вологодской въ XVIIв.[6]). Такимъ образомъ основная мысль теоріи: единственный хозяйственный союзъ, единственный представитель коллективнаго владѣнія XVII в.—деревня; волость—тягльй союзъ, который только случайно входитъ въ имущественныя отношенія. Такое предположеніе однако не вытекаетъ необходимо изъ посылокъ задружной теоріи. Съ одной стороны, нѣкоторые изъ ея представителей пытались генетически вывести волость изъ задруги: разрастаясь, задруга образовывала союзы поселковъ, связанные духовными, торговыми и административными интересами. Въ XVII в. эти союзы уже до нѣкоторой степени проникнулись имущественными отношеніями: волость устраиваетъ новоселовъ, начинаетъ вступаться даже въ наслѣдованіе своихъ членовъ, отбираетъ въ свою пользу небольшіе участки культурной земли и вслѣдствіе ихъ хозяйственной цѣнности допускаетъ на нихъ только общее нераздѣльное пользованіе. Въ XVIII в. за волостями имѣются уже обширныя пространства культурной земли. Далѣе: какъ по взгляду волостной теоріи, волость всюду существовала вездѣ, а впослѣдствіи подъ вліяніемъ вотчинника въ Средней Россіи разбилась на деревни, оставшись въ цѣлости лишь на сѣверѣ; такъ по взгляду разбираемаго нами сейчасъ автора, она успѣла доразвиться только на сѣверѣ, а въ Средней Россіи разбилась на

---

[5]) *А. Ефименко.* „Изслѣдованія народной жизни", вып. I. „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ": 208—221, 294 и слѣд.

[6]) *В. В.* Начало предѣловъ на сѣверѣ (въ Русской Мысли, за 1898 г. IX—X кн.).

деревни [7]). Такъ или иначе, но и здѣсь волость является органическимъ продуктомъ, развившимся изъ хозяйственныхъ союзовъ. Съ другой стороны, волостная теорія пытается установить связь между волостью и задругою, принимая первую за элементарную клѣточку послѣдующихъ поземельныхъ организацій. Волость—верьвь, первоначально сообща владѣвшая землею, раздробилась на печища, послѣднія внутри себя представляли общины, внѣ связывались другъ съ другомъ владѣніемъ пастбищами и лѣсами, по прежнему оставшимся въ коллективномъ владѣніи верви. Частная собственность впервые появилась въ печищахъ [8]).—Исходнымъ моментомъ развитія поземельныхъ организацій, мы видѣли, признается или значительный территоріальный союзъ - волость, верьвь первоначальная община или—сложная семья. Если даже, слѣдуя А. Ефименка, признать, что на сѣверѣ родовыя организаціи не могли имѣть мѣста, вслѣдствіе того, что онѣ уже разложились въ мѣстахъ, откуда шла колонизація, для насъ вопросъ только ставится на другую почву, но не разрѣшается: каковъ былъ порядокъ колонизаціи: шли-ли переселенцы отдѣльными семьями — задругами, какъ это предполагаетъ указанный авторъ, и каждая задруга отдѣльно отъ другихъ занимала землю, осваивала ее и образовывала печище; или, какъ можно не безъ основанія предположить, шли цѣлыя дружины, военныя артели и занимали землю; всегда готовыя къ оборонѣ, осаживались онѣ на нее такими же группами, какими пришли, и образовывали такимъ путемъ сразу не отдѣльныя печища, а тѣ небольшія группы деревень,

---

[7]) *Блуменфельдтъ*. „О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи“, т. IV, раздѣлы III и IV.

[8]) *П. Ефименко*. Ж. М. Н. Пр. IX—XI.

какія мы встрѣчаемъ на сѣверѣ въ XVI—XVII в. Эти военныя артели превращались въ трудовыя и разбивались на печища—дворы, имѣвшія хозяйственныя связи между собою. За такое предположеніе говоритъ, во-первыхъ; порядокъ разселенія въ XVI—XVII в., когда деревни особняки въ одинъ дворъ встрѣчались довольно рѣдко, и вѣроятно, образовывались въ то время, когда край былъ уже замиренъ; въ большинствѣ же случаевъ онѣ жались другъ къ другу, образовывали скопленія поселковъ, группы, разбросанныя тамъ и сямъ по теченіямъ рѣкъ и рѣчекъ. Во-2-хъ нашу мысль подтверждаетъ, повидимому, и порядокъ занмокъ въ XVII в.; бывали, конечно, и нерѣдко можетъ быть, случаи устройства обособленныхъ починковъ, но рядомъ съ ними „починаютъ“ строить дворы и пахать землю цѣлыя артели, образуя сразу или деревню въ нѣсколько печищъ—дворовъ, или даже группу деревень. Примѣры перваго можно найти въ Устюжскихъ писцовыхъ книгахъ: „деревня (такая-то) въ ней пашню расчищаютъ ново“, „въ ней дворы крестьяне ставятъ ново“. Въ каждомъ изъ такихъ случаевъ строятся или уже построены 2—3 двора [9]). Примѣръ второго рода, починковъ представляетъ артель крестьянъ Лузской Перемцы (Сольвычегодскаго уѣзда): въ 1623 году, она пахала наѣздомъ, землю на рѣкѣ Леткѣ, на Вятскомъ волоку и платила оброкъ; въ 1647 году, мы находимъ ее уже поселившеюся на наѣзжихъ пашняхъ и образовавшею рядъ починковъ въ 1, 2, 3 двора каждый [10]). Наконецъ, иногда деревня образовывалась изъ соединенія нѣсколькихъ сосѣднихъ

[9]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Устюжскія писцовыя книги № 506: 209, 258, 259.

[10]) Ibid. Сольвычегодскія писцовыя книги, № 452: 837.

поселковъ. Отсюда произошли такія значительныя деревни, какъ въ Мезенскомъ уѣздѣ дворовъ въ 20, 30, 40 [11]). Но то и другое изъ приведенныхъ предположеній, мнѣ думается, нуждается въ значительныхъ документальныхъ подтвержденіяхъ. Поэтому мы оставляемъ пока этотъ вопросъ въ сторонѣ, оставляя за собою право возвратиться къ нему впослѣдствіе. Сейчасъ мы имѣемъ въ виду изслѣдовать уже установившіяся въ XVII в. поземельныя организаціи. — Кромѣ объема вопроса, слѣдуетъ точно опредѣлить ту территоріальную область, которой касаются наши наблюденія. Изслѣдователи сѣвернаго землевладѣнія, сосредоточивши все вниманіе на свободныхъ крестьянахъ, или игнорировали существованіе на сѣверѣ крѣпостного права, или не придавали ему никакого значенія. Поэтому общая почти всѣмъ имъ посылка о вліяніи вотчинника на общинную и деревенскую организацію, такъ и осталась непримѣненной къ изучаемымъ нами окраинамъ. Получается такое впечатлѣніе, будто крупная сѣверная вотчина совершенно не затронула правовыхъ отношеній крестьянъ, что, впрочемъ, и высказалъ одинъ изъ изслѣдователей, признавши, что владѣніе землею сѣверныхъ вотчинныхъ крестьянъ ничѣмъ не отличается отъ владѣнія свободныхъ. Между тѣмъ вопросъ о внѣшнихъ вліяніяхъ на формы крестьянскаго землевладѣнія наиболѣе удобно рѣшить путемъ наблюденія такихъ мѣстъ, въ которыхъ имѣется наименьшее количество отличныхъ факторовъ; такъ что сравнительно легко выяснить вліяніе каждаго изъ нихъ отдѣльно. Естественныя условія, состояніе земледѣльческой культуры и условія спроса на землю въ нѣкоторыхъ различ-

[11]) См. ниже, въ главѣ о междудеревенскихъ отношеніяхъ.

ныхъ районахъ сѣвера были приблизительно одинаковыми; отличіе—наиболѣе уловимое по крайней мѣрѣ—сводилось къ различнымъ условіямъ общественнаго существованія, именно: одни крестьяне были свободными, другіе—владѣльческими. Окраина – потому только, что она окраина,— не могла скрасить несвободнаго состоянія. Въ предѣлахъ нынѣшней Архангельской губерніи и Устюжскаго, Тотемскаго и Сольвычегодскаго уѣздовъ Вологодской губ. въ общихъ чертахъ распредѣленіе крупнаго и мелкаго землевладѣнія приблизительно было слѣдующее: на сѣверо-западѣ и сѣверѣ монастырскія вотчины лежали сплошными площадями особенно во второй половинѣ XVII в., когда былъ устроенъ Крестный монастырь и за него были переведены свободные крестьяне. По направленію къ востоку количество земель духовныхъ вотчинниковъ убываетъ: по теченію рѣки Двины онѣ находятся въ черезполосномъ владѣніи съ крестьянскими Еще восточнѣе: по Пинегѣ, Мезени и далѣе онѣ совершенно почти изчезаютъ: въ Кеврольскомъ (нынѣшнемъ Пинежскомъ) и Мезенскомъ уѣздахъ единственный почти землевладѣлецъ-крестьянинъ; и среди массы крестьянскихъ земель совершенно тонутъ микроскопически незначительныя земли приходскихъ церквей, монастырей и пустыней. Къ югу: въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ рядомъ съ духовными вотчинами попадаются не менѣе крупныя вотчины богатыхъ посадскихъ, крестьянъ и Строгоновыхъ. Всѣ онѣ находятся въ черезполосномъ владѣніи съ крестьянскими землями.

Для нашихъ наблюденій надъ бытомъ свободныхъ крестьянъ мы взяли уѣздъ, совершенно лишенный крупныхъ вотчинниковъ — Кеврольскій (нынѣшній Пинежскій). Но въ немъ мы могли наблюдать крестьянское землевладѣніе

сравнительно позднѣйшаго типа. Не имѣя подъ руками рѣшительно никакихъ матеріаловъ по исторіи того же уѣзда болѣе ранняго времени, мы обращаемся къ другимъ сѣвернымъ уѣздамъ—современному Шенкурскому и Сольвычегодскому, гдѣ еще въ XVII в. имѣли мѣсто организаціи болѣе рудиментарныя, чѣмъ въ Кевролѣ. Такая замѣна представленій во времени представленіями въ пространствѣ не говоря уже о томъ, что вполнѣ примѣнима къ исторической работѣ, оказалась очень удобной для нашихъ ближайшихъ цѣлей. Объяснимся. При наблюденіи землевладѣнія Пинежскаго уѣзда, мы могли замѣтить, что такъ называемая горпая пашня находится въ подворно-участковомъ владѣніи. По писцовымъ книгамъ указанъ размѣръ каждой подворной пашни. Несмотря на очень значительную нерѣдко разницу въ размѣрахъ дворовыхъ запашекъ каждой отдѣльной деревни, можно однако замѣтить слѣды равенства пашенъ въ этихъ деревняхъ, именно: въ маленькихъ деревняхъ нерѣдко всѣ дворовыя земли равны, въ большихъ—эти пашни соединяются въ группы, такихъ группъ нѣсколько въ деревнѣ, пашни каждой группы равны между собою, и не равны дворовымъ пашнямъ другихъ группъ. Сольвычегодскій уѣздъ далъ намъ разъясненіе этого явленія: здѣсь мы встрѣчаемъ вмѣсто равныхъ полевыхъ земель въ маленькихъ деревняхъ и группъ съ равными полями въ большихъ,—въ первыхъ—общія полевыя земли у всей деревни, въ вторыхъ—общія полевыя земли у тѣхъ группъ, на которыя распадается большая деревня. Наконецъ, матеріалы по Шенкурскому уѣзду дали намъ полную картину тѣхъ поземельныхъ отношеній, какія существовали въ деревняхъ, земли которыхъ находились въ общемъ владѣніи и въ отдѣльномъ пользованіи ихъ жильцовъ,

т.-е. въ деревняхъ подобныхъ небольшимъ Сольвычегодскимъ. Спускаясь такимъ образомъ отъ высшихъ организацій къ низшимъ, мы должны были дойти до той формы владѣнія, которую г. Ефименко назвала долевою, и до ея материнской формы—двора.

Предполагая возможнымъ развитіе долевой организаціи изъ товарищескаго союза, состоявшаго изъ нѣсколькихъ дворовъ, а не непремѣнно изъ одного двора, въ который могутъ входить наряду съ родственниками и товарищи, мы не впадемъ въ противорѣчіе съ собою, если вслѣдъ за г. Ефименко представимъ сначала простѣйшій процессъ развитія, т.-е. преобразованіе дворовой организаціи въ долевую. Эта послѣдняя организація, имѣла мѣсто въ то время, когда система земледѣлія была наиболѣе экстенсивна; это видно изъ слѣдующаго: въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, гдѣ еще наряду съ распахиваемой пашнею, есть перелогъ, сохраняются слѣды и долевой организаціи въ видѣ указанныхъ уже небольшихъ деревень и группъ въ болѣе значительныхъ деревняхъ съ общимъ владѣніемъ; напротивъ, въ Кевролѣ, гдѣ перелогъ почти совершенно исчезаетъ, пашня находится уже въ подворно-участковомъ владѣніи. Но говоря о параллелизмѣ двухъ этихъ явленій—системы земледѣлія и организаціи поземельныхъ отношеній,—мы должны имѣть въ виду то, что системы земледѣлія измѣняются не одновременно по отношенію ко всѣмъ землямъ: къ горной землѣ примѣняется не только трехполье и паръ, но и усиленное удобреніе, и въ то же время луговая и пастотищная земля подлежатъ гораздо болѣе экстенсивной культурѣ—залежно-паровой; но точно также далеко неодновременно измѣняются и формы отношеній по различнаго рода землямъ: тогда какъ горная земля переходитъ въ подворно-участковое владѣніе,

паскотинная сплошь и рядомъ остается въ складническомъ — и это въ одной деревнѣ. Но параллельно съ этимъ совершается и другой процессъ, именно: складническая организація приспособляется не только къ тѣмъ землямъ, которыя обработываются болѣе или менѣе экстенсивно, но и къ тѣмъ, запасъ которыхъ болѣе или менѣе значителенъ. Разъ налицо есть экстенсивная система и въ то же время запасъ земли, къ которой она примѣняется, не настолько великъ, чтобы каждая отдѣльная деревня могла, наряду съ другими, свободно пользоваться ею, отношенія къ такой землѣ измѣняются: складничества, или отдѣльныя деревни объединяются въ одинъ сложный мірской союзъ. Это явленіе особенно замѣтно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ долевая организація преобразовалась въ подворно-участковую, т.-е. въ Кевродьскомъ уѣздѣ; здѣсь такимъ образомъ наряду съ подворно-участковымъ владѣніемъ горною полевою землею, мы встрѣчаемъ долевое-складническое — нѣкоторыми угодьями, запасъ которыхъ болѣе или менѣе достаточенъ, и мірское—тѣми угодьями и землями, запасъ которыхъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ спросу на нихъ.

На этомъ мы окапчиваемъ наши наблюденія свободныхъ крестьянскихъ организацій. Переходимъ къ несвободнымъ. Для наблюденія ихъ беремъ уѣздъ, почти сплошь занятый вотчинами Крестнаго монастыря — Онѣжскій. Здѣсь во-первыхъ мы наблюдаемъ дальнѣйшее развитіе мірского-волостного владѣнія, развитіе, которому на свободныхъ земляхъ мѣшали такъ сказать индивидуалистическія тенденціи: подворно-участковое владѣніе начинало переходить съ горныхъ земель на другія земли и угодья. Во-вторыхъ, складническая—долевая — организація деревни, съузившаяся въ свободныхъ земляхъ (Кеврола) до

того, что охватывала лишь нѣкоторыя принадлежности пашни (поскотины, лѣсныя росчисти), въ монастырскихъ вотчинахъ снова оживаетъ; но уже въ измѣненномъ видѣ: среди свободныхъ крестьянъ складническая деревня представляетъ изъ себя замкнутое цѣлое, имѣющее въ своемъ распоряженіи всѣ нужныя ей земли и угодья, на владѣльческихъ—она составляетъ неразрывную часть волости и въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ находится въ очень значительной зависимости отъ нея.

II.

Дворъ. Деревня: ея внѣшній видъ, усадебныя мѣста и сервитуты.

Дворовыя отношенія послужили предметомъ изслѣдованія г. Ефименко, поэтому я остановлюсь на нихъ лишь настолько, насколько это необходимо для пониманія значенія двора въ складническихъ и мірскихъ имущественныхъ отношеніяхъ. Въ трехъ волостяхъ Кеврольскаго уѣзда: Кевролѣ, Чаколѣ и Марьиной Горѣ въ среднемъ на дворъ первой четверти XVII в. приходилось 1,7—1,8 взрослыхъ мужчинъ; въ 80-хъ годахъ того же столѣтія, вѣроятно, подъ вліяніемъ введенія дворовой подати цифра эта поднялась до 2—2,3; все мужское населеніе крестьянскаго двора (также въ среднемъ) выражалось въ 3,2—4,1. Эта цифра почти совпадаетъ съ среднею населенностью двора въ Двинскомъ, Кеврольскомъ, Мезенскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ въ 1717 г., именно: въ первыхъ трехъ 18885 человѣкъ мужчинъ приходилось на 5593 двора, слѣдовательно, на дворъ по 3,3, въ послѣднемъ—10638 ч. на 2966 дворовъ, т.-е. на дворъ 3,5. Женское

населеніе двора въ этомъ же году: въ Двинскомъ, Кеврольскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ—20554, на дворъ по 3,7, въ Сольвычегодскомъ—10731—на дворъ – 3,7 [12]). Такимъ образомъ общее количество мужского и женскаго населенія — 7—7,2 человѣка на дворъ. Судя по совпаденію количества мужского населенія двора въ XVII и началѣ XVIII в., можно думать, что и все населеніе его за эти два періода была одна и та же, т.-е. 7—7,2. За этими средними скрываются наряду съ незначительными индивидуальными семьями, состоящими или изъ одного мужчины—главы семьи, или изъ отца и дѣтей, сложныя семьи, состоящія изъ братьевъ, братьевъ съ ихъ дѣтьми и съ племянниками, изрѣдка изъ двоюродниковъ, изъ лицъ трехъ поколѣній: дѣда, сыновей и внуковъ, наконецъ, въ одномъ дворѣ нерѣдко жили, владѣли и пользовались нераздѣльно всѣмъ имуществомъ не только родственники, но и свойственники и постороніе. Установленіе свойства соединяется съ установленіемъ полнаго дворового коллективнаго владѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда, выдавая замужъ дочь, отецъ принимаетъ въ свой домъ зятя, дѣлаетъ его участникомъ во владѣніи всей своей недвижимостью и движимостью, „припускаетъ къ деревнѣ и къ животамъ“; отсюда и акты о пріемѣ назывались припускными и вживными памятями. Если зять вносилъ въ семейное имущество и свое имущество, составлялся складной животъ; отсюда и сдѣлки получали названіе складныхъ, и образовавшееся товарищество свой-

---

[12]) Эти, какъ и слѣдующія, наблюденія сдѣланы по писцовымъ книгамъ Кеврольскаго уѣзда 1623 и 1686 г. (Моск. Архивъ Мин. Юст. № 185, 186) и по ландратскимъ названныхъ уѣздовъ за 1717 г. (ibid.).

ственниковъ—складствомъ [13]). Такое же складство, отожествлявшееся во всѣхъ подобныхъ случаяхъ съ полнымъ имущественнымъ коллективизмомъ, слагалось и безъ всякой примѣси отношеній по свойству и родству, просто путемъ договора постороннихъ между собою: „да по другому пути (сдѣлкѣ) заложилъ *по складной* грамотѣ, что язъ *складывался* съ Ѳедорою Артемоваго дочерью *вмѣстѣ жити*; и язъ по той складной заложилъ да и по поемной и по дѣловой записи, что мнѣ отъ Ѳедоры съ дѣтьми съ дѣлу досталось“ [14]). Въ Кеврольскомъ уѣздѣ, отношеніе между двумя родами семей въ XVII в. идетъ въ пользу индивидуальныхъ.—Подъ дворомъ, какъ субъектомъ владѣнія, преимущественно понимался въ XVII в. не одинъ только наличный составъ живущихъ въ немъ семейныхъ и товарищей, а рядъ преемственно связанныхъ поколѣній. Право сдѣлать, такое заключеніе даетъ намъ писцовыя книги: писецъ считаетъ основаніемъ владѣнія землею не тотъ актъ, по которому земля перешла къ данному составу семьи: наслѣдованіе, завѣщаніе и пр., а тотъ, путемъ котораго она пріобрѣтена первымъ владѣльцемъ ея, лицомъ предшествующаго поколѣнія. Цѣлостность имущественныхъ отношеній, признаніе двора, а не лица субъектомъ владѣнія землею означали только то, что въ большинствѣ имущественныхъ отношеній хозяйственная жизнь отдѣльныхъ лицъ складывалась на почвѣ союзныхъ имущественныхъ отношеній. Это не значитъ, что она вполнѣ поглощалась послѣдними; напро

---

[13]) Древности Труды Археограф. коммиссіи Московскаго Археологическаго Общества, т. I., 3 вып. стр. 417; Р. Ист. Библ. XIV т., 1644—1620 г.

[14]) Древности, т. I, в. 3, стр. 416; Рус. Ист, Библ. XIV т., CIX—1612 г.

тивъ, центральною фигурою многихъ сдѣлокъ является именно индивидъ. Но чтобы быть имущественно управомоченнымъ, ему необходимо быть членомъ какого-нибудь союза — собственника или владѣльца — и прежде всего перваго элементарнаго хозяйственнаго союза—двора; вся имущественная жизнь его (если не считать собинъ) есть дальнѣйшее развитіе того положенія, какое онъ занимаетъ въ послѣднемъ. Не всѣмъ лицамъ можно приписать имущественную правоспособность въ одинаковой степени, въ частности по отношенію къ недвижимости, къ землѣ, а только тѣмъ, которымъ даетъ ее семейное право, именно: прежде всего—мужчинамъ, во вторыхъ: тѣмъ изъ женщинъ, которыя являлись единственными представительницами входящихъ во дворъ родственныхъ колѣнъ, иначе говоря: дочерямъ при отсутствіи сыновей, въ третьихъ: матери — вдовѣ при несовершеннолѣтнихъ дѣтяхъ. Таково было общее правило; существовали исключенія въ пользу или во вредъ женщинѣ, такъ: иногда сестра при братьяхъ предъявляла претензіи на семейное имущество и съ другой стороны при живыхъ дочеряхъ на случай смерти сына, наслѣдодатель назначалъ субститутомъ своего брата.—Далѣе: не всѣ правоспособные члены двора имѣли равныя права: размѣръ доли каждаго въ общесемейномъ имуществѣ зависѣлъ отъ его положенія въ семьѣ: сыновья имѣли права не равныя доли, внуки, сколько бы ихъ ни было, получали при раздѣлѣ столько долей, сколько слѣдовало ихъ отцу; такимъ образомъ: если во дворѣ былъ 1 дядя и 2 племянника—дѣти его брата,—то размѣръ доли дяди равнялся суммѣ долей его племянниковъ.—Наконецъ, не на всѣ имущества членъ двора имѣлъ одинаковый объемъ правъ: по отношенію ко всей массѣ общесемейнаго имущества онъ

лишь участникъ въ пользованіи и распоряженіи; за то, по отношенію къ той долѣ его, какая ему слѣдуетъ сообразно съ его положеніемъ во дворѣ, онъ—полный распорядитель, т. е. можетъ ее продать, заложить, подарить, пожертвовать, завѣщать [15]); у другихъ членовъ остается лишь право выкупа. Но рядомъ съ этимъ обособленность доли ясно выступаетъ только въ моментъ сдѣлки или выдѣла и раздѣла; до этого времени членъ двора не всегда имѣетъ соотвѣтствующій своей долѣ конкретный выдѣленный участокъ; онъ ведетъ хозяйство, пользуется плодами его вмѣстѣ съ остальными членами.

Эти отношенія нимало не измѣнялись отъ того, какихъ имуществъ они касались, собственныхъ ли земель и угодій двора, или тѣхъ, которыми дворъ только пользовался, т. е. складническихъ и мірскихъ. Черезъ дворъ, крестьянинъ выступалъ распорядителемъ своей доли, которая составлялась и изъ дворовыхъ и изъ деревенскихъ и мірскихъ угодій—и земель, точнѣе: изъ правъ во всѣхъ этихъ имуществахъ, такъ: онъ участвовалъ въ совладѣніи деревни, группы деревень, волости, союза волостей. Какъ по отношенію къ его долѣ это участіе выражалось въ правѣ распоряженія ею, такъ, по отношенію къ цѣлымъ дворовымъ, складническимъ и мірскимъ имуществамъ въ томъ, что его голосъ не пропадалъ даромъ, не только на семейномъ совѣтѣ, но и на мірской сходкѣ, какого бы союза органомъ она ни была. Значеніе этого голоса лишь ослаблялись по мѣрѣ перехода отъ мелкихъ

---

[15]) Напр: „и заимщикъ заложилъ и подписалъ владѣнія своего на выкупѣ горной земли и луговой, что отъ братьи съ дѣлу *достанется*...; а прежъ сего тѣтъ мой участокъ въ закладѣ на Лампожнѣ у Моисея Онапьина". Мезенскія крѣпостныя книги № 43, стр. 20. idem: № 43: 66, № 44—234.

группъ къ крупнымъ, такъ какъ на семейномъ совѣтѣ онъ участвовалъ непосредственно [16]), на мірской сходкѣ только тогда, когда являлся дворовладѣльцемъ [17]), въ противномъ случаѣ черезъ посредство послѣдняго, на совѣтѣ представителей нѣсколькихъ волостей — черезъ посыльныхъ отъ нихъ [18]).

— Жилыя и хозяйственныя крестьянскія постройки состояли изъ дворовыхъ и „воиныхъ“, или „наулычныхъ“; первыми были: изба, клѣть съ подклѣтемъ, сарай; иногда онѣ окружались заборомъ — заплотомъ; вторыми: баня, овинъ, житница, и смотря по состоятельности, мельница, поварня; наконецъ, къ воинымъ постройкамъ причислялась иногда часовня; всѣ эти постройки находились за заплотомъ [19]), „на улицѣ“. При раздѣлѣ семьи, по общему правилу дѣлились только дворовыя постройки; значитъ семьи жили отдѣльно каждая въ своей избѣ; „воиныя“ оставались не раздѣльными и отдѣльныя хозяйства владѣли ими по паямъ; повидимому, было въ обычаѣ имѣть нѣкоторые хоромы, напр., амбары, общими и съ посторонними людьми. Совмѣстность владѣнія ими переживаетъ даже совладѣніе пашнею: послѣднее уже распалось, а бани, амбары, овины продолжали находится въ общемъ владѣніи [20]). Хоромы или доли въ нихъ отчуждались вмѣстѣ съ землями и также какъ въ послѣднихъ, въ

---

[16]) Рус. Ист. Библ. XII т. XIX.

[17]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда „Паскотины дѣльная“ 1624.

[18]) Рус. Ист. Библ. XIV т. LXV, CLXVI.

[19]) Дѣла Устюжскаго уѣзднаго суда № 12735, купчая 153 г., дѣла Пинежскаго у. суда № 33, купчая 178 г.

[20]) Сольвычегодскія П. К. № 501: 182, 227, 229, 230, 242; № 506: 1219, 1225.

ихъ могли отчуждаться доли, матеріально невыдѣленныя: одинъ крестьянинъ продаетъ „во дворѣ половину избы и хоромъ всякихъ половина, а хоромы не въ дѣлу“[21]). Но хоромы нерѣдко отчуждались и отдѣльно отъ земли; очевидно, спросъ былъ не только на земли, но и на постройки, напр.: одинъ крестьянинъ продаетъ за $12^1/_2$ алтынъ $^3/_4$ двора и съ подворною землею и со всѣми хоромы, что во дворѣ безъ вывѣта... да и съ улицу съ выѣздною [22]).

Наконецъ, практиковалась продажа построекъ на сносъ: „продали амбаръ свой, что стоитъ на огородцѣ..., изъ того амбара продали свое повытье верхнюю жиру по середнему мосту и половина середняго моста и половина кровли, что на томъ амбарѣ и съ нутряной подѣлкой: съ дверми и съ замкомъ. А исподняя жира того амбара Ивана Осминыхъ... И тотъ амбаръ ему Деншу (покупателю) снести кудѣ изволитъ“ [23]).

Малонаселенность старой сѣверной деревни сдѣлалась въ настоящее время общеизвѣстнымъ фактомъ. Въ Кевролъскомъ уѣздѣ въ началѣ и въ концѣ XVII в. (въ 1623 и 1686 г., которые можно считать нормальнымъ временемъ, такъ въ это время не было ни неурожаевъ ни необходимыхъ ихъ послѣдствій: усиленныхъ уходовъ и повышенной смертности населенія) большая часть деревень состояла изъ 2—4 дворовъ, а нерѣдко вся деревня имѣла 1 дворъ; на поселенія въ 5—17 дворовъ приходилось въ 1623 г. 24,4%, а въ 1686—29% всего уѣзднаго населенія. Такъ что къ концу XVII в. населенія деревни увеличилось. Въ другихъ уѣздахъ, напр., Ме-

[21]) См. прим. 5, купчая 183 г. (Уст. у. с.).

[22]) См. прим. 5, купчая № 44, 7100 года (Пинежск. у. с.).

[23]) Дѣла Пинеж. у. с. № 33, купчая № 37, 191 года.

зенскомъ населенность деревни иногда доходила до 20, 30, 40 дворовъ [24]).

Большая или меньшая плотность населенія зависѣла въ значительной степени отъ мѣстныхъ топографическихъ условій. Болѣе или менѣе значительное пространство удобное для заселенія позволяло деревнѣ сдѣлаться многодворной, и жильцамъ ея имѣть достаточно усадебныхъ мѣстъ. О такихъ деревняхъ писецъ замѣчаетъ: деревня... „дворы стоятъ въ розни". Усадебныя мѣста уменьшались, сосѣдніе дворы тѣсно примыкали другъ къ другу и ростъ деревни задерживался, если площадь удобная для поселенія была незначительна. Надо при этомъ прибавить, что при общей экстенсивности тогдашняго хозяйства, для удобной и помѣстительной усадьбы требовалось гораздо больше мѣста, чѣмъ въ настоящее время; такъ: сосѣди жалуются на тѣсноту, если между дворами остается 5 саженъ свободнаго пространства [25]). Но уже въ XVII в. приходилось уживаться съ еще болѣе тѣсной постройкою. Одна запись 1631 г. такимъ образомъ описываетъ два сосѣднихъ деревенскихъ двора Пятаго Печаева и Пятаго Самылова: „сарай Пятаго Самылова дошелъ до межевыя заплоты (тына) вплоть; а Пятаго Печаева сарай надошелъ на дворъ Пятаго Самылова,— а крытъ соломою, а желобовъ нѣтъ; а избной желобъ Пятаго Печаева надошелъ на дворъ и на избу Пятаго Самылова; а Пятаго Самылова клѣтной желобъ дошелъ до межевыя заплоты

---

[24]) Населенія 1623 и 1686 г. по писцовымъ книгамъ Кевролы и Мезени. Архивъ Мин. Юстиціи—№№ 185 и 186.

[25]) Архивъ Троицкой церкви, Кургоминской волости, Шенкурскаго уѣзда, Архангельской губерніи, явки 1630—31 года.

[26]) Ibid.

вилоть и стоитъ бокомъ къ Пятаго Нечаева клѣти; а Пятаго Нечаева клѣть стоитъ бокомъ же Пятаго Самылова къ клѣти; а границы надошли на клѣть Пятаго Самылова, а желобовъ нѣтъ“ [26]). Усложненіе условій поселенія въ деревнѣ вызвало въ XVI в. регулированіе устройства деревенскихъ дворовъ и уже въ это столѣтіе замѣтны попытки развитія обычныхъ нормъ, касающихся этого вопроса. Въ статьѣ 159 проэктированнаго судебника Оедора Ивановича 1589 г. читаемъ: новоселъ можетъ взять подъ дворъ любую землю за исключеніемъ хмѣльника и сада; по ст. 160 деревенскій жилецъ, желающій перенести свои хоромы на новое мѣсто, можетъ ставить ихъ, куда ему угодно. Эти постановленія идутъ въ пользу отдѣльныхъ дворовладѣльцовъ и ограничиваютъ цѣлую деревню. Складническая земля, о которой здѣсь идетъ рѣчь, была общею собственностью деревни, а участки складчиковъ находились только въ пользованіи ихъ; каждый участокъ при передѣлѣ переходилъ отъ одного владѣльца другому. Понятно, что разрѣшенія строить дворы на любомъ мѣстѣ участка приводило къ стѣсненію оборота складнической земли между складчиками: земля, занятая дворомъ, при передѣлѣ только вымѣрялась, такъ какъ она входила въ общую сумму складническаго надѣла, но ею не мѣнялись; слѣдовательно, она оставалась въ постоянномъ пользованіи. Такимъ образомъ земля любого назначеніе могла быть выведена изъ передѣла путемъ постройки на ней двора. Эти ограниченія складническихъ порядковъ, несомнѣнно, вызваны были нуждою въ усадебныхъ мѣстахъ, которыя надо было замѣнять землями другихъ назначеній. Такая замѣна уже прямо предусматривается ст. 162 указаннаго судебника, въ концѣ которой замѣчено: „новый приго-

воръ": складнику разрѣшается, конечно, вслѣдствіе тѣсноты, ставить свои хоромы на подворную землю своего сосѣда, если послѣдній не застраиваетъ ее ничѣмъ; за уступку подворной земли хозяинъ ея вознаграждается изъ другихъ земель: „ему земля взяти противо того въ любомъ мѣстѣ". Это постановленіе прекрасно иллюстрируется одною записью 1630 года, изъ которой видно и примѣненіе 162 ст.: одинъ крестьянинъ Шелкудиновской деревни являлъ на своего сосѣда: „ставится онъ Филатъ дворомъ вновь на мое дворовое мѣсто". При досмотрѣ этотъ Филатъ сознался: „хоромы де свои ставилъ и клѣть и хлѣвъ Емельяновы (пѣтца) земли занялъ въ длину подъ тѣ хоромы 4 сажени по смѣтѣ, поперегъ сажени $1^1/_2$", по вмѣстѣ съ этимъ онъ заявилъ: „противъ де тое земли, землю ему, Емельяну, отдаю въ полѣ, а затѣмъ де иду съ нимъ, Емельяномъ, землю вервити во всей деревнѣ" [27]). Опять таки приведенное постановленіе идетъ въ пользу отдѣльныхъ лицъ: оно освѣщаетъ неравенство полевыхъ складническихъ надѣловъ: складническіе участки должны быть равными только въ цѣломъ, земли же, имѣющей опредѣленное назначеніе, въ силу уже этого постановленія, у однихъ могло быть больше, у другихъ меньше, такъ: въ приведенномъ случаѣ складникъ, запявшій часть подворной сосѣдской земли, лишался части полевой. Такимъ образомъ недостатокъ усадебной земли до нѣкоторой степени видоизмѣнялъ складническіе порядки, нарушая равенство между сосѣдями.— На владѣльческихъ земляхъ, гдѣ деревенское складничество возродилось, сдѣлавшись частью міра, еще въ XVIII в. продолжаетъ практиковаться складническій пе-

---

[27]) Ibid.

ред'ль и при немъ вымѣриваться усадебная земля, которая входитъ въ слагаемыя суммы складническаго надѣла. Среди владѣльческихъ крестьянъ опредѣленіе пользованія усадебною землею направлялись уже не въ пользу отдѣльныхъ лицъ, напротивъ, они значительно стѣсняли свободу ихъ, давая подъ каждый дворъ площадь, разъ навсегда опредѣленныхъ размѣровъ. Этотъ размѣръ долженъ былъ соотвѣтствовать долѣ мірскихъ податей, платимой каждымъ складникомъ. Не менѣе интересно то, что при размежеваніяхъ, иногда къ старымъ усадебнымъ мѣстамъ отводились новыя, въ размѣрахъ соотвѣтствующихъ праву каждаго. Такимъ образомъ, каждый крестьянинъ, долженъ былъ имѣть по 2 дворовыхъ мѣста: одно занятое, другое запасное. Въ складническомъ постановленіи крестьянъ Якимовской деревни 1696 года о размежеваніи, читаемъ: „а дворныхъ мѣстъ имать и вымѣривать по два мѣста: по старому дворному мѣсту, а по другому по новому дворному же мѣсту, кто гдѣ станетъ вновь, врядъ по тяглу и по данному алтыну вымѣрить“ [28]). Такимъ рѣшеніемъ ограничивался личный произволъ въ выборѣ мѣста подъ постройку хоромъ; ясное дѣло, что, по крайней мѣрѣ, деревенскій жилецъ не могъ строиться на любомъ мѣстѣ и занимать подъ усадьбу земли другихъ назначеній; онъ могъ ставить хоромы только тамъ и на площади только такихъ размѣровъ, какъ ему отводилъ межевой актъ.

Тѣснота усадебныхъ мѣстъ вызвала и другое правовое явленіе, именно: различныя сосѣдскія ограниченія. Цитированная уже намп запись 1631 года была составлена

[28]) Архивъ Архангельскаго епархіальнаго древнехранилища: документы Крестнаго Онежскаго монастыря.

сотскимъ и добрыми людьми по слѣдующему поводу: крестьянинъ Пятый Нечаевъ являлъ на своего сосѣда Пятаго Самылова „въ таковѣ дѣлѣ“: „что тотъ Пятый съ избныхъ желобовъ и съ сарайныхъ дращицъ, попустилъ на мой дворъ воду и на моемъ дворѣ съ его сарая водою, заплоты и хоромы мои огнили; и по ся мѣсто воду съ сарая на мой дворъ пущаетъ насильствомъ и дворъ мой и избу гноитъ“ [29]). Такимъ образомъ, сосѣдъ не можетъ устраивать своихъ крышъ и водосточныхъ трубъ—желобовъ такъ, чтобы вода съ его крышъ текла на постройки его сосѣда. Въ другомъ случаѣ, одинъ крестьянинъ началъ ставить избу противъ клѣти своего сосѣда „угломъ противъ воротные вереи пятные, а промежъ Емельяновымъ (пстца) дворомъ и Филатовою (отвѣтчика) избою мѣста 5 сажень; а что проѣздъ отъ Емельянова двора къ рѣкѣ—улица,—и та улица избою заставлена“. Емельянъ являетъ „на складника своего на Филата“ въ таковѣ дѣлѣ: тотъ Филатъ... ставилъ новую избу противъ моего двора и свѣтъ у моей избы и ворота заставилъ“... „и мнѣ отъ его насильства изъ двора проѣзжать некудѣ“ [30]). Такимъ образомъ, по смыслу этой жалобы, сосѣди не могли ставить свои постройки въ такомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы ими загораживались свѣтъ и дорога изъ двора.

III.

Складническая деревня и складническіе передѣлы.

Представленный нами порядокъ дворовыхъ отношеній въ то же время былъ порядкомъ деревенскихъ отноше-

[29]) См. прим. 13.
[30]) Ibid.

ній, если деревня состояла изъ одного двора. Въ деревняхъ большихъ размѣровъ эти отношенія измѣнялись; чѣмъ деревня была рудиментарнѣе, тѣмъ организація ея больше приближалась къ дворовой. Наиболѣе древняя изъ всѣхъ, какія только доступны нашимъ наблюденіямъ, складническая, или сябренная деревня ближе другихъ стоитъ къ двору и по количеству населенія и по организаціи ея поземельныхъ отношеній. Прогрессъ ея, сравнительно съ дворомъ заключается въ томъ, что доли членовъ союза, намѣченныя въ дворовыхъ родственныхъ и товарищескихъ союзахъ ихъ правами, здѣсь дѣлаются болѣе конкретными, не обособляясь однако до такой степени, чтобы превратить прежнее общее имущество въ аггрегатъ ничѣмъ не связанныхъ между собою, независимыхъ другъ отъ друга участковъ. Напротивъ, общее имущество продолжаетъ считаться и теперь общимъ достояніемъ товарищей-складниковъ, или сябровъ. Оно дѣлится идеально на доли и число послѣднихъ зависитъ отъ числа равноправныхъ лицъ, входившихъ въ товарищество, которое создало деревню, или въ семейный союзъ, благодаря раздѣлу котораго произошло превращеніе одно-дворной деревни въ поселокъ съ нѣсколькими хозяйствами. Каждый товарищъ имѣлъ право на такую долю. Размѣръ послѣдней, давался положеніемъ складника въ товариществѣ или въ семьѣ. Чѣмъ опредѣлялось послѣднее, мы знаемъ; первое зависѣло отъ размѣра взноса въ товарищескій капиталъ, напр.: два крестьянина сообща купили деревню „и ту землю язъ Василей да язъ Оверкій, купили по тѣмъ купчимъ пополамъ и деньги дали пополамъ, мы тое деревни и съ дворами и со всякими угодьи и подѣлили межъ себя пополамъ“ [31]).

[31]) Дѣла Пинежск. уѣзд. суда: дѣльная по купчей № 43. 1619 г.

Право распоряженія долями не ограничивалось ни властью, ни товарищами и родственниками; правительство, правда, въ 50—60 годахъ XVII в. издавало указы, запрещающіе продавать земли бѣломѣстцамъ, но ими во первыхъ не ограничивался поземельный оборотъ между самими крестьянами, а во вторыхъ не остановлена была и продажа земель иныхъ чиновъ людямъ: посадскимъ, духовенству [32]). Что касается до ограниченій со стороны родственниковъ, то къ изучаемому нами времени вышли изъ обычая даже тѣ извѣщенія ихъ продавцомъ, какія практиковались еще въ XIV—XV в.; единственное болѣе или менѣе дѣйствительно исполнявшееся ограниченіе,— чтобы продавецъ не выводилъ земли изъ тягла, до нѣкоторой степени ослаблялось тѣмъ, что наиболѣе богатые и сильные люди умѣли достигать обособленія въ тягломъ отношеніи отъ тяглой волости, отписываться, какъ тогда говорили, въ особую статью. Благодаря этой свободѣ поземельнаго оборота въ складство постоянно вводились новые посторонніе люди; благодаря ей обновлялся составъ складниковъ Вмѣстѣ съ этимъ, происходили и нѣкоторыя измѣненія: новые товарищи основывали свое право на долю уже не на положеніи въ товариществѣ, а на крѣпости, путемъ которой пріобрѣталась эта доля; эта же крѣпость указывала и размѣръ доли. Уже въ XVI в. складники передѣляютъ свои земли по вытно, по купчимъ [33]). Далѣе: новыя лица не стояли между собою въ какой-нибудь договорной связи: они

---

[32]) Архивъ Коскошинской церкви Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи: „Списокъ съ наказа слово въ слово“ 1669 г.

[33]) Судебникъ царя Ѳедора Ивановича 1589 г. М. 1900 г. 159 стр.

покупали долю у складника и не входили при покупкѣ въ договоръ съ остальными товарищами; съ долей уже переносились на нихъ всѣ активы и пассивы ихъ предшественниковъ. Такимъ путемъ союзъ, строго говоря, преобразовывался изъ товарищескаго въ сосѣдскій; но такъ какъ права и обязанности приживались къ самой долѣ, то сосѣди по долямъ продолжали стоять между собою въ складническихъ отношеніяхъ.

Складническое землевладѣніе отличается отъ дворового, какъ мы видѣли, большей конкретностью: идеальная доля, принадлежавшая каждому товарищу въ общихъ имуществахъ, не оставалась конкретно ничѣмъ не представленной; она конкретизировалась въ отдѣльномъ пользованіи опредѣленнымъ жеребьемъ, размѣръ котораго соотвѣтствовалъ долѣ; какъ выражаются памятники: „я де тѣмъ владѣю по своей долѣ“ [34]). Въ существѣ дѣла „владѣніе по долѣ“ не заключало въ себѣ ничего идеальнаго, это было настоящее физическое держаніе земли, которою складникъ пользовался исключительно на себя.

Но складническое владѣніе отличалось и отъ подворно-участковаго: складникъ имѣлъ право не на тотъ именно участокъ, который держалъ въ данное время, а, какъ мы видѣли, на долю въ общихъ имуществахъ, и конкретный участокъ, матеріализовавшій это право, былъ выдѣляемъ изъ общихъ имуществъ путемъ раздѣла и передѣла: какъ идеально деревня дѣлилась на доли, такъ матеріально всѣ ея земли и угодья дѣлились на жеребьи, число которыхъ и размѣры соотвѣтствовали числу и размѣрамъ долей. Каждый жеребій состоялъ изъ участковъ въ земляхъ и угодьяхъ всѣхъ качествъ и назначеній: усадебныхъ, полевыхъ, сѣнокосныхъ и пр.

[34]) См. прим. 13, явка 1631 г., 2 августа.

Полевыя земли, смотря по примѣняемому въ деревнѣ сѣвообороту, дѣлились на 2 и на 3 поля (озимь, яровое, паръ), каждое поле въ свою очередь дѣлилось на полосы, а эти послѣднія распредѣлялись между складниками, смотря по ихъ долямъ. Хотя они работали на нихъ только на себя, но подчинялись установившимся въ деревнѣ обычаямъ, такъ: изъ одной явки 1631 г. видно, что у нихъ былъ общепринятый, обязательный сѣвооборотъ и полевыя работы производились одновременно: въ 1629 г. въ „замостномъ“ полѣ у всѣхъ складниковъ сѣялась рожь, а въ 1630 г. послѣ ея уборки осенью всѣ—каждый свою полосу орали подъ яровое („подъ зебель“) къ слѣдующей веснѣ. Другое поле, „что по верхнюю сторону дворовъ“, очевидно, лѣтомъ 1630 г. было подъ паромъ и поэтому этимъ же лѣтомъ его „раздѣлили и разжеребьевали“, а осенью „по новому дѣлу“ засѣяли рожью. Такъ что смѣны слѣдовали въ такомъ порядкѣ: озимое, яровое и паръ [35]) (рожь, ячмень, паръ).

Каждымъ данным жеребьемъ складникъ пользовался только отъ передѣла до передѣла. Въ опредѣленные сроки вся земля отбиралась отъ ихъ пользователей, дѣлилась вновь на полосы, числомъ и размѣрами соотвѣтствовавшія числу и размѣрамъ долей—„дѣлилась и вервилась“ и распредѣлялась—„жеребьевалась по долямъ“ между складниками [36]).

Такъ какъ складническая организація захватываетъ всѣ земли, „притянутыя“ къ деревнѣ „трудовымъ захватомъ“, то и передѣлъ простирается на всѣ эти земли; какъ выражается проэктъ судебника 1589 г.: „деревню

---

[35]) Ibid ,—явка 1631 г., 5 мая.

[36]) Ibid., см. ниже, прим. 25.

въ поляхъ, на волокахъ и во всякихъ земляхъ и угодья дѣлити, земля, и пожни, и угодья, и путики"... Эта цѣлостность владѣнія и примѣняемость передѣловъ ко всѣмъ землямъ отличаетъ характеризуемую нами сейчасъ форму владѣнія отъ тѣхъ формъ, которыя сложились на свободныхъ земляхъ послѣ ея разложенія. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существовала она,—а разложилась она, какъ мы увидимъ, не вездѣ единовременно — складническіе передѣлы всѣхъ земель практикуются еще въ 30-хъ годахъ XVII в. [37]). У владѣльческихъ крестьянъ они встрѣчаются даже въ XVIII в.; но возродившееся здѣсь въ старыхъ формахъ складство, существенно отличалось отъ своего первоначальнаго типа: какъ самая складническая деревня со всѣми своими землями сдѣлалась только частью волости, и волостныхъ земель, такъ и складническіе передѣлы превратились, такъ сказать, въ продолженіе волостныхъ передѣловъ [38]).

Одновременный передѣлъ всѣхъ складническихъ земель и угодій не былъ явленіемъ постоянным даже при господствѣ складнической организаціи: земли каждаго назначенія могли передѣляться въ различное время, напр.: по цитированной только что явкѣ складники рѣшили произвести передѣлъ только полей и сѣнокосовъ, не касаясь, слѣдовательно, угодій [39]). Далѣе: такъ какъ склад-

[37]) Ibid. явка 1631 года 139 года мая въ 5 день бьетъ челомъ и являетъ.... въ таковѣ дѣлѣ: въ прошломъ, господине въ 138 г. уложили и излюбили складники всея Кононовскія деревни въ Кононовской деревнѣ горную землю и луговую, орамую и пожни вернити и жеребьевати по долямъ".

[38]) Архивъ Архангельскаго Епархіальнаго Древнехранилища: Документы Крестнаго Онежскаго монастыря: челобитная 1706 года, II, 124—126.

[39]) См. прим. 25.

нчество носило договорный характеръ и передѣлъ не былъ въ полномъ смыслѣ принудительнымъ актомъ, а назначался „по полюбовному межъ собою договору и условкѣ“ [40]), то для правомѣрности общаго передѣла требовалось общее согласіе, и заявленіе одного изъ складниковъ о нежеланіи дѣлить и ровнить приводило или къ тому, что передѣлъ не производился, или къ тому, что онъ захватывалъ лишь земли согласившихся хозяевъ. Первое мы можемъ наблюдать по челобитной крестьянина Крестнаго монастыря, опротестовавшаго рѣшенія товарищей предъ монастырскими властями, вслѣдствіе неправильностей, допущенныхъ при постановленіи о передѣлѣ, и заявившаго, что вслѣдствіе ихъ онъ въ запись о передѣлѣ не писался [41]). Второе— по цитированной явкѣ 1631 года: одинъ изъ складниковъ на требованіе снова передѣлить землю заявилъ, что онъ вервить и жеребывать земли не идетъ, такъ какъ у него „въ томъ полѣ земля сіяна“: тогда согласилась „земли вервити на уколоть и на жеребій“ идти „во всю деревню“, только часть складниковъ [42]). Слѣдовательно, возможны частичные передѣлы—переверстки; возможны они не только между отдѣльными хозяевами, но и по отношенію къ отдѣльнымъ полямъ, какъ по той же цитированной явкѣ вновь передѣлять землю нѣкоторые сосѣди рѣшили въ одномъ замостномъ полѣ; поле-же, „что по верхную сторону дворовъ“, разъ передѣленное, оставалось безъ вторичнаго передѣла [43]). Поэтому, слова:

---

[40]) Архивъ Архангельскаго Епархіальнаго древнехранилища: документы Крестнаго Онежскаго монастыря: ровневая запись крестьянъ Боровской деревни 1696 г.

[41]) Ibid. челобитная 1710 г.

[42]) См. прим. 25

[43]) Ibid.

„вервити на уколотъ и на жеребей идемъ во всю деревню“ вовсе не значитъ: передѣливать и равнять земли во всей деревнѣ, а лишь во всемъ опредѣленномъ полѣ. Поле въ смыслѣ деревни употребляется иногда и въ настоящее время.

Иногда однако передѣлъ и ровня дѣлались обязательными, именно: въ томъ случаѣ, когда требовалось возстановить правильное отношеніе между участками. Обиженный обращался къ суду и передѣлъ и ровня производились уже при содѣйствіи послѣдняго [14]).

Передѣлъ производился болѣе или менѣе періодически; этотъ фактъ можно установить по слѣдующимъ словамъ цитированной нами явки: „въ прошломъ 138 лѣтѣ тое деревни на горѣ, что по верхную сторону дворовъ, то поле раздѣлили и разжеребьевали, и *по новому дѣлу* въ томъ полѣ осенесь и рожь у насъ сіяна къ сему году; а что въ нижномъ замостномъ полѣ въ прошломъ въ 138 лѣтѣ рожъ была сіяна, и въ томъ полѣ складшики осенесь *по старому дѣлу* подъ зебель всѣ орали... И то поле... сія весны всѣ складники раздѣлили и разжеребьевали же по прежнему излюбу“ [15]). Здѣсь имѣется въ виду полевая земля; сѣнокосы и угодья подлежали очередному погодному пользованію: „а тѣ пожни и угодья въ сябрахъ [16]) съ Филимономъ Осдоровымъ да съ Емель-

[14]) М. А. М. Ю. дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда № 33, челобитная о ровнѣ 1692 г.

[15]) См. прим. 24.

[16]) Замѣчу здѣсь, что слово „сябры“, равнозначущее слову складники, товарищи, встрѣчается не только въ памятникахъ первой половины XVII в. (Р. И. Б. XIV т. 337—338), но и въ памятникахъ конца вѣка, такъ: въ одной пинежской (кевролъской) челобитной о ровнѣ земли 1692 года читаемъ: „велите, государи, ему Устину съ сябры“...

яномъ Кошковымъ переходятъ по годамъ и по земному тяглу“ [47]).

Крестьяне назначали передѣлъ на такое время, когда полевыя земли не засѣяны, а съ пожень убрано сѣно. Слѣдовательно, если сѣнокосная и полевая страда производились въ различное время, то и передѣлъ ихъ назначался не одновременно, такъ: по записи Боровскихъ крестьянъ 1662 г. пашенная земля передѣлялась осенью, а сѣнокосная 20 іюля [48]). Но и время передѣла однихъ полей не всегда могло совпадать, такъ: по цитированной явкѣ 1631 г. паровое поле передѣлено лѣтомъ 1630 года до посѣва на немъ ржи, а яровое—весною 1631 г. до посѣва ячменя. Допускалось, чтобы полосы, унавоженныя [49]) и взоранныя [50]) одними складниками, при передѣлѣ доставались другимъ; но „что у кого сѣяно въ землѣ, какова хлѣба: ржи, и жита и овса, всякому свой хлѣбъ и снимать на себя“...; „а земля кому достанется съ дѣлу, тому и владѣть впредь“.

Отъ передѣла отличается ровня. Поводомъ къ ней служило недовѣріе къ правильности распредѣленія земли:

---

[47]) Р. И. Б. XIV т.: 337, 338; другой примѣръ начала XVIII вѣка: „а въ той пожнѣ я Ларіонъ заложилъ свою четверть, а три доли Каюковыхъ да Яковлевыхъ, а косимъ мы погодно“. Мезенскія крѣпостныя книги № 42, 154 с. Или еще явка 1630 г. 4 іюля: „они Ѳедоръ съ складники въ томъ истокѣ ловили рыбу въ прошломъ году, а мы нынче ловимъ сея весны на своей долѣ“ см. прим. 7.

[48]) Запись крестьянъ Боровской волости 1662 года (Архивъ Арханг. Епарх. Древнехранилища. Документы Крестнаго Онежскаго монастыря).

[49]) Судебникъ 1589 года, 159 ст., „а съ полосъ кармy не везти“.

[50]) См. прим. 25.

каждый изъ крестьянъ, разъ онъ думалъ, что его участокъ не соотвѣтствуетъ его долѣ, его праву, или какъ говоритъ одинъ актъ: „его полосы *по его долѣ* малы и земля сполна нѣтъ“ [51]), могъ требовать уравненія, возстановленія земли въ тѣхъ размѣрахъ, какія соотвѣтствуютъ его долѣ [52]). Весь процессъ уравненія заключался въ томъ, что измѣрялись участки складниковъ, размѣръ каждаго сравнивался съ тѣмъ, что онъ долженъ имѣть; и сообразно съ найденнымъ результатомъ однимъ, у кого земли было „по его долѣ мало, не сполна“, прибавлялось изъ земель тѣхъ складниковъ, у которыхъ оказались лишки. Изъ этого видна разница ровни съ передѣломъ: послѣдній давалъ новые участки, первая только возстановляла нарушенное правильное отношеніе между ними. Такъ что въ переводѣ на современныя представленія, ровня была крестьянскимъ межеваніемъ, какъ и межеваніе она соединена съ ревизіею и редукціею. Отличіе ровни отъ передѣла дается и цитированнымъ уже нами актомъ: крестьяшнъ, жалуясь на неправильность передѣла, предлагаетъ своимъ складникамъ или поровнить землю (идти на уколоть), или передѣлить („жеребьевать по долямъ“) ее вновь: „Третьякъ на той полосѣ соцкому и тѣмъ людямъ, кои съ соцкимъ были, являлъ на складниковъ, что де мои полосы въ томъ полѣ всѣ меньше, и монхъ де полосъ во всемъ полѣ уколочено; и соцкой въ томъ и веревку задалъ на уколоть или и жеребьевать де пду съ записью. И Прокопій да Семенъ сказали: мы де идемъ вервити во всю

---

[51]) См. прим. 7, явка 1631 г. 8 мая; въ явкѣ 5-го мая: „являлъ на складниковъ, что де мои полосы въ томъ полѣ всѣ меньше, и монхъ де полосъ во всемъ полѣ уколочено“.

[52]) Ibid.

Публичная библиотека им. В. И. Ленина СССР

деревню *на уколоть* или *и жеребьевать* тое земли идемъ же". Тотъ же Третьячко Исаковъ 8 мая являетъ на своихъ складниковъ: „билъ челомъ я Третьячко соцкому Богдану на того Прокопья Тимоѳеева и явку подалъ въ земномъ лишкѣ въ замостномъ полѣ Кононовскія деревни и въ досмотрѣ, что мои полосы на моей долѣ въ томъ полѣ малы и земли сполна нѣтъ; и соцкому на складниковъ своихъ Кононовскія деревни въ томъ полѣ веревку задалъ въ дѣлу изъ лишка, вервити и жеребьеватп съ ними хотѣлъ; и они Прокопей и Семенъ соцкому въ записи рѣчи свои сказали, что мы съ нимъ съ Третьячкомъ землю *вервити на уколоть и на жеребій* идемъ во всю деревню" [53]).

Интересно происхожденіе самого термина: „мы де идемъ вервити во всю деревню на уколоть". „Уколоть" произошло отъ слова: „колъ"; колья служили межевыми знаками складническихъ полосъ. Перестановка межей обозначалась словами: „межное переколотье"; колье перенесенное на новую межу—„межное переколотое колье" [54]). При обозначеніи межей втыкалось колье; поэтому и самый процессъ ровни, т. е. отрѣзокъ и прирѣзокъ назывался оттыканіемъ, или откалачиваніемъ „откалачивать земли съ межи" [55]), „въ лишкѣ землею не владѣть, а у кого лишекъ будетъ, то оттыкать" [56]). Наконецъ, эти

[53]) „А землями намъ полосами равнитись межъ собою равно, чтобы ни у кого лишка земли ни въ которой четверти, или въ полосѣ не было". Акты, относящіеся до юридич. быта Россіи № 107. 1601 г.

[54]) Ibid.

[55]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи: дѣла Нижегскаго уѣзднаго суда, челобитная о ровнѣ 1692 г.

[56]) Ibid. Дѣла Устюжскаго уѣзднаго суда. № 1273, вязка 1, купчая 1682 г.

термины могли означать и неправомѣрный актъ захвата чужого участка: „въ томъ полѣ у моихъ Третьячковыхъ полосъ межное колье переставливаетъ и къ своимъ полосамъ землю мою откалачиваетъ насильствомъ“, „я де колья не переколачивалъ и межъ не переставливалъ“ [57]).

Такимъ образомъ полосы складниковъ въ каждомъ полѣ отдѣлялись другъ отъ друга не постоянными дерновыми межами, а легко переносимыми межными кольями, которые все-таки назывались межами [58]); поэтому земли складниковъ, по выраженію сольвычегодскихъ памятниковъ, была „за межами“; но такъ какъ эти межи окружали не окончательно выдѣленные участки, а жеребьи, находящіеся лишь во временномъ пользованіи, то къ слову „за межами“ прибавлялось: „а не въ дѣлу“ [59]). Выраженію: „земля за межами, а не въ дѣлу“, было идентично другое: „земля со складниками за межами, а не росписана“, или: „межи той земли не росписаны“ [60]); „не росписаны“, такъ какъ межа и земля, ими окружаемая, описывались, „расписывались“ только при окончательномъ раздѣлѣ; поэтому про окончательный раздѣлъ такой земли говорили: „раздѣля тое земли и дѣловыя межъ ими расписать“ [61]). Такимъ образомъ въ сдѣл-

[57]) См. прим. 31.

[58]) См. прим. 40 (въ текстѣ).

[59]) Моск. Архивъ Министер. Юстиціи. Дѣла Устюжскаго уѣзднаго суда № 1273, вязка 1, купчія: 1650, 1658, 1676, 1696, 1699, 1700.

[60]) Ibid.

[61]) Ibid. воеводская память земскому судейкѣ 1631 г. Товарищи, раздѣлившіе окончательно купленную сообща деревню, подъ условіемъ: „и впредь намъ межъ собою дѣла нѣтъ“, говорятъ: „росписали есми промежъ себя земныя раздѣльныя записи“. Дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда, дѣльная по купчей 1614 г. № 43.

кахъ и другихъ актахъ земли и ихъ межи описываются только въ томъ случаѣ, если онѣ находятся въ подворномъ участковомъ владѣніи, въ противномъ случаѣ описаніе ихъ не дѣлается. Подтвержденіе этому мы найдемъ ниже.

Вполнѣ понятно, конечно, регулированіе сѣвооборота и всей хозяйственной дѣятельности складниковъ. Его требовала складническая организація: земля не находилась въ постоянномъ пользованіи одного крестьянина, а переходила отъ одного къ другому, и отступленіе одного изъ товарищей отъ принятыхъ обычаевъ уже нарушало интересы не его одного, а и другихъ, даже другихъ больше, чѣмъ его, такъ какъ плохо воздѣланная полоса отъ него переходила къ другому. Въ то же время хорошая обработка земли одними сосѣдями, требовала обработки такого-же качества и со стороны другихъ, иначе у первыхъ утрачивался всякій стимулъ къ добросовѣстному веденію хозяйства. Понятно, также, что чѣмъ большаго труда требовала земли, тѣмъ болѣе строго должны быть регулируемы полевыя работы: въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ случаевъ удобренія требуетъ не только пашня, но и сѣнокосъ.

Отступленія отъ принятыхъ хозяйственныхъ обычаевъ замѣчались въ XVII—XVIII в. Оба памятника, имѣющіе дѣло съ складническими передѣлами, составлены именно вслѣдствіе ихъ: въ одномъ 1631 г. складникъ жалуется, что одинъ изъ его товарищей не оралъ своей полосы „подъ зебель“, когда всѣ орали; и поэтому, когда яровое поле поступило въ передѣлъ, нераныя полосы достались ему, челобитчику [62]). Въ другомъ 1706 г. чело-

[62]) См. прим. 24.

битчикъ согласился на передѣлъ одинѣхъ старыхъ земель, находившихся у него и его сосѣдей въ одинаковомъ культурномъ состояніи, и отказался отъ передѣла новыхъ на томъ основаніи, что у его сосѣдей эти земли запущены: „орамыя земли не въ выпашкѣ, поросли дерномъ, а которыя земли и ораны, а тѣ также свалены дерномъ и навозъ на нихъ не вожень и не парены; напротивъ, у него—челобитчика—„свои земли упаханы, и навозъ на нихъ вожень и парены и дернъ издавна выведенъ“. Точно также онъ согласился передѣлить только тѣ сѣнокосы, которые „гладшой одинаки“, а остальные остались внѣ передѣла по той же причинѣ, что и пашни. Въ заключеніи челобитчикъ предлагаетъ: прежде чѣмъ передѣлять, уравнять культурное качество земли, земли „непаханыя выпахать“ и „сѣнные покосы негладкіе выгладить“ [63]). Изъ этихъ текстовъ видно, что отступленіе отъ принятыхъ обычаевъ не только дѣлало несправедливымъ передѣлъ, но заставляло крестьянъ уклоняться отъ него. Подчиненіе общимъ правиламъ хозяйственной дѣятельности стояло такимъ образомъ въ неразрывной связи съ практикою передѣловъ, слѣдовательно, и съ складнической организаціею, такъ какъ достаточно полосамъ въ поляхъ остаться на всегда во владѣніи однихъ и тѣхъ же дворовъ, чтобы форма владѣнія преобразовалась изъ складнической въ подворно-участковую. Отступленія отъ этихъ правилъ влекли къ постепенному разложенію организаціи. И понятно, чѣмъ требованія отъ обработки становились выше, тѣмъ скорѣе отставали отъ нихъ малообезпеченные или слабосильные, или наконецъ, хозяева, не имѣющіе возможности сами быть на пашнѣ,

---

[63]) См. прим. 26.

или ихъ половники. Здѣсь, повидимому, складничество до нѣкоторой степени могло выручить примѣненія товарищами принужденія къ лицамъ, не подчинявшимся общимъ порядкамъ. Но насколько намъ извѣстно, именно этой-то принудительной власти складничество и не имѣло; оно могло создать договорную принудительную норму, но вынудить ея примѣненіе не имѣло силъ. Изъ обоихъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что протестъ противъ недобросовѣстнаго отношенія къ полевымъ работамъ идетъ не со стороны всего товарищества, а со стороны лицъ, непосредственно заинтересованныхъ, т. е. обиженныхъ; и обращаются они не къ своимъ товарищамъ, а къ посторонней власти: въ одномъ случаѣ къ волостному сотскому и всѣмъ крестьянамъ, въ другомъ къ монастырскому начальству.

Въ производствѣ складники участвуютъ либо только какъ стороны, либо какъ свидѣтели [64]). Такое отношеніе складниковъ къ дѣлу, имѣющему для нихъ насущную важность, какъ мы убѣдимся, вполнѣ вяжется со всѣми другими складническими отношеніями. — Складничество — простое земельное товарищество, а не союзъ, приспособленный къ охранѣ своихъ интересовъ. Никакое общее дѣйствіе eo ipso не дается этимъ товариществомъ.

Характеръ этихъ отношеній довольно опредѣленно рисуетъ Псковская судная грамота: въ случаѣ судебнаго дѣла, затрагивающаго интересы всѣхъ сябровъ, каждый не выступаетъ eo ipso за всѣхъ. Всѣ сябры являются на судъ вмѣстѣ, но каждый отвѣчаетъ только за свою землю и за угодье; крестъ цѣлуетъ одинъ изъ нихъ за одинъ участокъ и рѣшеніе постановляется по отно-

---

[64]) См. прим. 25 и 26.

шенію къ одному этому участку. Такъ что по отношенію ко всѣмъ другимъ оно не можетъ имѣть значеніе rejudicatae. — Чтобы сдѣлать эти обособленные интересы всѣхъ общими, чтобы создать общую защиту, необходимъ договоръ, который облекается въ форму такъ называемой одиношной записи.

Но и въ такомъ случаѣ общая защита простирается лишь на общія нераздѣльныя имущества; отдѣльные же участки оставляются на страхъ каждаго хозяина. Приведемъ въ примѣръ одну такую одиношную запись 1608 года.

Четыре складника составили ее по слѣдующему поводу: „слыхъ насъ доходитъ, сказываютъ, на ту нашу вопчую землю привезли государеву грамоту Живоначальныя Троицы съ Глядены старци". Замѣчательно, что такую же „одиношную запись" написали промежъ себя старци и вкладчики Гляденскаго монастыря. Но между ними есть существенная разница, вытекающая изъ различія хозяйственныхъ отношеній: монастырь — организованное цѣлое, хозяйственная единица; здѣсь нѣтъ собинъ, все имущество общее; складники — совладѣльцы только въ нѣкоторыхъ имуществахъ; остальное — владѣніе каждаго изъ нихъ; поэтому: тогда какъ старцы и вкладчики стоятъ „за одинъ человѣкъ, за землю, и за воды и за велкое угодье и другъ за друга"; складники постановляютъ: „намъ Пантелею, да Ивану, да Леонтію, да Тимоѳею за ту нашу вопчую землю, *опроче тѣхъ полянокъ, на которыхъ рожъ сѣяна*, противъ старцовъ стояти всѣмъ въ отвѣтѣ вмѣстѣ, другъ друга отъ тѣхъ старцевъ въ убыткахъ не выдати"... „А будетъ за *полянки, что рожь сѣяна у Тимоѳея* да у Ивана, и *Тимоѳею да Ивану самимъ стояти за свои полянки;*

и что убытковъ имъ учинится съ тѣхъ полянокъ отъ тѣхъ старцевъ, и намъ Тимоѳею да Ивану на Пантелеѣ да на Леонтіѣ тѣхъ убытковъ не нытати". Для веденія судебнаго дѣла складники уговариваются назначить и отправить въ Москву представителя изъ своей среды. Расходы общіе, ложатся на каждаго „повытно", смотря по количеству земли, находящейся за нимъ. Представитель выдаетъ память въ полученіи денегъ и обязуется представить отчетъ въ ихъ расходованіи: „въ той издержкѣ отчетъ дати намъ въ правду и сказывати по государеву цареву и великаго князя Василія Ивановича вся Руси крестному цѣлованію въ правду" [65]).—Расширте территоріальные предѣлы группы, возмите вмѣсто четырехъ складниковъ цѣлый міръ, вмѣсто ихъ совѣта мірскую сходку, и передъ вами та организованная волостная и уѣздная самозащита, которая такъ рельефно выражалась въ мірскихъ постановленіяхъ и челобитныхъ, въ выборахъ посыльныхъ отъ міра въ Москву или другія города и въ сборѣ денегъ на такія посылки.

Представляетъ значительный интересъ сравненіе формы складническихъ актовъ съ формою актовъ другого союза, въ составъ котораго входятъ не обособленные пользователи, а лица, не имѣющія никакого имущества, кромѣ того, который имѣетъ весь союзъ, какъ цѣлое, какъ юридическое лицо—я говорю о монастырѣ. Для сравненія возьмемъ тѣ же двѣ однотипныхъ записи, имѣвшія цѣлью опредѣленіе связей между членами одного союза въ виду веденія общаго дѣла—въ частности общей защиты имущества. Одна составлена складниками [66]), дру-

[65]) Рус. Ист. Библ. XIV т. 832—834. Другія подробности о складническомъ владѣніи принадлежностями пашни см. ниже.

[66]) Р. И. Б. XIV т. VIII, 1.

гая—монастырскою братіею и вкладчиками [67]). Складническая одношная называется записью, монастырская—приговоромъ; складническая,—какъ всякій договоръ совершена при свидѣтеляхъ-послухахъ, которые и приложили свои руки къ крѣпости; въ монастырской—свидѣтелей нѣтъ: складническая—составлена въ такомъ количествѣ экземпляровъ, чтобы каждый товарищъ получилъ по одному: „а написали семя промежъ себя по одиночной на человѣка слово въ слово"; монастырская—составлена въ одномъ экземплярѣ и положена на храненіе въ монастырскую казну: „а матица единшная отдана въ казну казначею старцу Герасиму". Мнѣ кажется, самое важное различіе—послѣднее: получая въ руки экземпляръ договора, лицо дѣлалось управомоченнымъ на искъ по отношенію ко всѣмъ, кто состоялъ въ договорѣ и записанъ въ договорный актъ; въ такія именно отношенія становились товарищи по каждому отдѣльному дѣлу, послужившему предметомъ сдѣлки; до сдѣлки и припятыхъ на себя обязательствъ, реализовавшихся въ крѣпости, товарищи ни управомочены, ни обязаны. Каждая новая цѣль, каждый новый интересъ, чтобы сдѣлаться общимъ для всѣхъ товарищей, долженъ прежде всего сдѣлаться предметомъ договора между ними. Договоръ матеріализуется въ актѣ сдѣлки, — а управомоченность и обязательство—въ экземплярѣ его, имѣющемся въ рукахъ каждаго. — Монастырская братія и вкладчики не получаютъ на руки отдѣльныхъ экземпляровъ приговора, такъ какъ онъ не управомочиваетъ каждаго отдѣльно по отношенію ко всѣмъ другимъ и всѣхъ по отношенію къ каждому; онъ только обязываетъ всѣхъ и каждаго

---

[67]) Ibid. VIII, 2.—1018 г.

по отношенію къ цѣлому,—такъ какъ приговоръ защищаетъ интересы не каждаго отдѣльнаго старца или вкладчика, а интересы всего монастыря; только монастырь, какъ цѣлое, имѣетъ право требованія по этому приговору. Каждый новый конкретный интересъ не создаетъ новаго договора между членами союза, а лишь рѣшеніе всего союза, не создастъ солидарности, а уже существующей дастъ нужное, въ интересахъ цѣлаго направленіе.

IV.

Разложеніе складнической деревни и формы владѣнія образовавшіяся на ея почвѣ: деревня-федерація складническихъ союзовъ; подворно-участковое владѣніе горною полевою землею; формы владѣнія принадлежностями пашни.

Складническая форма деревенскаго владѣнія, или владѣнія „за межами, а не въ дѣлу“ наблюдается въ XVII в. въ районѣ нынѣшняго Шенкурскаго и въ нѣкоторыхъ деревняхъ Сольвычегодскаго уѣзда.—Разложеніе ея вызвало къ жизни новую своеобразную форму деревенскихъ поземельныхъ отношеній. Прежде чѣмъ перейти къ описанію ея, отмѣтимъ нѣкоторыя наиболѣе важныя измѣненія, происшедшія въ деревенской жизни, и вызвавшія разложеніе охарактеризованной выше формы владѣнія. Складническая деревня, какъ мы видѣли, была замкнутымъ цѣлымъ, имѣвшимъ въ своемъ владѣніи всѣ нужныя ей угодья и земли. Эта цѣлостность деревни постепенно разрушается прежде всего благодаря увеличенію поземельнаго оборота, о размѣрахъ котораго въ

XVII в. мы можемъ судить по Сольвычегодскимъ писцовымъ книгамъ; большинство крестьянъ владѣетъ по крѣпостямъ XVII в., а не по старинѣ; даже тамъ, гдѣ писцомъ зарегистрирована старина владѣнія, подъ нею нерѣдко скрывается крѣпость [68]). Оборотъ земель между крестьянами не запрещался правительствомъ. Поддерживался же онъ тою же нуждою, какая констатируется крестьянами въ оправданіе отъ обвиненій въ совершеніе незаконныхъ сдѣлокъ съ лицами иныхъ чиновъ, въ частности съ духовенствомъ: „продавали де они и закладывали тяглыя земли и промыслы въ монастыри и къ церквамъ для своей скудости“ [69]).

Совершая между собою сдѣлки на земли, крестьяне не стѣснялись тѣмъ, кто былъ продавцомъ или покупателемъ; поэтому деревенскіе участки нерѣдко попадали въ руки жильцовъ иныхъ деревень, даже волостей и уѣздовъ. Эти послѣдніе, если жили въ недалекой деревнѣ, и не имѣли достаточно средствъ, наѣзжали на купленныя земли только для полевыхъ работъ; отсюда и самыя пашни назывались наѣзжими. Эти наѣзжія пашни находились въ межахъ деревенскихъ жеребьевъ и пользованіе ими подчинялось тѣмъ же условіямъ, что и пользованія другими складническими землями [70]). Посторонній

---

[68]) Древности. Труды Археограф. коммиссіи Москов. Археол. Общ. I т., 3 в. 424.

[69]) Архивъ Коскошинской церкви Холмогорскаго уѣзда, Архангельской губерніи: списокъ съ наказа, даннаго подьячему, отправленному въ Холмогорскій уѣздъ для объявленія указа о запрещеніи крестьянамъ всѣхъ уѣздовъ „гдѣ наши тяглыя волости и всякія угодья“—продавать земли свои бѣломѣстцамъ всякихъ чиновъ.

[70]) Древности, I, 3 в., 433, 436.

жилецъ такимъ образомъ, не живя въ деревнѣ, входилъ въ среду деревенскихъ складниковъ. Уже судебникъ 1589 г. признаетъ нѣкоторую ненормальность такого порядка, позволяя владѣть наѣзжими пашнями въ складствѣ лишь въ теченіи 3-хъ лѣтъ [71]).

Болѣе состоятельные крестьяне сажали на свои наѣзжія пашни половниковъ; самая пашня превращалась въ дворовую. Количество такихъ половническихъ дворовъ въ XVII в. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ напр., въ Сольвычегодскомъ довольно значительно; даже тамъ, гдѣ у рядовыхъ крестьянъ ихъ не было въ началѣ столѣтія, они появляются въ концѣ [72]).

Къ указаннымъ хозяйственно-юридическимъ явленіямъ нельзя не присоединить еще одного чисто-хозяйственнаго, несомнѣнно содѣйствовавшаго и установленію статьи судебника 1589 г. и разложенію деревенскаго складства: мы уже видѣли, что необходимымъ условіемъ правильности передѣловъ, значитъ, и существованія самого складства было равенство культурнаго состоянія передѣляемыхъ участковъ, видѣли также, что это требованіе не всегда соблюдалось даже жильцами деревни; еще менѣе можно было ожидать соблюденія его отъ владѣльцовъ наѣз-

---

[71]) Ст. 161. Въ теченіи этого срока каждый складникъ успѣвалъ вполнѣ использовать свои полосы во всѣхъ трехъ поляхъ, т. е. провести каждое поле черезъ озимь, ярь и паръ; и вѣроятно велѣдъ за этимъ складники приступали къ передѣлу. Эта догадка, что передѣлы пашни производились черезъ 3 года, подтверждается тѣмъ, что сѣнокосы, пользованіе которыми не измѣнялось, а изъ года въ годъ было одно и тоже, передѣлялись ежегодно. Можетъ быть, трехпольный сѣвооборотъ и трехлѣтній срокъ передѣловъ и вызвалъ трехлѣтній срокъ владѣнія наѣзжею пашнею.

[72]) Древности I, 3 в. 436.

жихъ пашенъ, бывшихъ въ деревнѣ только во время полевыхъ работъ, и отъ половниковъ, относившихся къ чужой землѣ, конечно, хуже, чѣмъ къ своей; недаромъ во всѣхъ половническихъ порядныхъ такъ обстоятельно трактуется вопросъ о поддержаніи хозяйственной цѣнности занимаемаго половникомъ участка. Къ тому же, участокъ, обрабатываемый половникомъ, вслѣдствіе уже срочности и небольшой продолжительности половническаго найма, могъ пустовать, какъ только половникъ уходилъ, а новый еще не найденъ. Такимъ образомъ земля посторонняго владѣльца могла сама собою выходить изъ складническа оборота, т. е. не передѣляться вслѣдствіе ея дурной обработки; а по судебнику 1589 г. и совершенно выдѣлиться изъ складническихъ земель [73]). Съ другой стороны, хозяева, хорошо обрабатывавшіе свои участки, или выводили ихъ изъ передѣла, отказываясь писаться въ записи, или отказывались передѣлять худо-обработанные участки своихъ сосѣдей. Результатъ такихъ явленій сказался въ томъ, что складническая организація стала охватывать либо только нѣкоторыя небольшія деревни двора 2—3 [74]), либо—въ болѣе или менѣе значительныхъ деревняхъ—отдѣльные группы дворовъ, живо помнившихъ свое общее происхожденіе или составлявшихъ товарищества въ дѣлахъ общаго владѣнія землею [75]). Наконецъ, нѣкоторые дворы совершенно обособлялись, не принад-

---

[73]) См. прим. 4.

[74]) Сольвычегодскія п. к. № 505: 1125, 1135; № 506: 1235.

[75]) Ibid. № 505: 1180: дер. на Приклонѣ — 9 дворовъ, изъ которыхъ составилось 3 группы въ каждой по 2 двора съ общими пашнями, огородами, конопляниками, овинами, огуменниками, и 3 двора имѣютъ каждый свои отдѣльныя земли, 1136, 1169, 1173, 1189.

лежа ни къ какимъ складническимъ группамъ. Такимъ образомъ цѣльная складническая деревня преобразовывалась въ федерацію группъ дворовъ: у каждой группы была своя, общая для входящихъ въ нее дворовъ пашня. Но преобразованіе коснулось только полевой, такъ называемой горной земли, что касается до ея принадлежностей, какъ-то: сѣнокосовъ и угодій — лѣсныхъ, рѣчныхъ,—то онѣ остались въ общемъ владѣніи всѣхъ деревенскихъ складническихъ группъ, почему мы и называемъ характеризуемую деревню федерацією группъ дворовъ. Вѣроятною причиною того, что принадлежности остались въ общемъ владѣніи, было слѣдующее: онѣ, какъ мы увидимъ ниже, находились въ менѣе, чѣмъ полевая земля, интензивной культурѣ; поэтому по отношенію къ нимъ не требовался настолько же интензивный и постоянный трудъ, какъ по отношенію къ послѣдней; и передѣлъ ихъ не затруднялся даже если ихъ временный владѣлецъ относился къ нимъ небрежно.

Вмѣстѣ съ указанными измѣненіями произошли нѣкоторыя измѣненія въ межеопредѣленіе: прежнія переписанныя межи замѣнились дерновыми. Деревня получила такой видъ: „межи той четверти Кушалова вездѣ съ мещики и съ окольными деревнями по старымъ межамъ, *а съ половиною Кушалова въ дълу*, а съ четвертью *не въ дълу*“ [76]).

Такой типъ деревни господствуетъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ. Въ Ковровскомъ и Мезенскомъ онъ уже попадается, какъ рѣдкое исключеніе. Мнѣ удалось наблюдать его только въ одной многодворной деревнѣ Сур-

---

[76]) Дѣла Устюжскаго уѣзднаго суда № 1273, вязка I, купчая 1699 года.

ской волости: по общему правилу у каждаго двора своя отдѣльная пашня и только у трехъ дворовъ, принадлежавшихъ тремъ братьямъ: Павлику, Стенькѣ и Прибыткѣ Патрикѣевымъ—общая полевая земля—$1^{7}/_{8}$ десятины [77]). Вездѣ въ этихъ уѣздахъ, какъ и въ населенныхъ слободкахъ Устюжскаго уѣзда наблюдается дальнѣйшее разложеніе деревенскаго складства: въ складническомъ владѣніи остались однѣ принадлежности пашни, самая же пашня превратилась въ подворно-участковое владѣніе отдѣльнаго двора. Наряду съ этимъ происходитъ интересное измѣненіе значенія термина „деревня“: прежде деревнею назывались земли и угодья, притянутыя трудовымъ захватомъ къ одному союзу, и самый этотъ союзъ; теперь этимъ словомъ называется не только поселокъ, но и каждое отдѣльное хозяйство, въ сколькихъ бы поселкахъ не были его земли: „четверо насъ дѣлились; и язъ Тимоосей по тое дѣльной свою четверть всю на Трубановѣ горѣ деревню и дворъ свой“ [78]) (продалъ). Другой крестьянинъ продалъ „деревню свою и дворъ“... „въ деревнѣ горныя земли и луговыя и орамыя и не орамныя, и съ новины и съ причисти въ Кондратовской деревнѣ, и въ Мокшинской и въ Оксовской деревнѣ, и въ острову“ [79])... Обломкомъ формъ, констатированныхъ нами въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, служитъ отношеніе размѣровъ дворовыхъ запашекъ: каждая деревня—болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ состоитъ изъ группъ дворовъ, при чемъ въ каждой группѣ обособленныя дво-

---

[77]) Кеврольскія п. к. № 185: 193.

[78]) Дѣла Пинежскаго у. суда № 33, купчая № 26.—1696 г.

[79]) Ibid. купчая 1670 г.; тоже: купчая 1669 г., гдѣ подъ деревней разумѣются земли, находившіяся въ Оксовскомъ, Кондратовскомъ, Мокшенскомъ печищахъ.

ровыя пашни либо равны, либо кратны другъ другу, и не равны и не кратны пашнямъ дворовъ другихъ группъ. Въ небольшихъ деревняхъ—въ 2—3 двора наблюдается и равенство и неравенство запашекъ [80]).

Неравенство земельной обезпеченности сильно-замѣтное уже въ началѣ XVII в., значительно увеличилось къ концу его: въ 1623 г. по тремъ волостямъ Кевролъскаго уѣзда: Кевролѣ, Чаколѣ и Марьшой Горѣ отношеніе между минимальною и максимальною пашнею было 1: 48 безъ наѣзжихъ пашенъ, съ наѣзжими: 1: 63. Въ 1686 г. разница выросла до сравнительно громадныхъ размѣровъ: 1: 256 безъ наѣзжихъ пашенъ, и 1: 368 съ наѣзжими пашнями. Въ каждой отдѣльной деревнѣ отношеніе между самымъ большимъ и самымъ меньшимъ участкомъ въ 1623 г. колебалось между: 1: 1, 1 и 1: 19, въ 1686 между 1: 1, 1 и 1: 29, 1: 33, 1: 44, 1: 80 [81]) (не считая наѣзжихъ пашенъ).

Дерновыя межи между горными [82]) полями составляютъ, повидимому, общее правило межеопредѣленія Кевролъскаго и Мезенскаго уѣзда; покрайней мѣрѣ, купчія, сопоставляя горную полевую землю съ луговою, такъ характеризуютъ межи той и другой: „а та *горная земля* за дерновыми межами“, это указаніе сдѣлано послѣ описанія горной земли и ея межей, и далѣе: „а потому тѣхъ *луговыхъ* земель въ сей купчей не описано, а когда бы-

[80]) Древности т. I, 3 в. 432.

[81]) Ibid. 431, 435—436.

[82]) Опредѣленіе термина горная земля см. ниже; теперь достаточно сказать, что этимъ именемъ называлась земля, находившаяся въ постоянномъ хозяйственномъ оборотѣ (разумѣется если случай—вродѣ неурожаевъ не заставлялъ ее бросать) и обложенная податями.

васть ровень земли мірская и тогда межи перемѣняются, дѣль бываетъ“[83])...

По временамъ раздѣленія идетъ гораздо дальше этого, такъ: въ нѣкоторыхъ деревняхъ, напр., Марьегорской волости полевые участки одной и той же деревни отдѣляются другъ отъ друга даже не дерновыми, а граничными межами[84]); это уже высшая степень обособленности владѣнія, не позволяющая предполагать какихъ нибудь сервитутовъ, лежащихъ на однихъ участкахъ въ пользу другихъ и тѣмъ болѣе какихъ нибудь сосѣдскихъ ограниченій сельско хозяйственной дѣятельности.

Объ исчезновеніи передѣла горной полевой земли говоритъ и указанное выше сопоставленія межей луговой земли, подлежавшей передѣлу, поэтому неописанной и не имѣвшей описанныхъ межей, съ межами горной полевой, описываемой въ купчихъ; слѣдовательно, мѣстонахожденіе участка земли и его межи постоянны. Къ такому же заключенію приводитъ сравненіе приведенной купчей 1669 года, по которой при передѣлѣ луговой земли ея *„межи перемѣняются“* съ челобитной о ровнѣ 1692 года: въ ней челобитчикъ проситъ „горную землю сровнить... и владѣть ею *„по старымъ межамъ* по писеннымъ крѣпостямъ, а луговую землю, сровня, раздѣлить“: въ первомъ случаѣ только сровнить, т. е. возстановить старыя межи, во второмъ не только сровнить, но и „раздѣлить“, т. е. передѣлить; и значитъ, перемѣнить межи[85]).

[83]) Дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда № 33, купчая 1669.

[84]) Кенрольскія писцовыя книги № 186: 215—216.

[85]) Прим. 83, дѣла Пинеж. у. с., челоб. о ровнѣ 1592 года. Раздѣльные акты товарищей заканчиваются словами: „и впредь намъ межъ собою въ тѣхъ земляхъ дѣла нѣтъ“: при складнической организаціи такой окончательный раздѣлъ не могъ имѣть мѣста. (Дѣла Пинеж. у. с., дѣльная № 43. 1614 года).

Хозяйственнымъ фактомъ, уясняющимъ причину дальнѣйшаго разложенія складнической организаціи именно въ Кевролькомъ уѣздѣ, служатъ два идущихъ рука объ руку явленія: съ одной стороны, здѣсь болѣе чѣмъ въ другихъ уѣздахъ развиваются особенно къ концу столѣтія пашни, такъ что ими занимается каждый лоскутъ земли, на которомъ не находится двора, поэтому совершенно пустыхъ т. е. нераспахиваемыхъ деревень, хотя бы и безъ дворовъ, здѣсь почти совершенно нѣтъ [86]); съ другой стороны, здѣсь, судя по микроскопически-незначительному размѣру перелога, къ землѣ примѣняется наиболѣе интенсивный трудъ[87]).

Мы уже сказали выше, что въ интересующихъ насъ уѣздахъ, только принадлежности пашни находились въ XVII в. въ коллективномъ, складническомъ владѣніи; но формы владѣнія ими комбинируются такъ разнообразно, что онѣ не укладываются въ рамки одного деревенскаго складства, именно: то дробленія деревни на группы, какое мы наблюдали въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ по отношенію къ горнымъ полевымъ землямъ, здѣсь наблюдается по отношенію къ ихъ принадлежностямъ, рядомъ съ совпаденіемъ складства по принадлежностямъ съ цѣлою деревнею, и съ подворнымъ владѣніемъ, различными угодьями[88]). Мы видѣли, что деревня потеряла свою цѣлост-

---

[86]) Древности I, 3 в. 433.

[87]) Ibid. 423.

[88]) Напр. дер. Плоскинская (Кевролькаго уѣзда, Кевролькаго стана) 5 дворовъ — у трехъ изъ нихъ по 2 десятины пашни и въ общемъ владѣніи 30 тетеревныхъ слонцовъ (т. е. угодій для ловли лѣсной птицы, такъ какъ до сихъ поръ на сѣверѣ Архангельской губ. тетеревями — называется всякая лѣсная птица въ отличіи отъ болотной), у одного двора 4 десятины земли и путикъ 20 слонцовъ, у одного 5 десятинъ и

ность и замкнутость: ея пашня пріобрѣтается жильцами иныхъ деревень. Эти послѣдніе, обособляя свои поля, въ то же время, сохраняли единство принадлежностей пашни, т. е. оставались въ складствѣ съ деревенскими жильцами[89]). Такъ разрывалась связь жительства и владѣнія. Но этого мало: иногда деревня состояла изъ одинѣхъ наѣзжихъ пашенъ; владѣльцы ихъ жили въ различныхъ деревняхъ, и оставаясь между собою въ складствѣ по принадлежностямъ своихъ деревенскихъ наѣзжихъ пашенъ, образовывали товарищества, въ которыхъ сосѣдство жительства не входило даже въ видѣ привходящаго элемента [90]). Такими явленіями особенно богаты Кеврольскій и Мезенскій уѣзды.

Договорное начало, отрываясь отъ традиціонной почвы общаго происхожденія, создавало внутри деревни своеобразные складническіе союзы, въ которые входила только часть деревенскихъ жильцовъ; тогда какъ остальные, хотя бы и родственники первыхъ, устранялись отъ со-

---

путикъ 30 слопцовъ (Кеврольскія писц. кн. № 186: 113, 120). Въ дер. Першинской 3 двора и 2 наѣзжихъ пашни; два двора владѣютъ сообща 70 слопцами, третій дворъ „вобче“ съ 1 хозяиномъ наѣзжей пашни владѣетъ путикомъ. Въ общемъ владѣніи обѣихъ группъ 100 слопцовъ (Ibid. 85).

[89]) См. прим. 88. Въ дер. Нефедовской у дворовладѣльца Кондратья Зуева и владѣльца наѣзжей пашни Кыркалова въ совмѣстномъ владѣніи 50 слопцовъ да рыбная ловля. (Ibid. 64, 89, 124, 155).

[90]) Напр. „дер. Ивановская—дворовъ въ ней нѣтъ, жильцы были, да померли“ пашутъ наѣздомъ изъ дер. Першинской 2 брата Яковлевы—3 десятины да изъ дер. Селивановской Вас. Борисовъ Мелентьевъ — 4, 5 десятины. Эти крестьяне совмѣстно владѣютъ 50 слопцами и рыбными промыслами въ озерахъ (Ibid. 76).

владѣнія: въ Никитской дер. Кеврольскаго стана[91]) тремъ дворамъ (изъ 6) „особно дано въ угодье безоброчно 1 десятина сѣнной покосъ—25 копенъ; а Стенькѣ Нижмозерцову, Ларкѣ Жилишу, вдовѣ Щепотниной (3 двора) до тѣхъ пожень дѣла нѣтъ, потому что тѣ пожни даны имъ въ угодье изъ порозжихъ, а не изъ тяглыхъ земель“[92]). Вся деревня произошла изъ земель семьи Щепоткиныхъ, поэтому всѣ старыя тяглыя земли, если онѣ не подѣлены по дворамъ, находятся въ совладѣніи всѣхъ наличныхъ жильцовъ, какъ имущественныхъ правопреемниковъ Щепоткина; но земли, данныя въ угодье безоброчно, не входятъ въ аггретатъ старыхъ тяглыхъ земель, а даны изъ земель пустыхъ, слѣдовательно, эти земли новыя; и поэтому на нихъ не простирается отношенія, касающихся старыхъ земель „одного печища и дѣлу“. Подобную же группировку представляетъ деревня Малая Жердь Мезенскаго уѣзда: „у всѣхъ крестьянъ (7 дворовъ), опричъ В. да Т. Михайловыхъ (2 двора) горная земля пустошь да наволочекъ пустой на льготѣ“[93]). Чрезвычайно интересный образецъ складическихъ группировокъ даетъ деревня Боярскій Островъ въ Алексѣевскомъ станѣ Холмогорскаго уѣзда: въ ней 10 дворовъ, изъ которыхъ 4 не имѣютъ никакихъ оброчныхъ угодій; остальные 6 комбинируются такъ, что составляютъ 14 оброчныхъ союзовъ и 2 отдѣльныхъ оброчника; самыя многолюдныя изъ оброчныхъ артелей состоятъ изъ 4 дворовъ; остальныя изъ 2—3. Каждый крестьянинъ такимъ образомъ одновременно состоитъ членомъ нѣсколькихъ

---

[91]) Кеврольскаго уѣзда.
[92]) Ibid. 96.
[93]) Ibid. № 185. 370.

союзовъ; одинъ, напр., девяти, одинъ—семи, два—шести, одинъ—пяти, два—двухъ [91]).

V.

Междудеревенскія поземельныя отношенія. Группировка деревень; сосѣдство и сосѣдскія отношенія между деревнями, соединенія деревень. Межеваніе.

Изъ всей площади земли обыкновенно заселялись только узкія полосы по берегамъ рѣкъ, такъ: въ Пинежскомъ уѣздѣ поселки разбросаны по теченію рѣки Пинеги и ея притоковъ. Сравнительная незначительность удобной для поселенія земли значительно сокращала возможность разселенія отдѣльными обособленными деревнями. Отчего послѣднія соединялись въ небольшія группы отъ 2 до 26—30 деревень каждая, называвшіяся по писцовой и крестьянской терминологіи волостями и волостками. Послѣднее названіе, примѣняемое писцами, ясно указываетъ на противоположеніе этихъ группъ—мѣстнаго происхожденія—другимъ болѣе значительнымъ, имѣвшимъ указное, московское происхожденіе—тяглымъ волостямъ; терминологія аналогичная той, какая примѣняется въ фискальныхъ отношеніяхъ для обозначенія мѣстныхъ и указныхъ московскихъ окладныхъ единицъ—сошекъ и сохъ.

Каждая группа деревень носила свое названіе часто по мѣсту поселенія: на Ваймушѣ, на Неймушѣ, на Труфановѣ Горѣ и пр. Если и бывало, что какой нибудь поселокъ, оторвавшись отъ другихъ, выстраивался въ сторонѣ, то скорѣе какъ исключеніе, чѣмъ какъ общее

[91]) Архангельскія писцовыя книги, № 9. 365.

правило; и вѣроятно, это были болѣе новыя поселенія, возникавшія въ то время, когда наиболѣе удобная для сообщенія и хозяйства полоса земли была уже занята, и населеніе перешло къ эксплоатированію менѣе удобныхъ въ этомъ отношеніи земель. Такіе поселки, несмотря на нѣкоторую удаленность, входили въ какую нибудь волостку [94]). Къ XVII в. въ Кеврольскомъ уѣздѣ группировка населенія по деревнямъ и волосткамъ установилась и опредѣлилась, такъ какъ новыя поселенія, уже не возникаютъ. Измѣненія происходили лишь на почвѣ ея: крестьяне переходили иногда изъ одной деревни въ другую, уходили въ другіе уѣзды, нерѣдко возвращались обратно и вмѣстѣ съ новоселами или дополняли контингенты жильцовъ старыхъ деревень или селились на земляхъ, запустѣвшихъ было во время уходовъ населенія. При чемъ можно было наблюдать интересныя явленія: населеніе, отлившее отъ однихъ деревень прилило

---

[94]) Волостки Кеврольскаго стана: 1) Карпова Гора—5 деревень—Кевр. п. к. № 186: 95; 2) Церкова Гора—6 дер —ibid. 154 с.; 3) Кушкапола—6 дер., ibid. 181 с.; 4) Ваймуша—7 дер.—ibid. 112 с.; 5) Неймуша—9 д.—ibid. 34; 6) Киглохта — 9 д., ibid. 50 с.; 7) Лохта—10 д.—ibid. 139 с.; 8) Шетова Гора—12 дер.—ibid. 68 с.: 9) Чухчинема—13 дер.—ibid. 147 с.; 10) Кеврола—13 дер.—ibid. 125 с.; 11) Еркино—15 дер.—ibid. 175 с.; 12) Шардонема—20 дер.—ibid- 161 с.; 13) Покшеньга—26 д.—ibid. 71 с. Волостки Чакольской волости: 1) Тура — 2 дер.—269 с.; 2) Юбра—2 дер. 300 с.; 3) Водова Гора - 3 д.—295 с.; 4) Плесо—3 дер.—308 с.; 5) Шеймогора—4 дер.—275 с.; 6) Востроrора—4 дер.—281 с.; 7) Матвера Гора—4 дер. — 298 с.; 8) Заозерье—4 дер.—304 с.; 9) Березникъ — 5 дер.—248 с.; 10) Пиринема—6 дер.—267 с.; 11) Чакола—6 дер. — 285 с.; 12) Вѣгора—6 дер.—292 с.; 13) Шетогора—7 дер. — 260 с. Въ Чаколѣ, гдѣ волостки въ общемъ меньше, чѣмъ въ Кевролѣ, деревни населенные кеврольскихъ.

въ другія, не запуская, а продавая свои пашни. Можно далѣе сказать, что общій видъ разселенія и населенныхъ мѣстъ не измѣнялся и въ позднѣйшее время, напр.: до сихъ поръ деревни по р. Сѣверной Двинѣ стоятъ не особняками, а цѣлыми группами въ очень недалекомъ разстояніи другъ отъ друга; тогда какъ группы, какъ и прежде, отдѣлены лѣсами и пустырями.

Правительство въ цѣляхъ административныхъ пользовалось этой естественной разгруппировкою населенія; но такъ какъ волостки по большей части были незначительныхъ размѣровъ и поэтому неудобны для того, чтобы сдѣлаться административными единицами, то онѣ, за рѣдкимъ исключеніемъ, соединялись и такимъ путемъ составлялась тяглая волость: въ Кевролькомъ уѣздѣ стань того же имени состоялъ изъ 13 волостокъ, изъ которыхъ въ 6 входило отъ 2 до 9 деревень, въ 7 отъ 10 до 26 въ каждую. Чакольская волость того же уѣзда также состояла изъ 13 волостокъ, въ каждой отъ 2 до 7 деревень. Незначительное количество деревень каждой волостки въ послѣдней волости выкупалось до нѣкоторой степени сравнительной населенностью каждой деревни. Мы увидимъ, что это происходило вслѣдствіе соединенія въ одинъ поселокъ нѣсколькихъ маленькихъ деревень.

Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что крестьяне сопоставляя интересующія насъ группы съ тяглыми волостями, называли послѣднія станами даже въ тѣхъ случаяхъ, когда по писцовой терминологіи онѣ извѣстны подъ названіемъ волостей [96]).

---

[96]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи; дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда „поскотины дѣльныя“ 1624 г.: труфаногорскіе крестьяне называютъ Перемскую волость, въ составъ которой входитъ Труфанова Гора, Перемскимъ станомъ, а Труфанов

Деревни каждой волостки плотно жались другъ къ другу: въ Карповой Горѣ, напр., на 455 саженяхъ по берегу рѣки, „по горѣ“ расположились 4 деревни: Охтинская—съ 1 дворомъ, Онисимовская—съ 2, Власьевская—съ 3, Тупиковская—съ 7: по рѣкѣ Немногѣ три деревни: Аникіевская—въ 5 дворовъ, Ивановская—въ 5 и Павловская—въ 2 размѣстились по берегу на 394 с. [97]).

Понятно, что при такихъ условіяхъ разселенія не могло быть рѣчи о совершенной независимости, обособленности деревень другъ отъ друга. Напротивъ, онѣ находились въ постоянномъ хозяйственномъ соприкосновеніи другъ съ другомъ (мы, конечно, имѣемъ въ виду деревни каждой волостки). Нашу мысль иллюстрируетъ одна явка 1631 г.: „въ прошлыхъ годахъ между деревнями Березницкой и Борисовской была проѣздная улица *) къ ручью и къ Осдосіеву двору. Та... земля улишая была *общая* Бе-

---

Гору — волостью: „а будетъ въ Перемскомъ во всемъ стану нойдетъ мірская веревка“. Труфанова Гора въ 1623 г. была такою же волостью, какъ и вышеуказанные (пр. 95), состояла изъ 6 деревень съ 15 дворами, Кевр. Писц. кн. № 185: 296.

97) Кевр. п. кн. № 186: 41—45, 92—96; въ Чаколѣ на Березникѣ на протяженіи 654 саженъ вытянулось 4 деревни съ 19 дворами; къ этой же волосткѣ принадлежитъ дер. Курга, находящаяся въ сторонѣ отъ остальныхъ ibid.: 238 — 246; 19 шардонежскихъ деревень съ 46 дворами крестьянскими и 3-мя бобыльскими выстроены по берегу на 2167 саж., т. е. $2^1/_3$ верстахъ. Ibid. № 186: 170. Приблизительно приходится на 35 саженъ 1 дворъ, и на 113, 114, 134, 163 сажени—1 деревня. Разумѣется, это очень грубый расчетъ, такъ какъ въ основаніе взяты линейныя, а не квадратныя мѣры.

*) Улицею называется мѣсто, оставленное для прохода и проѣзда между дворами и полями. Въ послѣднемъ случаѣ улица идетъ между огородами, устроенными около полей. Въ явкѣ идетъ рѣчь о такой полевой улицѣ.

резницкой и Борисовской деревни". Очевидно, вслѣдствіе недостатка земли крестьяне Борисовской деревни „ту улицу зарояли (ролье) и учали ту землю уличную пахать паспльствомъ". Превративши проѣзжую общую улицу въ поле, крестьяне Борисовской деревни сами закрыли себѣ проѣздъ къ лѣсу и на паству; тогда они по словамъ челобитчика: „учали ѣздить и скотъ къ лѣсу и на паству гонять нашею улицею, что отъ ихъ дворовъ къ горѣ промежъ нашу Березецкую деревню и Рощинскую деревню" [98]). Въ приведенномъ текстѣ мы имѣемъ дѣло съ общею землею, находившеюся между двумя деревнями, и отведенною подъ улицу. Другіе тексты укажутъ намъ на существованіе сервитутовъ, какіе могли имѣть крестьяне на земли сосѣднихъ деревень, напр.: крестьяне деревни Вахлевской имѣетъ право прохода, проѣзда и прогона скота черезъ горную поскотину жильцовъ сосѣдней деревни: „а дорога О. Шашкову отъ его отписнаго двора къ озеру и на пашню самому выѣздъ и скоту проходъ черезъ поскотину деревни Мартыновскія Андрея Чупрова да Ивана Киселева горную" [99]).

Наконецъ, близкое сосѣдство полей различныхъ деревень вызывало и законодательное регулированіе сосѣдскихъ отношеній и сервитутовъ,—такъ: изъ проектированнаго судебника 1589 года мы видимъ: между селами и деревнями городится межный огородъ, „гдѣ межа пройдетъ". Этотъ огородъ сохраняется только до Семена дня, т. е. до тѣхъ поръ пока не кончены полевыя работы; до этого времени наказуема и потрава; „а послѣ Семена дни потравы нѣтъ" [100]), значитъ, послѣ окон-

[98]) См. прим. 25 явка 1631 г., іюня 28.
[99]) Устюжскія писцовыя книги: № 507: 750.
[100]) Ст. 168.

чанія полевыхъ работъ жильцы сосѣднихъ деревень имѣли право пускать свой скотъ на чужія поля, т. е. имѣли мѣсто тѣже сервитуты, что и въ деревнѣ.

Близость полей, постоянныя хозяйственныя соприкосновенія могли повести при увеличеніи населенія и къ полному соединенію нѣсколькихъ деревень. Отсюда, вѣроятно, и создалось большинство значительныхъ поселковъ дворовъ въ 15, 20, 30, 40; отсюда-же вѣроятно, нѣкоторыя волости превратились въ небольшія группы деревень—деревни въ 2—3. Соединеніе это было довольно сложнымъ актомъ; оно не ограничивалось, какъ при припискѣ въ пашню, простымъ присоединеніемъ земель, а простиралось и на усадебныя мѣста; крестьяне переносили дворы въ одно мѣсто, по всей вѣроятности для того, чтобы оставить больше мѣста для запашекъ. Писецъ говоритъ про этотъ родъ соединеній: „деревни крестьяне снесли въ одно мѣсто“, или: „тѣхъ деревень дворы крестьяне снесли въ одно мѣсто и пашню пашутъ съ одного“, „спустили пашню съ одного“. Здѣсь, несомнѣнно, наблюдается нѣкоторая доля ограниченія обособленнаго владѣнія цѣлымъ союзомъ. Отношенія устанавливались, очевидно, договорнымъ путемъ; тѣмъ не менѣе имъ сильно ограничивалась самостоятельность отдѣльныхъ владѣльцевъ, обязывавшихся отказаться отъ старыхъ усадебныхъ мѣстъ, и вѣроятно, новыхъ взять въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ установитъ договоръ, обязывавшихся, далѣе, подчиниться тѣмъ ограниченіямъ пользованія пашнею, которыя связывались съ понятіемъ: „спустить пашню съ одного“, „пахать пашню съ одного“. Нельзя однако думать, чтобы эта власть шла до уравненія полей отдѣльныхъ хозяевъ. Мнѣ удалось найти 4 такихъ деревни въ Мезенскомъ уѣздѣ въ 1623 г.,

про которыя сказано, что ихъ крестьяне „пашутъ пашню съ одного“. Всѣ онѣ сравнительно съ другими очень населенныя: въ 15, 23, 31, 43 двора. Дворовыя поля въ нихъ далеко не равны: въ одной разница между самою большою и самою меньшею запашкою: 14: 1, въ другой—5: 1, въ третьей—16: 1; первая и третья имѣютъ по 9 величинъ пашни, вторая — 7; только 23 дворная деревня даетъ всего три близкихъ другъ къ другу величины: $^3/_4$ десятины, $1^1/_2$ д., $2^1/_4$ д.[101]). Вѣроятное значеніе словъ: „пахать пашню съ одного“ заключается въ установленіи общихъ нормъ, опредѣляющихъ земледѣльческія работы, общее пользованіе прежде отдѣльными угодьями и землями и установленія общихъ сервитутовъ.

Современная сѣверная деревня сплошь и рядомъ явилась результатомъ такого процесса, продолжавшагося въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, напр.: прежняя Труфаногорская волостка, состоявшая въ 1623 году изъ 6 деревень съ 15 дворами, къ настоящему времени превратилась въ одну деревенскую общину[102]). Стоитъ присмотрѣться къ любому болѣе или менѣе значительному сѣверному поселку, чтобы замѣтить, что онъ произошелъ изъ цѣлаго ряда деревень, сгруппированныхъ въ одно мѣсто; слѣдъ старой самостоятельности сохранился лишь въ названіяхъ, прилагаемыхъ къ околоткамъ и частямъ деревни.

Для приказнаго писца прежняго времени тѣсное сосѣдство поселковъ служило иногда поводомъ заносить

---

[101]) Писцовыя книги по Кевролѣ и Мезени за 1623 г. № 185: 354, 357, 361, 444.

[102]) Ibid.: № 185, стр. 299, ср. Сельская Поземельная Община Архангельской губерніи, III вып., с. 79 (изданіе Архангельскаго статистическаго комитета подъ ред. Г. Минейко 1886 г.).

ихъ въ писцовыя и переписныя книги подъ однимъ именемъ.

Обратимся къ междудеревенскому межеопредѣленію.— Мы видѣли въ деревнѣ двоякаго рода межеваніе: а) межи „нерасписанныя“, имѣвшія мѣсто при складническомъ владѣніи; онѣ отдѣляли другъ отъ друга полосы складниковъ; b) межи расписанныя, дерновыя, отдѣлявшія участки, находившіеся въ подворно-участковомъ владѣніи.

Одновременно съ этими двумя родами межей существовали граные знаки, отличавшіеся отъ дерновыхъ своею общеизвѣстностью и объективностью: тогда какъ послѣдніе описываются по именамъ сосѣдей[103]), первые по своимъ внѣшнимъ признакамъ[104]).—Особенность межеванія изучаемаго нами времени заключается въ томъ, что объективныя межевыя грани раздѣляютъ одинъ только культурныя земли территоріальныхъ союзовъ. И только зарождается, повидимому, размежеваніе черныхъ лѣсовъ,

---

[103]) М. А. М. Ю.: Дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда: купчія 1669 и 1599 г. „а горная земля въ Оксовѣ два поля съ одну сторону Пашко Львовъ, а съ другую Борисъ Васильевъ“; когда сосѣдей не было, указывались предметы, граничащіе съ пашнею: „смежно одно поле Борисъ Васильевъ, а съ другую — улица, а другое поле съ немъ же Борисомъ, а съ другую огородъ“. Р. И. Б. XIV т. 38.

[104]) Кевр. п. к. № 186, напр. 170: „На горѣ“, или „подъ горою“ на самомъ берегу рѣки ставится столбъ, „на немъ грань“ и противъ грани яма“. Это при началѣ межевой линіи; такіе же столбы ставились и копались ямы при каждомъ поворотѣ межевой линіи. Нерѣдко столбы замѣнялись елью, сосною, кустомъ, пнемъ; иногда даже ими служила какая-нибудь постройка. Межевыя линіи между поворотами никакими особыми знаками не обозначались; случайно ими могли служить рѣка, ручей, кусты, лѣсъ, дорога.

боровъ и болотъ; но эти незанятыя, порожнія мѣста не вводились въ одинъ межи съ культурными по той простой причинѣ, что субъекты хозяйственной дѣятельности тѣхъ и другихъ не совпадали. Возвратимся однако къ размежеванію культурныхъ земель. Здѣсь мы можемъ констатировать два типа размежеванія, изъ которыхъ каждый имѣлъ мѣсто въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ хозяйственно-юридическихъ условій: a) если всѣ земли необходимыя для даннаго союза — поля, сѣнокосы, выгоны — находились въ неключительномъ владѣніи и пользованіи его жителей, тянули только къ этому союзу, точнѣе: тянули къ агрегату полевыхъ земель этого союза, напр.: деревни, онѣ обводились одними граничными знаками, съ полевою горною землею, но только тогда, когда находились въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нею [105]), и напротивъ онѣ имѣли отдѣльныя межи, если находились въ различныхъ мѣстахъ [106]), иными словами: межеваніе здѣсь варіировалось въ зависимости отъ топографическихъ условій: b) другое дѣло, если всѣ перечисленныя земли находились во владѣніи и пользованіи жителей различныхъ союзовъ, такъ: на горную и усадебную землю простиралась хозяйственная дѣятельность жителей одного только союза, напр.: деревни, или даже группы деревень, на луговую — жителей нѣсколькихъ союзовъ, въ составъ которыхъ входилъ и первый. Въ такомъ случаѣ луговая земля имѣла отдѣльныя межи отъ полевой и усадебной уже не вслѣдствіе топографическихъ условій, а вслѣдствіе различія субъектовъ хозяйственной дѣятельности

---

[105]) Сольвычегодскія п. к. № 501; 599: „межа той деревни пашенной землѣ и сѣнным покосамъ и поскотинѣ“.

[106]) Ibid. 686, 774: „межа той деревни... да межа-жъ пашенной землѣ и сѣннымъ покосамъ... да межа вытнаго сѣна“.

на ту и другую.—Первый типъ межеванія имѣлъ мѣсто въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, гдѣ деревня сохранила свою цѣльность[107]). Второй—въ Кевролѣ, гдѣ различнаго рода земли имѣли различныхъ субъектовъ хозяйственной дѣятельности[108]).

Объективныя граничныя межи, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, обозначали не единство субъекта владѣнія, а единство субъекта хозяйственной дѣятельности: даже Сольвычегодская деревня была не всегда нераздѣльнымъ цѣлымъ, очень часто въ нее входило нѣсколько самостоятельныхъ владѣльцовъ, между тѣмъ, ея земли обводились одними граничными знаками. Еще менѣе въ Кевролѣ межевая единица была субъектомъ владѣнія, такъ какъ въ нее входили не только усадьбы и полевыя земли отдѣльныхъ деревень[109]), но нерѣдко группъ деревень[110]) и даже цѣлыхъ волостокъ[111]): „между тѣмъ, мы знаемъ, пашня тамъ находилась въ подворно участковомъ владѣніи; и признакомъ его служили дерновыя, а не граничныя межи. Понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда граничная межа окружала земли цѣлаго ряда деревень, отдѣльныя деревни отдѣлялись другъ отъ друга дерновыми межами[112]), что вполнѣ естественно при томъ тѣсномъ сосѣдствѣ ихъ полей, какое мы констатировали выше.

---

[107]) См. прим. 33, 34.

[108]) Кевролъскія писц. книги № 186: '68, 94, 105, 106, 110, 119, 139, 159...

[109]) Ibid. № 186: 42, 43, 57, 66, 66, 71, 88, 90...

[110]) Ibid. № 186: 126—132, 135—138, 151—153.

[111]) Ibid. № 186: 139—146.

[112]) Проектъ судебника 1589 г. указываетъ, что деревни отдѣлялись либо граничными знаками, либо дерновыми межами: „а кто *зоретъ межу* или *гранъ сѣчетъ* межъ селы и деревни“... (172).

Это сосѣдство налагало на поземельные участки тѣ или другія повинности, въ которыхъ нуждалось сосѣднее хозяйство. Устройство граничныхъ знаковъ выдѣляло хозяйство совершенно, освобождало его отъ сервитутовъ въ пользу сосѣдей, поэтому оно могло имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ не существовало никакихъ сосѣдскихъ нуждъ, т. е. по преимуществу въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончались поля и культурные земли, прекращалась хозяйственная дѣятельность лицъ, населяющихъ одну опредѣленную площадь земли. Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что въ предѣлахъ, обведенныхъ граничными знаками, находились поземельные участки, связанныя между собою повинностями по отношенію другъ къ другу, но это отнюдь не участки, связанные между собою единствомъ субъекта владѣнія; противъ этого говорятъ и слѣдующія явленія. . . .

Въ одпѣхъ межахъ находятся нерѣдко совершенно самостоятельныя деревни, и въ различныхъ—деревни и наѣзжія пашни ихъ жильцовъ. Иногда послѣднія въ одпѣхъ межахъ съ такими деревнями, съ которыми у нихъ нѣтъ никакой связи. Наконецъ, иногда межевую единицу составляетъ одна наѣзжая пашня безъ дворовъ [113]).

---

[113]) Кевр. п. к. № 186: 135—138, 151—153.

VI.

Образованіе мірского владѣнія и сложныхъ союзовъ; экономическія причины, вызвавшія мірское владѣніе. Горная полевая земля, правовое положеніе ея и отношеніе къ землямъ другихъ назначеній и къ угодьямъ. Оброчныя земли. Хозяйство ни принадлежностяхъ пашни и союзы, сложившіеся на почвѣ владѣнія и пользованія ими.

Наблюдая междудеревенскія отношенія, мы замѣтили, что самая топографія нѣкоторыхъ деревень принуждала ихъ входить въ тѣсныя сосѣдскія отношенія между собою, а по временамъ приводила и къ полному соединенію. Но при всемъ этомъ, форма поземельныхъ отношеній между ними и въ нихъ измѣнялась крайне мало: могли установиться сервитуты; если соединялись складническія деревни, весьма вѣроятно образовывалась изъ нѣсколькихъ складническихъ деревень одна. Новой формы, новаго типа поземельныхъ отношеній отсюда еще не получалось.

Сейчасъ мы перейдемъ къ новымъ образованіямъ, развивавшимся параллельно разложенію складнической деревни и успѣхамъ подворно-участковаго владѣнія. Покончивши, такъ сказать, съ полевою землею, послѣдняя форма владѣнія постепенно завоевываетъ себѣ мѣсто и въ принадлежностяхъ пашни. Но здѣсь она встрѣчается съ другимъ теченіемъ: съ одной стороны, съ группировкою крестьянъ въ свободныя артели для общаго пріобрѣтенія и владѣнія сѣнокосами, рѣчными и лѣсными угодьями и пр., съ другой—съ соединеніемъ деревень-

скихъ складничествъ по (оставшимся еще въ ихъ рукахъ) принадлежностямъ пашни—лугамъ, рѣкамъ и пр. въ сложные союзы, иными словами: съ переходомъ складничества землевладѣнія въ мірское. Одновременность и параллелизмъ указанныхъ явленій—полнаго превращенія складнической деревни по отношенію къ горной пашнѣ въ подворно-участковую и образованія свободныхъ артелей и мірскихъ союзовъ—доказывается тѣмъ, что наибольшее развитіе двухъ послѣднихъ формъ наблюдается именно въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ наибольшіе успѣхи сдѣлало подворно-участковое владѣніе. Еще въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ всѣ земли и угодья и всѣ поземельныя отношенія замыкаются въ деревнѣ, хотя и здѣсь замѣтно обобществленіе нѣсколькими деревнями пашенныхъ лѣсовъ, выгоновъ, рыболовныхъ и промысловыхъ угодій. Но общимъ явленіемъ мірское землевладѣніе сдѣлалось въ Кевролъскомъ уѣздѣ, гдѣ отчетливо и ясно сложилась форма подворнаго владѣнія полевою горною землею [114]). Признаками, отличающими новыя организаціи—свободныя артели и міры—отъ старыхъ складствъ служатъ: во первыхъ то, что складничество прежняго типа, хотя бы оно простиралось на одинъ принадлежности полевыхъ земель (сѣнокосы, лѣсъ, рѣки и пр.), имѣло антецедентомъ общее владѣніе всѣми имуществами, обусловленное или общимъ происхожденіемъ или совмѣстнымъ пріобрѣтеніемъ товарищами деревни: такъ или иначе, но здѣсь горныя земли были, какъ тогда говорилось, „одного печища и дѣлу“. Во вторыхъ, складническая деревня была замкнутымъ цѣлымъ, въ ней сосредоточивалось все хозяйство ея

[114]) Древности, I, 36: 430.

жильцовъ; она владѣла, какъ полевою землею, такъ и всѣми ея принадлежностями: лугами, выгонами и пр.

Въ новыхъ союзахъ единство происхожденія горной полевой земли не играетъ никакой роли. Союзъ образуется изъ владѣльцевъ, не только имѣющихъ свои обособленные участки земли, но и принадлежащихъ къ различнымъ деревнямъ. Вслѣдствіе этого мѣсто прежняго единства субъекта владѣнія (II) занимаетъ дифференцированіе его: горная полевая земля принадлежитъ двору, а ея принадлежности: луга, рѣки, выгоны различнымъ союзамъ, въ которые входитъ дворъ. Какіе же это были союзы?

Отчасти нѣкоторыя земли и угодья остались во владѣніи деревенскихъ складствъ. Это были тѣ изъ нихъ, запасъ которыхъ былъ еще очень значителенъ и эксплоатація которыхъ была сравнительно экстенсивна. Такимъ образомъ деревенское складничество значительно сузилось въ своемъ объемѣ, сдѣлавшись субъектомъ владѣнія только немногихъ угодій: пасютины, иногда лѣсныхъ угодій, иногда небольшихъ рѣчекъ и озеръ, не имѣвшихъ хозяйственной цѣнности для всѣхъ крестьянъ.

Остальныя принадлежности пашни: луга, большія и въ хозяйственномъ отношеніи важныя для крестьянъ рѣки, иногда пасютины и выгоны и пр.—перешли во владѣніе значительныхъ союзовъ, сложившихся изъ складствъ.

Эти союзы могли быть весьма неодинаковы по степени сложности: одинъ непосредственно состояли изъ простыхъ складствъ; въ составъ другихъ входили уже сложныя складническія группы. Къ первымъ, напр., относятся нѣкоторыя волостки, какъ: Труфанова Гора, состоявшая

изъ 4 складническихъ союзовъ [115]), или союзъ крестьянъ, по владѣнію Яковлькурскимъ островомъ, состоящій изъ 2-хъ сѣверныхъ союзовъ [116]). Ко вторымъ относятся союзы волостокъ, тяглыя волости и союзы волостей, напр.: 6 низовскихъ двинскихъ волостей, сообща владѣвшихъ морскими ловлями [117]). Совладѣніе сложныхъ группъ мы будемъ называть мірскимъ, какъ оно иногда и называется въ памятникахъ: „а кто учнетъ изъ тѣхъ нашихъ мірскихъ угодій: сѣнныхъ покосовъ, и изъ рыбныхъ ловель или изъ скотинной пастьы“... [118]).

Какимъ путемъ создавались эти соединенія и какъ они относились къ готовымъ уже территоріальнымъ союзамъ? Въ юридическомъ обиходѣ нашихъ крестьянъ не было повсемѣстно такого готоваго союза, который бы могъ взять на себя обобществленіе земель и угодій, тѣмъ болѣе, что и сознаніе необходимости такого обобществленія развивалось постепенно, исходя, такъ сказать, изъ конкретной нужды въ томъ или другомъ угодьѣ. Поэтому и рѣшеніе этого вопроса со стороны крестьянъ было чисто эмпирическое. Каждое угодье стягивало къ себѣ группы дворовъ и поселковъ. Первоначально, вѣроятно, послѣдніе пользовались имъ совершенно свободно: каждое деревенское складство или даже каждый дворъ промышляли и работали, гдѣ хотѣли и захватывали сколько могли. Но можно думать, что въ то же время для посторонихъ доступъ къ угодью былъ закрытъ.

---

[115]) Кеврольскія писц. кн. № 185: 282—285, дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда № 33 „паскотины дѣльная“ 1624 г.

[116]) Рус. Ист. Библ. XIV т., 66 с.

[117]) Ibid.: 122 с.

[118]) Ibid.: 407 с.

Союзы и дворы теряли другъ друга какъ промышлявшихъ и работавшихъ издавна; но были въ состояніи и, можетъ быть, по своему въ правѣ исключить новыхъ посторонихъ лицъ. Въ этой власти кроются элементы будущихъ урегулированныхъ положительныхъ отношеній между членами союза. Когда начинаетъ ощущаться тѣснота, когда свобода освоенія приводитъ къ взаимнымъ столкновеніямъ и спорамъ—это во первыхъ, во вторыхъ: когда пользованіе угодьемъ, необходимымъ для струпировавшейся около него группы союзовъ, обусловлено уплатою аренды въ государственную казну, слишкомъ высокой, чтобы ее могъ вносить одинъ дворъ или одна деревня, наконецъ, когда, хотя бы и при наличности такого состоятельнаго двора, угодье необходимо для цѣлой группы поселковъ [119]), во всѣхъ этихъ случаяхъ заинтересованные союзы вступаютъ между собою въ договоръ и имъ опредѣляютъ свои дальнѣйшія отношенія по такимъ угодьямъ.

Ускорить этотъ процессъ объединенія союзовъ могла и техническая сторона обложенія того времени, напр.: когда сосѣдніе владѣльцы, эксплоатировавшіе угодье свободно, облагались сваломъ [120]). Въ такомъ случаѣ промышленники должны были разверстывать между собою общую сумму оброка, можетъ быть, опредѣлять размѣръ пользованія каждаго въ зависимости отъ размѣра плати-

[119]) Подробнѣе см. ниже.

[120]) Повидимому, примѣръ подобнаго образованія представляетъ союзъ рыболововъ по р. Ровдугѣ Сольвычегодскаго уѣзда: „рѣка Ровдуга съ устья до вершины отдана на оброкъ къ деревнямъ всякихъ чиновъ владѣльцамъ, которыя деревни въ живущемъ подъ тою рѣкою"—Сольвычегодскія писц. кн. № 501; 569.

мало имъ оброка и наконецъ, наблюдать, чтобы никто не пользовался въ размѣрахъ большихъ, чѣмъ тѣ, на какіе дастъ ему право, т. е. платимая имъ доля общаго оброка.— Такимъ образомъ основа соединенія въ сложные союзы лежала въ хозяйственныхъ группировкахъ населенія. Эти группы (не въ смыслѣ только географическаго разселенія около угодій, а въ смыслѣ хозяйственнаго пользованія ими) могли совпадать съ готовыми уже территоріальными союзами, хотя бы имѣвшими совершенно другія цѣли, съ волостью, которая, вѣроятно, была во время Новгородской власти административной единицею, какъ сошка—окладною, но подъ Москвою она утратила и свои первоначальныя функціи и организацію, преобразовавшись въ хозяйственный луговой союзъ [121]), или съ тяглою волостью, принимавшею на себя въ очень нерѣдкихъ случаяхъ въ Холмогорскомъ уѣздѣ роль лугового союза [122]), а въ Кевролькомъ—рѣчного [123]); наконецъ, даже приходъ иногда получалъ хозяйственныя функціи, владѣя лѣсными и рѣчными угодьями, назначенными не для нуждъ церкви, т. е. не для публичныхъ цѣлей, а для нуждъ отдѣльныхъ крестьянъ [124]). Если хозяйственныя группы не совпадали ни съ какими готовыми территоріальными союзами, онѣ образовывали совершенно новыя, самостоятельныя хозяйственныя организаціи. Онѣ въ такомъ случаѣ имѣли свое особое отъ другихъ союзовъ хозяйственное упра-

---

[121]) Кевролькія п. к. № 185: 22, 24, 26, 43, 161, 172, 174, 175, 296, 297; № 186: 49, 60, 94, 113, 120, 122, 247, 262, 267, 269, 281, 292, 295

[122]) Холмогорскія п. к. № 9.

[123]) Кевролькія п. к. № 185: 73, 99, 175, 213, 246, 277; № 186: 195, 197, 200, 307.

[124]) Сольвычегодскія п. к. № 505: 1206 с.

вленіе: свой міръ и сходъ, своего особаго земскаго дьячка, роль котораго исполнялъ церковный дьячекъ [125]). Имущества, принадлежавшія союзамъ, были всегда почти какого нибудь одного рода: луга, рѣки, и пр., такъ что мы имѣемъ: луговые, рѣчные и пр. союзы.

Процессъ образованія новыхъ мірскихъ хозяйственныхъ союзовъ и перехода земель и угодій отъ отдѣльныхъ дворовъ и деревень къ старымъ совершается на нашихъ глазахъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ: Обачевскій приходъ Сольвычегодскаго уѣзда до 80-хъ годовъ XVII в. не имѣлъ никакихъ общихъ крестьянскихъ угодій; въ 80 хъ годахъ крестьяне его „вобче" держали на оброкѣ рыбныя ловли и путики на Усть-Соли рѣчкѣ, бывшія до этого времени на оброкѣ за деревнею Борисовой [126]). Шесть Труфаногорскихъ деревень взяли на оброкъ въ 1623 г. лугъ, бывшій раньше за крестьяниномъ Зиновейкомъ Остафьевымъ [127]).

Этотъ процессъ совершается далеко не мирно: мірское владѣніе вступаетъ въ борьбу съ подворно-участковымъ.

---

[125]) Рус. Ист. Вок. 122. Точно также волостки для хозяйственнаго управленія имѣли свои органы, какъ это видно изъ Труфаногорской паскотной дѣльной 1624—см. прим. 115.

[126]) См. прим. 124.

[127]) См. прим. 115, другіе примѣры: Другой лугъ, находившійся во владѣніи этого же крестьянина З. Остафьева, перешелъ во владѣніе всѣхъ крестьянъ деревень Чикинской, Киперницкой, Копоновской. Тяглый лугъ, принадлежавшій двумъ деревнямъ Марьегорской волости, послѣ запустѣнія этихъ деревень, по челобитью волостного десятскаго и всѣхъ крестьянъ, въ 80-хъ годахъ отданъ „къ Марьегорской ко всей волости къ ихъ деревнямъ на прибыльную пашню въ тягло. Кевролькія п. к. № 185: 174. 412, 416; № 186: 199.

Слѣды этой борьбы остаются въ мірскихъ актахъ, такъ: одна мірская запись устанавливаетъ общую защиту общаго угодья противъ всѣхъ, кто будетъ принимать мѣры къ захвату его [128]), другая запрещаетъ владѣльцамъ приогаживать участки мірской земли къ собственнымъ землямъ [129]).

Успѣхи мірского владѣнія отмѣчаются переходами луговъ, рѣкъ, цѣлыхъ дачъ для всевозможныхъ промысловъ въ руки міра изъ рукъ отдѣльныхъ владѣльцевъ и деревень [130]). Данныя о нихъ гораздо болѣе многочисленны, чѣмъ данныя о завоеваніяхъ, сдѣланныхъ подворно-участковымъ владѣніемъ на счетъ мірского: эти послѣдніе не многочисленны и кажется преимущественно говорятъ объ огораживаніи мірскихъ земель частными лицами и о захватѣ оброчныхъ угодій, что впрочемъ можно вывести изъ содержанія оборонительныхъ мірскихъ постановленій. Но подворно-участковое владѣніе имѣло за собою очень важное преимущество: оно примѣнялось къ главному основному имущественному фонду—горнымъ полевымъ землямъ, и отсюда воздѣйствовало на мірское, очень своеобразно измѣняя его. Объ этомъ ниже.

Какія же хозяйственныя явленія вызвали мірское владѣніе и почему оно не сдѣлалось формою отношеній по всѣмъ землямъ и угодьямъ?

Было-бы грубою ошибкою предполагать, что земли и угодья различныхъ назначеній находились въ одинаковомъ количествѣ въ рукахъ крестьянъ—это во первыхъ. Во вторыхъ также ошибочно думать, что къ землямъ

---

[128]) Рус. Ист. Биб. XIV т. 407 с., 1651 г

[129]) М. А. М. Ю. Мелецкія крѣпостныя книги № 44: 98.

[130]) Кевролъск. п. к. № 185: 174, 412, 416; № 186: 199., см. прим. 124, 127.

различныхъ качествъ и назначеній примѣнялись одинаковые сельско-хозяйственные пріемы. Различіе въ томъ и другомъ отношеніи между различными землями можетъ до нѣкоторой степени вскрыть различіе юридическихъ отношеній по нимъ.

Горныя земли. Горною полевою землею называлась земля, обложенная податями, тяглая земля, находившаяся въ болѣе постоянномъ, земледѣльческомъ оборотѣ, чѣмъ земли другого рода—луговые, пастотинныя.

Другое отличіе отъ луговыхъ земель—топографическое: горныя земли находятся на возвышенныхъ мѣстахъ. Въ настоящее время такая же земля называется горной или горбылистой: въ Пинежскомъ уѣздѣ это „пахотная земля, находящаяся на возвышенныхъ мѣстахъ и считающаяся лучшею, такъ какъ она защищена отъ дѣйствія мороловъ, какіе бываютъ часто на низкихъ мѣстахъ (отъ вліянія болотъ)“ [131]).

Горная земля находилась въ постоянномъ сельско-хозяйственномъ оборотѣ, поэтому, вслѣдствіе почвенныхъ условій требовала усиленнаго удобренія, такъ какъ производительныя силы ея въ одиихъ уѣздахъ совершенно не возстановлялись бросаніемъ ея въ залежь, напр.: въ Кевролькомъ, гдѣ перелогъ микроскопически малъ [132]) и объясняется не системою земледѣлія, а тѣмъ, что переложная земля просто была землею, брошенною хозяевами, переселившимися въ другіе уѣзды или волости; въ другихъ уѣздахъ перелоги нѣсколько значительнѣе,

---

[131]) Труды этнографическаго отдѣла Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. V кн., 2 вып.: Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи, собранные П. Ефименко. II ч. 258 с.

[132]) Древности I, 36, 423.

чѣмъ въ Кеврольскомъ; но не настолько велики, чтобы можно считать ихъ результатомъ господства переложнаго хозяйства. Цѣнность навоза во всѣхъ этихъ уѣздахъ указываетъ на довольно усиленное примѣненіе удобренія [133]).

Въ другомъ мѣстѣ мы имѣли уже случай указать на факты, доказывающія примѣненіе на сѣверѣ (за неклю-

---

[133]) При продажѣ земли продавецъ выговариваетъ себѣ право снятою съ земли половиною соломы и сѣна „скотъ кормить намъ продавцамъ свой"; но въ то же время онъ обязывается отдавать „назем съ того корма на ту (проданную) деревню". т. е. въ пользу покупателя, „а на сторону того назму не продавать и такъ не отдать". (Кеврола. Архивъ М. Ю. Дѣла Пинежскаго у. суда № 33, купчая 1669 г.). По купчей Устюжскаго уѣзда продавецъ выговариваетъ себѣ право: „назем возить изъ того двора Огапу на свою землю въ Ивашовѣ".—Рус. Ист. Библ. XII т., 160. По Сольвычегодской купчей: „назму ему Ѳедору (покупателю) возить изъ двора, гдѣ язъ Прокопій (продавецъ) свой скотъ кормилъ въ стаѣ, да промежъ сѣнника въ залегъ, да противъ тоежъ стан по сѣнникамъ, да въ подмостѣ, да что въ воротѣхъ по переднему углу избному межъ заплотомъ: тотъ назем половина ему Ѳедору возить на свою землю". А. М. Ю. Дѣла Устюжскаго у. с. № 1237, вязка I, № 6.—1676. По раздѣльному акту Холмогорскаго уѣзда: „на дворныя четвертныя поля и на иныя поля на телѣгахъ съ назмомъ, и съ житомъ, и съ сохсю и съ бороною ѣздити".—Акты, относящіеся до юрид. быта Россіи I т. № 105—1682. Наконецъ, документы Каргопольскаго (Онежскаго) уѣзда указываютъ на удобреніе не только полей, но и сѣнокосовъ. Архивъ Архангельскаго Епарх. Древлехранилища: документы Крестнаго Онежскаго монастыря II вязка 121—124. По судебнику Ѳедора Ивановича 1589 г., при передѣлѣ удобренія переходитъ вмѣстѣ съ землею, а не возвращается тому, кто привезъ его на свое поле: „а съ полосъ назму не везти" (159 ст.).

ченіемъ крайняго сѣвера) трехпольнаго сѣвооборота; по мѣстамъ была разница въ распредѣленіи полей между яровымъ, озимымъ и паровымъ.—Наиболѣе интензивно хозяйство на горной землѣ ведется, какъ мы видимъ, въ Ковровскомъ уѣздѣ. Здѣсь же, какъ нами указано въ другомъ мѣстѣ были самыя незначительныя запашки. Все это привело къ тому, что въ Ковровѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ индивидуализировалась горная пашня. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, гдѣ и размѣръ перелога по отношенію къ распахиваемой пашнѣ позволяетъ заключить къ нѣкоторой примѣнимости, хотя далеко не къ господству, переложной системы, и гдѣ запашки сравнительно значительны, еще удерживается складническая форма владѣнія. Такимъ образомъ можно сказать, что сокращеніе площади удобной для распашки земли, вызвавшее экономизированіе почвы, интензивность ея культуры и незначительность запашекъ, содѣйствовало полному преобразованію складства въ подворно-участковую форму владѣнія. Меньшая степень интензивности, большій размѣръ запашекъ, обусловленныя большимъ количествомъ свободной земли, поддерживали примѣнимость складнической формы землевладѣнія.

Всѣ остальныя земли и угодья можно назвать общимъ именемъ принадлежностей горной полевой земли, потому, что они не могутъ при земледѣльческомъ хозяйствѣ составить самостоятельной хозяйственной единицы. Размѣръ, въ какомъ они находятся во владѣніи каждаго двора, каждой деревни всецѣло опредѣляется потребностью этихъ союзовъ; размѣръ этой потребности въ свою очередь опредѣляется размѣромъ полевой земли, имѣющейся въ ихъ распоряженіи. Горная полевая земля сдѣлалась основнымъ фондомъ, конечно, прежде всего тогда, когда

земледѣліе получило нѣкоторый перевѣсъ надъ другими отраслями труда. Но и при равенствѣ значенія различнаго рода производствъ, даже при преимущественномъ значеніи промысловъ, горная полевая земля въ силу своего окладного значенія, т. е. въ силу того, что она разсматривалась властью, какъ основной источникъ казенныхъ доходовъ, наконецъ, просто въ силу ея сравнительнаго постоянства и опредѣленности въ глазахъ населенія, получила формально опредѣляющее значеніе не только для земель и угодій, которые, какъ мы видѣли, непосредственно связаны съ нею,—какъ то луговъ, выгоновъ, но и для такихъ угодій, которыя въ хозяйственномъ отношеніи составляютъ нѣчто самостоятельное, напр.: лѣсовъ и рѣчекъ. Это опредѣляющее значеніе горной полевой земли выразилось въ томъ, что сначала при складнической организаціи, а затѣмъ и при всякой другой коллективной формѣ владѣнія, размѣръ доли въ принадлежностяхъ сталъ зависѣть отъ размѣра горнаго полевого участка. Опять таки нельзя думать, что такое отношеніе установилось сразу: въ первоначальныхъ организаціяхъ: во дворѣ, въ договорномъ товариществѣ и выдѣляющихся изъ нихъ складническихъ союзахъ, захватывавшихъ цѣлую деревню, размѣръ доли въ горной землѣ и во всѣхъ другихъ земляхъ и угодьяхъ опредѣлялся однимъ общимъ началомъ.—Это начало было личное положеніе во дворѣ или въ товариществѣ. Опредѣляющимъ началомъ сдѣлалась горная земля лишь съ теченіемъ времени, когда традиціи общаго происхожденія стали замирать, и личный составъ деревни превратился изъ родственнаго или товарищескаго въ сосѣдскій; а произошло это вслѣдствіе того уже указаннаго нами факта, что каждый дольщикъ, независимо отъ своихъ товари-

щей, отчуждалъ свою долю посторонимъ; послѣдніе такимъ образомъ, пріобрѣтая эту долю, не входили ни въ какія личныя отношенія къ новымъ сосѣдямъ, такъ какъ сдѣлка, а значитъ, и договоръ пріобрѣтенія съ одной и отчужденія земли съ другой стороны совершались только между непосредственно заинтересованными лицами, т. е. покупателемъ и пріобрѣтателемъ безъ всякаго участія деревенскихъ сосѣдей [131]).

При такихъ порядкахъ, лица перестали имѣть между собою какую нибудь личную связь; традиціи общаго происхожденія жили гораздо больше въ деревенскихъ, или складническихъ земляхъ, чѣмъ въ личномъ составѣ деревни, или складства; поэтому памятники XVII—XVIII в. нерѣдко говорятъ не о лицахъ, а о земляхъ „одного печища и дѣлу“.

Такимъ образомъ уже въ складнической деревнѣ прежнее личное начало легко замѣнилось вещнымъ: каждый новый жилецъ, пріобрѣтая домъ въ деревнѣ, пріобрѣталъ горный полевой участокъ и „все, что къ тому участку изстари угодья по—тягло“ [140]). Это вещное начало должно было еще болѣе окрѣпнуть, съ того времени, какъ горная полевая земля сдѣлалась подворною собственностью, а въ складническомъ владѣніи остались лишь ея принадлежности: здѣсь величину участка стали опредѣлять крѣпость, по которой онъ пріобрѣтенъ; а размѣръ его принадлежностей величиною самого участка. Съ замѣною личнаго начала вещнымъ произошло и другое важное измѣненіе, идущее навстрѣчу измѣненіямъ въ сельско-хозяйственныхъ организаціяхъ: при складническомъ деревенскомъ владѣніи все хозяйство заклю-

---

[134]) Древности I, 36; 418 с.; см. напр.: Р. И. Б. XIV, 33.

чается въ деревнѣ; и эта деревня сообразуетъ свою хозяйственную жизнь съ принципомъ присущимъ только ей: положеніе въ семьѣ, въ артели имѣло значеніе только въ деревнѣ и за межами ея оно не годилось, въ качествѣ мѣры какихъ бы то ни было отношеній. Съ замѣною личныхъ отношеній вещными, появилось начало, которой вполнѣ удобно было распространить на землевладѣльцевъ нѣсколькихъ союзовъ: земельный участокъ, какъ мѣра правъ и обязанностей—былъ одинаковъ для всѣхъ деревень.

Параллельно съ этими явленіями въ деревнѣ, какъ намъ извѣстно, въ междудеревенскихъ отношеніяхъ происходятъ другія: деревенскія складства по принадлежностямъ пашни объединяются въ мірскіе союзы и мѣрою правъ и обязанностей членовъ этихъ союзовъ по мірской землѣ дѣлается горный полевой участокъ, принадлежащій каждому. Этотъ участокъ въ финансовомъ отношеніи былъ основнымъ окладнымъ имуществомъ; отсюда и самый размѣръ его фиксировался въ размѣрѣ идущихъ съ него налоговъ и повинностей—тяглѣ; и мало по малу подъ самымъ словомъ „тягло“ стали понимать не только эти повинности, но и землю, обложенную ими; какъ было въ XVII—XVIII в.; такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранилось и до нашихъ дней.

Такимъ образомъ критеріемъ правъ и обязанностей по принадлежностямъ пашни: лугамъ, выгонамъ, рѣкамъ, лѣснымъ угодьямъ сдѣлались тягло и тяглая земля или просто тягло.

Этотъ критерій въ XVI—XVII в. одинаково примѣняется и въ небольшихъ складствахъ и въ сложившихся изъ нихъ мірскихъ союзахъ [135]). Достаточно отвлечь это

[135]) Ibid.: Р. И. Б. XIV т.: 337, 338; М. А. М. Ю. Дѣла

тягло отъ участка, на который оно падало, и представить его какъ идеальную долю всѣхъ податей, падавшихъ на цѣлый тяглый территоріальный союзъ, напр.: волость, чтобы получить ту относительную мѣру правъ и обязанностей, какую несетъ каждый членъ тяглаго союза на ряду съ другими. Это преимущественное уже значеніе тягла, какъ идеальной доли повинностей, падавшихъ на волости, доли, приходившейся на каждаго отдѣльнаго ея члена, мы находимъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крестьяне превратились изъ постоянныхъ владѣльцевъ и собственниковъ горной земли во временныхъ пользователей,—т. е. на земляхъ владѣльческихъ; здѣсь тягло въ указанномъ только что смыслѣ признавалось мѣрою всѣхъ крестьянскихъ правъ и обязанностей и въ томъ числѣ правъ на землю, уже не только луговую, выгонную и пр., но и на горную. О послѣднихъ шагахъ этой эволюціи мы будемъ говорить ниже подробнѣе.

Выяснивши такимъ образомъ отношенія между горною землею и другими родами земель и угодій, мы перейдемъ теперь къ каждому изъ отдѣльныхъ родовъ послѣднихъ. Но прежде должны остановиться еще на одномъ вопросѣ, именно: всѣ принадлежности пашни отличались отъ нея еще и въ податномъ отношеніи: тогда какъ горная полевая земля находилась въ постоянномъ сельско-хозяй-

---

Каргопольскаго уѣзднаго суда, вязка I, № 4, 258 с.: крестьянинъ продалъ „тяглыя земли по писцовымъ книгамъ вытнаго числа треть осмины и съ збавочною оброчною землею, *что доведется по тяглу* въ поляхъ и съ запольными припашными землями, и съ лѣсными путики, и съ сѣнными покосы, и съ водяными ловищи, и въ колодцѣ по жеребью доля и со всѣми угодьи, и что потому участку изстари по тяглу прилегло". См. ниже.

ственномъ оборотѣ, и какъ таковая постоянно подлежала податному обложенію—тяглу и только въ исключительныхъ случаяхъ—при разстройствахъ населенія—это тягло облегчалось, и въ такомъ видѣ извѣстно подъ именемъ оброка; другія имущества только отчасти подлежали такому же тяглому обложенію, именно: въ зависимости отъ размѣровъ тяглой пашни; признавалось болѣе или менѣе постоянное опредѣленное отношеніе между размѣрами послѣдней и размѣрами другихъ имуществъ, напр.: на 6 десятинъ хорошей окладной земли, на 7 средней и 8 худой считалось достаточнымъ 40 копенъ сѣна; эти 40 копенъ входили въ обложеніе тягломъ имущество. Но такая мѣра искусственная, повидимому, установленная самимъ правительствомъ далеко не всегда соотвѣтствовала дѣйствительнымъ потребностямъ населенія, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ широко развито было скотоводство; слѣдовательно, крестьяне должны были имѣть тѣхъ же сѣнокосовъ больше, чѣмъ давала эта норма. Вотъ эти излишки надъ нормою вмѣстѣ съ землями, которыя брались съ торговъ, „изъ воли по перекупкѣ“ и бывали обыкновенно не въ тяглѣ, а не оброкѣ, т. е. находились въ арендномъ содержаніи крестьянъ, бравшихъ ихъ у казны. Арендная плата и была извѣстна подъ именемъ оброка. Кому неизвѣстно, что крестьянство прежняго времени было подавлено тяжестью обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ сборовъ, падавшихъ на ихъ податныя имущества. Если къ этимъ сборамъ мы прибавимъ еще оброкъ, плату „изъ воли“, то должны будемъ убѣдиться, что вносить этотъ оброкъ, а слѣдовательно и имѣть необходимыя земли и угодья не было подъ силу каждому. Вотъ эти два факта: съ одной стороны, нужда въ оброчныхъ угодьяхъ и съ другой не-

достатокъ денежныхъ средствъ принуждали крестьянъ организоваться такимъ образомъ, чтобы имѣть необходимыя угодья и въ то же время платить за нихъ возможно меньше, иными словами: заставляли предпочитать коллективную аренду подворной; жертвуя при этомъ долею своей самостоятельности, такъ какъ отдѣльное арендованіе ставило арендатора въ совершенно независимое положеніе отъ міра, а мірское и складническое подчиняло его регламентированію со стороны міровъ и товарищей, такъ вотъ жертвуя долей этой самостоятельности, крестьянинъ въ то же время достигалъ нѣкоторыхъ матеріальныхъ выгодъ.

Этотъ фактъ предпочтенія коллективныхъ держаній частнымъ, иллюстрируется распредѣленіемъ оброчныхъ угодій въ Пинежскомъ уѣздѣ между мірами, товариществами и отдѣльными дворами; первые въ 1623 г. были наиболѣе обезпеченными арендаторами: изъ всей оброчной платы 10366 денегъ они уплачивали 5637 (0,6 всей суммы), остальные арендаторы—4729 (0,4 всей суммы).

Однако не всѣ угодья распредѣлялись одинаково: рѣки преимущественно находились въ рукахъ міровъ: изъ общей суммы рѣчной арендной платы—3042 денегъ—міры уплачивали 2863 деньги, отдѣльные хозяева только 89 денегъ. Земельныя угодья распредѣлялись между большими союзами—волостками и союзами волостей,—небольшими артелями складствами—двора въ 2, 3, 4—и отдѣльными хозяевами; первые уплачивали изъ всей оброчной платы около 30%, вторые 38%, третьи 26%. Такъ что здѣсь предпочтенія артельнаго держанія дворовому выражается въ образованіи небольшихъ союзовъ значительнѣе, чѣмъ въ изобрачиваніи волостокъ и союзовъ ихъ. Надо замѣтить, что мірскія оброчныя держанія далеко неравно-

мѣрно распространены по всему уѣзду: въ Кеврольскомъ станѣ не было ни одного земельно-мірского оброчнаго держанія; напротивъ въ Чакольской волости мірской оброкъ преобладаетъ: изъ 13 р. 21 алтына $3^1/_2$ денегъ, уплачиваемыхъ ею, на міры—волостки и союзы ихъ—приходится 11 р. 12 а. $^1/_2$ д., т. е. 83% [136]). Приблизительно такія же отношенія сохраняются и къ концу XVII вѣка [137]).

Что артельное и еще болѣе мірское держаніе для средняго и бѣднаго крестьянина были единственными средствами имѣть въ своемъ пользованіи оброчное угодье, видно изъ относительнаго количества самостоятельныхъ арендаторовъ, арендаторовъ — артельщиковъ и лицъ, вовсе не имѣвшихъ оброчныхъ имуществъ: первыхъ изъ 1539 дворовъ было только 21, вторыхъ въ 14 артеляхъ около 50 [138]); слѣдовательно, тѣхъ и другихъ около 70, т. е. $0{,}4\%$ всего населенія; значитъ $99{,}6\%$ его должны довольствоваться мірскими угодьями.

Далѣе, если бы мы захотѣли узнать какія лица соединяются въ артели, стоило бы только сравнить размѣры оброка, уплачиваемаго самостоятельными хозяевами и артелями, именно: каждая артель платитъ почти столько же, сколько платитъ каждый самостоятельный дворъ: отъ 1—2 алтына до 1,5 рубля, всего чаще отъ 5 до 8 алтынъ, и только одно товарищество, состоящее изъ 3-хъ человѣкъ, уплачиваетъ 10 рублей [139]). Изъ этого уже видно, что въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ въ артели соединялись лица малоимущія. Разумѣется, для людей съ такимъ достаткомъ, для людей, способныхъ вносить

---

[136]) Кевр. п. к. № 185: 76, 101, 176, 213, 246, 277, 301, 320.
[137]) Ibid.: № 186: 194, 307.
[138]) См. прим. 136.
[139]) Ibid. № 185, 321.

плату меньше минимальной единоличной, наиболѣе доступно угодье тогда, когда его держитъ цѣлый міръ, напр.: 7 труфаногорскихъ деревень съ 15 дворами платятъ за лугъ 2 рубля, т. е. съ двора въ среднемъ сходитъ по 4 а.[149]). Выгода малоимущихъ людей при интересующихъ насъ держаніяхъ заключалась и въ самыхъ условіяхъ участія каждаго члена міра, какъ въ пользованіи, такъ и въ взносахъ. Въ противоположность индивидуальнымъ оброчнымъ держаніямъ, при которыхъ каждый арендаторъ имѣлъ дѣло только непосредственно съ казною и былъ совершенно независимымъ отъ міра, въ мірскихъ—положеніе его было вполнѣ аналогично его тяглому положенію, т. е. вся сумма оброка падала на цѣлый территоріальный союзъ и ни одинъ изъ членовъ послѣдняго не могъ уклониться отъ участія въ платѣ его. Распредѣляли оброкъ по общимъ правиламъ распредѣленія податей, т. е. по количеству той земли, какимъ владѣлъ каждый членъ союза. По этому же самому началу распредѣлялось и оброчное угодье. Понятно такимъ образомъ, что, содѣйствуя созданію мірскихъ держаній, каждый малоимущій человѣкъ не только обезпечивалъ себя, но и обезпечивалъ для себя участіе въ платежѣ за нихъ своихъ прожиточныхъ сосѣдей. Если послѣдніе и пользовались большей, чѣмъ онъ, долей въ мірскомъ имуществѣ, за то и взносы дѣлали большія, чѣмъ онъ.

Интересъ массы крестьянства въ оброчныхъ мірскихъ имуществахъ вызывалъ, во первыхъ, стремленіе исключить ихъ изъ переоброчки, такимъ образомъ превратить срочное держаніе въ постоянное владѣніе. Дѣйствительно,

---

[149]) Ibid. № 185, 302.

нѣкоторыя оброчныя угодья превратились въ постоянныя мірскія имущества, напр.: шести Вѣгорскимъ деревнямъ „даны присадки къ ихъ деревнямъ на оброкъ и въ сошное письмо въ проки, а не на урочные годы и впредь имъ быти за ними потомужъ“ [141]).

Въ этихъ случаяхъ міръ, обезпечивая за собою навсегда угодье, избавлялся отъ конкурренціи сильныхъ людей. Во вторыхъ: иногда міры принимали свои мѣры къ тому, чтобы угодье не вышло изъ ихъ рукъ въ руки отдѣльныхъ ихъ членовъ или посторонихъ. Поэтому въ мірскихъ договорахъ мы находимъ иногда такое условіе: „а кто учнетъ изъ тѣхъ нашихъ мірскихъ угодій: сѣнныхъ покосовъ, и изъ рыбныхъ ловель, или изъ скотинной пастьы изъ тѣхъ нашихъ волостей и изъ становъ, или со стороны имать на оброкъ изъ наддачи, или пустымъ называть, и намъ на того человѣка сгояти всѣмъ съ одного, другъ друга не подать“ [142]). Наконецъ,—оброчныя угодья, бывшія за частными владѣльцами, міры нерѣдко переводятъ за себя: такую судьбу имѣли нѣкоторые мірскіе луга, рѣки, дачи для звѣринаго промысла. Примѣры мы увидимъ ниже [143]).

Переходимъ къ обзору отдѣльныхъ земель и угодій, входившихъ въ число принадлежностей горной пашни, и союзовъ, сложившихся на почвѣ владѣнія и пользованія ими.

Луговыя земли и сѣнокосы. Луга находились на низкихъ мѣстахъ, „подъ горою“, на берегахъ рѣкъ, рѣчекъ, озеръ, лывъ, на парьяхъ, присадкахъ, островахъ.

---

[141]) Коврольскія писц. кн. № 185: 174, 302; № 186: 307.
[142]) Р. И. Б. XIV т. 407—1651 г.
[143]) См. прим. 141.

Отводились они не только подъ сѣнокосъ, но и подъ пашню. По размѣръ запашки на нихъ то увеличивался, то уменьшался; крестьяне по степени нужды варіировали пользованіе ими, при доходности земледѣлія обращая часть ихъ подъ пашню; если же земледѣліе не окупало расходовъ на него, пашня эта обращалась въ сѣнокосъ: „сѣнные покосы и ораемыя земли на лугахъ“[144]).

Это же хозяйственное раздѣленіе луговой земли констатируется писцовыми Кевролъскими книгами: „да у Покшенскихъ и у Шетогорскихъ крестьянъ на Мепшиномъ лугу и на острову... подлѣ Пинегу рѣку межъ покосовъ пашни пахотныя худыя земли 30 частей въ полѣ, а въ дву потомужъ“[145]) (45 десятинъ). Различалось два рода ячменя: луговой и горный; при чемъ цѣна на послѣдній была выше чѣмъ на первый: въ одной церковной приходо-расходной книгѣ 1664 года читаемъ: „продалъ жита лугового мѣру—взялъ 7 алтынъ“..., „продалъ жита горнаго полъ мѣры—взялъ 11 алтынъ“[146]). Иногда на лугу находился и выгонъ: Труфаногорскій лугъ состоялъ изъ 5 десятинъ пашни, 1,2 десятинъ сѣнокоса и 3 десятинъ пастотиннаго луга[147]). Впрочемъ обычно на лугъ скотъ пускался послѣ страды, когда „отворялась стѣнная огорода“—на Успенье въ однихъ случаяхъ, на Вздвиженье—въ другихъ[148]).

---

[144]) Дѣла Пинежскаго у. с. купчая 1669.

[145]) Кевролъскія писц. книги № 186, 94, см. также Р. И. Б. XIV т. 68.

[146]) Архивъ Коскошинской церкви Архангельской губ., Холмогорскаго у. „Лѣта 170, мая 25 книги приходныя церковнаго приказчика Никулы Никифорова Бѣлаго“.

[147]) Кевр. п. к. № 185, 302.

[148]) Р. И. Б. XIV т. 128, Мезенскія переписныя книги № 44, 98.

Въ отличіе отъ горной полевой земли, количество которой по мѣрѣ нужды могло болѣе или менѣе произвольно быть увеличено, запасъ луговой оставался данным разъ навсегда и увеличеніе его не зависѣло отъ человѣка. Поэтому нужда въ ней должна была почувствоваться раньше, чѣмъ нужда въ полевыхъ горныхъ земляхъ. Особенно ясно она должна была ощущаться тамъ, гдѣ наряду съ земледѣліемъ существовало и скотоводство. Истощеніе запаса луговой земли могло выразиться въ сокращеніи и скотоводства, и земледѣлія, такъ какъ, мы сказали, послѣднее зависѣло въ значительной степени отъ перваго благодаря примѣняемости унаважившія полей. Это, однако, явленіе позднѣйшаго времени. Въ XVII в. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, дѣйствительно, замѣчается недостатокъ сѣнокосовъ, напр. въ Кеврольскомъ станѣ въ началѣ XVII в. на 1443 десятины пашни (въ трехъ поляхъ) приходилось 550 десятинъ сѣнокоса, т.-е. 2,6 десятинъ первой на 1 десятину второго; въ концѣ того же вѣка на 2230 десятинъ пашни 619 десятинъ сѣнокоса, т. е. 3,6:1[149]).

Въ XVI в. правительство считало возможнымъ выложить часть сѣнокосовъ изъ тягла и перевести ихъ на оброкъ, значитъ, находило нѣкоторый перевѣсъ количествъ сѣнокосовъ надъ количествомъ пашни, признавало, что отношеніе между ними идетъ въ пользу сѣнокосовъ гораздо больше признанной имъ нормы. Но уже въ 1623 году отношеніе пашни къ сѣнокосу 2,6:1 оно нашло во всякомъ случаѣ не выше нормальнаго и отдало всѣ сѣнные покосы на новоприбылую пашню, т. е. ввело ихъ въ число тяглыхъ земель[150]). Если уже 2,6:1

[149]) Кеврольскія п. к. № 185, 476.

[150]) См. прим. 149.

признавалось нормальнымъ отношеніемъ пашни къ сѣнокосу, то это отношеніе должно было считаться нарушеннымъ къ концу столѣтія, когда на десятину сѣнокоса приходилось 3,6 десятины пашни. Слѣдовательно, въ это время долженъ былъ сильно ощущаться недостатокъ въ сѣнокосахъ. Онъ и выражается прежде всего въ томъ, что крестьяне арендуютъ у казны оброчныя сѣнокосныя угодья.

Эти явленія отразились и на организаціи сельскаго хозяйства: луговыя земли Кевролькаго уѣзда находились во владѣніи союзовъ—волостокъ, т. е. описанныхъ уже нами группъ деревень. Въ другихъ уѣздахъ, напр., Сольвычегодскомъ сѣнокосы принадлежали по общему правилу деревенскимъ складствамъ, т. е. къ нимъ примѣнялась первоначальная форма отношеній. Разсматривая это явленіе, какъ рефлексъ хозяйственныхъ потребностей, надо сказать, что здѣсь не ощущалась нужда въ сѣнокосахъ въ такой же степени, какъ въ Кевролѣ; дѣйствительно, правительство и въ началѣ и въ концѣ XVII в. считаетъ размѣръ сольвычегодскихъ сѣнокосовъ выше нормальной потребности, предполагаемой размѣромъ запашки, и поэтому находитъ возможнымъ часть ихъ выкладывать изъ тягла на оброкъ. Наконецъ, въ Холмогорскомъ уѣздѣ оброчные луга находятся въ арендѣ у цѣлыхъ союзовъ, обыкновенно волостей и союзовъ ихъ. Причину этого явленія мы уже видѣли въ свое время.

Такимъ образомъ, резюмируя сказанное, можно отмѣтить такой фактъ: тамъ, гдѣ количество сѣнокосной земли вполнѣ достаточно для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей, остается складническая форма владѣній лугами и сѣнокосами; гдѣ напротивъ, запасъ ея

сравнительно съ потребностями сельскаго хозяйства и скотоводства не великъ, или гдѣ приходится въ значительной степени расчитывать не на тяглыя, а на оброчныя луга, значитъ, вноситъ въ казну денежную плату, тамъ къ нимъ примѣняется коллективная форма владѣнія.

По большей части луга находился во владѣніи волостки, гораздо рѣже двухъ[151]). Бывали случаи, что изъ цѣлой волостки нѣсколько деревень и починковъ не входили въ совладѣніе, напр. въ Кушкополѣ (Кевролѣ) одинъ починокъ не имѣлъ участія въ лугѣ, въ Шардонемѣ—одинъ, на Воймушѣ—два[152]).

Судя по послѣднимъ, исключались вновь приписанные къ волосткѣ поселки. Въ Пинежскомъ уѣздѣ крайне рѣдко сѣнокосныя угодья находились во владѣніи тяглыхъ союзовъ. Марьегорская волость, кажется, единственная, имѣвшая ихъ, пріобрѣла ихъ въ концѣ столѣтія. Тогда здѣсь образовалось два концентрическихъ круга владѣльцевъ: 12 деревень владѣли лугами на островахъ и въ Меннишномъ лугу; вся волость (15 деревень) получила въ тягло 16 десятинъ сѣнокоса въ Опашинскомъ лугу; наконецъ, та же волость владѣла новоприсадпымъ островкомъ на устьѣ рѣки Покшеньги[153]).

Такъ какъ луга тянули къ землямъ цѣлаго ряда поселковъ, то они и не могли находиться въ межахъ и граняхъ какого-нибудь одного изъ нихъ. По большей части они составляли самостоятельныя, обособленныя межевыя площади[154]), причемъ: сколько бы луговъ не принадлежало одному союзу, каждый изъ нихъ имѣлъ

---

[151]) Кевролъскіе п. к. № 186, 68, 94.
[152]) Ibid. 119, 173, 186.
[153]) Ibid. 228—231.
[154]) Ibid. № 186, 106—111, 123—138.

свои особые межевые знаки[155]). Въ отличіе отъ горной полевой земли, межевая площадь луга, принадлежавшаго одному союзу, не дѣлилась дерновыми межами; поэтому въ сдѣлкахъ не описывались ни межи отдѣльныхъ луговыхъ участковъ, ни самые эти участки. Указывалось лишь на то, что отчуждающій горную землю отчуждалъ вмѣстѣ съ этимъ и свое право на извѣстную долю луговой, именно ту долю, которая слѣдуетъ ему по его участку. Такой способъ описанія, разумѣется, примѣнялся только къ лугамъ, находившимся въ коллективномъ владѣніи, когда, слѣдовательно, каждый дворъ имѣлъ не выдѣленный участокъ, а лишь право на пай. Напротивъ, какъ мы знаемъ, горная полевая земля, находившаяся въ подворно участковомъ владѣніи, и имѣвшая дерновыя межи, описывалась вмѣстѣ съ этими межами. Эта формальная разница описанія (въ сдѣлкахъ) горной и луговой земли, служившая однако выраженіемъ болѣе глубокой разницы ихъ правовыхъ положеній, констатируется пшежскими купчими въ слѣдующихъ словахъ: описавши горныя земли, онѣ говорятъ: „а та горная земля за дерновыми межами..., а сѣнные покосы и орамыя земли на лугахъ: по Выямѣ рѣкѣ, и на Вельской пожнѣ, и въ острову, и въ поскотинной землѣ, и въ Красильѣ, и за Пежугою, и за Верхнимъ Мостомъ по Медвѣдицѣ и гдѣ, что ни есть, по горной землѣ все безъ вывѣта...; а потому тѣхъ луговыхъ земель въ сей купчей не описано (по другой купчей: „а луговой земля межи для того не описаны"), а когда бываетъ ровень земли мірская, и тогда межи перемѣняются, дѣлъ бываетъ, и луговая земля перемѣняется и доставается въ

---

[155]) См. прим. 153 и 154.

другихъ мѣстахъ луговая земля“[156]). Такимъ образомъ описанія луговой земли и ея межей не дѣлается потому, что и эти межи и доли луга — временные, между тѣмъ купчія крѣпости расчитаны на вѣкъ; понятно, что такое описаніе не имѣло бы никакого практическаго значенія; достаточно указать фактъ участія во владѣніи лугами. Въ приведенныхъ купчихъ онъ указанъ очень ясно даже для нашего времени; въ другихъ, напротивъ, всѣ указанія исчерпываются совершенно неясною формулою: „что къ той деревнѣ изстари угодья потянло“.

Паскотинная земля. Слово „паскотина“ не означаетъ только „выгонъ“; но несомнѣнно ею называлась та земля, которая до обращенія подъ пашню была занята лѣсомъ и служила для выгона[157]). Это названіе сохранялось за нею и тогда, когда на ней остался лѣсъ съ выгономъ, и сдѣлана пашня: скрылевскіе складники „раздѣлили межъ собою землю свою, что чищена на паскотинѣ вновь..., а лѣсъ у насъ на паскотинѣ остался вмѣстѣ“[158]), „у пашія деревни Холмовскіе пастевные городъ разсѣкли..., а выпустили у насъ изъ паствы десятеро коней пашенныхъ..., и пашни у насъ на паствѣ называютъ своими, а пашни у насъ вопчіе“[159]). Наконецъ, паскотиною иногда называлась луговая земля, вѣроятно потому, что на лугу находился и выгонъ, такъ: Труфалогорскій лугъ называется паскотиною и дѣльная его „паскотины дѣльною“[160]). Этотъ послѣдній актъ не ос-

---

[156]) М. А. М. Ю. Дѣла Пинежскаго у. суда № 33, купчая 1669 г.

[157]) См. ниже.

[158]) Р. И. Б. XIV т. 84—85.

[159]) Ibid. 568, 570.

[160]) „Паскотины дѣльная“ 1624.

тавляетъ никакого сомнѣнія на счетъ хозяйственнаго значенія паскотины: „въ коей трети смоеть или засыплеть, а *пахать* негодно“...; „надкинули 3 сажени земли... во всей пожнѣ для ручья, что у ручья пахать нельзя; а будетъ тотъ ручей сполнится, а та земля льзя *пахать*...; а что за лывого у рѣпища удѣлъ, и тотъ намъ удѣлъ пахать по прежнимъ жеребьямъ“[161]). Къ пашнямъ, находящимся на паскотинахъ, примѣнялся паръ; но это не исключаетъ обращенія ихъ въ залежь и замѣны брошенныхъ расчистокъ новыми. Брошенная въ залежь земля не возвращается подъ обработку до тѣхъ поръ, пока не возстановятся ея производительныя силы. За это время она успѣваетъ порости лѣсомъ, называемымъ молодями или рощами. Вслѣдствіе того, что эти молоди вырастаютъ на запущенной залежной землѣ, эта послѣдняя иногда называется паромъ. Наконецъ, когда залежь снова обращается подъ пашню, слѣдовательно, съ нея вырубается лѣсъ, она носитъ названіе новшнаго пара[162]). Такимъ образомъ въ паскотинномъ хозяйствѣ мы наблюдаемъ примѣненіе залежно-паровой системы. Примѣромъ можетъ служить сурскій перелогъ и новая пашня, принадлежавшія всѣмъ крестьянамъ Сурской волости „вопче“. „Сурской волости всѣхъ деревень у всѣхъ крестьянъ вопче на Поганой Сурѣ на Хатьѣ отхожія пашни худыя земли лѣсомъ поросло—32 чети въ полѣ, а въ дву потому жъ“ (48 десятинъ)[163]). „Лѣсомъ поросло“ тоже, что въ другихъ актахъ называется молодью. Нельзя не отмѣтить того интереснаго факта, что

---

[161]) Ibid.

[162]) Рус. Ист. Библ. XIV т. 556, 556, 653, 672. (1605—1626).

[163]) Кеврольскія писц. кн. № 185, 202.

въ Сурской волости изъ всего количества перелога — 48¾ десятинъ, на мірскія земли приходится, какъ мы видѣли, 48 десятинъ; тогда какъ подъ обработкой въ общемъ владѣніи находится только 15 десятинъ (10 четей въ каждомъ изъ трехъ полей), очевидно расчищенныхъ послѣ того какъ истощенная земля 48 дес. брошена въ залежь[164]). Напротивъ, у отдѣльныхъ крестьянъ на 488 десятинъ обрабатываемой пашни (325¹¹/₁₂ чети въ каждомъ полѣ) перелогу и лѣсомъ поросло только ¾ десятины[165]).

Изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что хозяйственная терминологія въ XVII в. далеко не установилась: одни и тѣ же названія примѣняются къ совершенно различнымъ землямъ. Я приведу еще одинъ примѣръ этой терминологической путаницы, примѣръ, въ которомъ отожествляются понятія: покосъ, пашенная земля, паскотина: „тотъ Михайло на нашемъ покосѣ землю зоралъ и пшеницы насѣялъ, а тотъ было покосъ сего году нашей половины... и косити было намъ". „Покосъ де нашъ сего году косити намъ довелось, потому что въ прошломъ году былъ покосъ его Михаилова питины, и онъ рѣпу сіялъ, и сего года на землѣ сіяна пшеница наша"; про эту же землю далѣе говорится слѣдующее: „сіялъ тотъ Михаило, съ нами земли не дѣля, зоравъ поскотину, лиу да ржи лоскутъ[166]).

Результаты нашихъ наблюденій луговой земли могутъ быть примѣнены къ паскотинѣ лишь постолько, поскольку паскотина находилась въ лугахъ; въ такихъ случаяхъ,

---

[164]) Ibidem.
[165]) Ibid. 199.
[166]) Рус. Ист. Вибл. XII т. 219—320 (1641 г.).

дѣйствительно, отношенія по ней были тѣ же самыя, что и по луговой землѣ, т. е. тамъ, гдѣ въ послѣдней ощущался нѣкоторый недостатокъ, она находилась въ мірскомъ владѣніи, напр. 18 деревень Альмешской волости Устюжскаго уѣзда сообща владѣли поскотинною землею; вчиная искъ противъ крестьянина Мити Нефедьева, они говорили: „тотъ Митя у насъ на Альмешѣ у всей волости паскотинныя земли отнялъ и отгородилъ къ своей землѣ къ горной деревнѣ; а та земля нашихъ деревень“[167]). Въ Холмогорскомъ уѣздѣ паскотина, отведенная спеціально подъ выгонъ, принадлежала нѣсколькимъ понизовскимъ двинскимъ волостямъ: изъ морскихъ пожень крестьяне этихъ волостей „Падростровъ и Тайпокурецъ оставили вмѣстѣ не въ дѣлу подъ скотинную паству“[168]). Наконецъ, мы знаемъ уже, Труфаногорская паскотина находилась во владѣніи Труфаногорской волостки[169]). Поскольку, далѣе, паскотина была землею, расчищенною изъ подъ лѣса, слѣдовательно, увеличиваемой болѣе или менѣе произвольно, къ ней не приложимы указанныя выше наблюденія.

Первое, что отличаетъ ее отъ луговой земли, было, слѣдовательно, возможность произвольнаго увеличенія, а значитъ и недостатка въ ней не должно было ощущаться. Это обиліе земель, годныхъ подъ паскотину, каково бы ни было назначеніе послѣдней, выразилось и въ констатированной уже нами экстенсивности паскотиннаго хозяйства; слѣдовательно, второй ея признакъ, отличающій ее отъ горной полевой земли, заключается въ томъ, что

---

[167]) Акты, относящіеся до юрид. быта Россіи I т., № 52, 1555 г.

[168]) Рус. Ист. Библ. XIV т. 406—1651.

[169]) См. прим. 160.

въ лесе вкладывается меньше труда и средствъ, чѣмъ въ послѣднюю. Значитъ, и запасы этой земли были значительны и трудъ, примѣняемый къ ней былъ экстензивенъ, поэтому и организація отношеній по ней осталась преимущественно первоначальная, т. е. складническая.

Въ писцовыхъ книгахъ къ каждой деревнѣ приписаны лѣсъ и выгонъ въ опредѣленномъ количествѣ десятинъ. Иногда нѣсколько деревень сообща владѣютъ тѣмъ и другимъ: „пасотина тое деревни и лѣсъ вопче съ иными деревнями". Устюжскій писецъ указываетъ мѣсто, гдѣ находится животинный выпускъ: за полями, въ болотѣ подъ деревнею, подлѣ озера, въ лугу, какъ и усольскій— величину его, прибавляя послѣ этого и описаніе другихъ свободныхъ мѣстъ, гдѣ пасется скотъ: лѣсъ, болото, кусты. Только обмѣренный выгонъ входитъ въ обособленное владѣніе деревни; все остальное пространство для пастьы находилось въ общемъ владѣніи нѣсколькихъ деревень. Иногда писцомъ констатируется существованіе такихъ двоякаго рода выгоновъ: выгонъ „съ сосѣдями вопче за полями въ болотѣ... и особо въ телятникѣ"[170]).

---

[170]) Телятникомъ называлось огороженное, расчищенное изъ подъ лѣсу мѣсто, назначенное какъ для пастьы, такъ и для сѣнокоса. Нерѣдко телятникъ находится въ сторонѣ отъ полей, около лѣсу и засѣянныхъ новинъ: „разсѣченъ у моего телятника огородъ... и скотишно мое изъ телятника распущено въ лѣсъ. „Въ томъ телятникѣ былъ скотъ скупной пущенъ кормить". См. прим. 7, II гл. Явки 1630 г. 24 іюня и 18 августа. Сѣнокосъ въ телятникѣ: „продалъ на телятники казеннаго сѣна... 3 промежка, взялъ 26 алтынъ", см. 33 прим. Телятники находились въ складническомъ владѣніи; дѣлились и передѣлялись отдѣльно и вмѣстѣ съ другими землями. Одна явка указываетъ такой поводъ передѣла ихъ: „я де тѣмъ (телятникомъ) владѣю по своей долѣ своею половиною; а тотъ

Болѣе состоятельные владѣльцы имѣли отдѣльные выгоны, составляя товарищества для пріобрѣтенія на общія средства, напр. товарищество, состоящее изъ причта соборной церкви (въ Устюгѣ), старцевъ Ивановскаго монастыря, и 5 крестьянъ для своихъ сосѣднихъ деревень купило на общія средства треть деревни Рагозины „подъ паскотину“; въ товарищество вошелъ и продавецъ. Въ этой купчей указана и доля пользованія каждаго, именно: опредѣленное количество головъ скота, какое имѣетъ право выпускать каждый на выгонъ: „а ту землю купили подъ поскотину къ деревнѣ къ Богородицкой на 3 лошади, а къ деревнѣ къ Жигулеву на 8 лошадей, да къ полудеревни Соловьеву къ Роману на 2 лошади; а ему Огапу (продавцу) къ деревни Ивашеву на 3 лошади[171]).

Вѣроятно, и во всѣхъ случаяхъ, когда поскотина служила только для выгона, размѣръ права каждаго выражался въ количествѣ выпускаемаго имъ скота. Это количество въ свою очередь опредѣлялось хозяйственною потребностью каждаго совладѣльца, которая зависила отъ размѣровъ его собственнаго, находящагося около данной поскотины участка, напр. въ дер. Земцово Кеврольскаго стана (Кеврольскій уѣздъ) на 3 двора, изъ которыхъ у каждаго по $1^3/_4$ чети ($2^5/_8$ десятинъ) земли, „животиннаго выгону 1 десятина“ [172]).

Про одного изъ жильцовъ подъячаго Богдана Петрова

де я телятникъ чистилъ и пахалъ по своей долѣ одинъ да и владѣю одинъ. А когда де Михаило противъ того телятника столько же земли очиститъ и отпашетъ, тогда самъ и телятникъ верстаю и дѣлю“, прим. 7, явка 1631 г., 2 авг.

[171]) Рус. Ист. Библ. XII т. 159—1617 г.

[172]) Кеврольскія п. к. № 186 (1686 г.) 126.

замѣчено: „въ томъ во всемъ (въ поскотинѣ и въ лѣсныхъ угодьяхъ) подъячему Богдану Петрову треть“[173]).

Обратимся къ отношеніямъ по лѣсамъ, находившимся въ межахъ деревень и союзовъ деревень, это такъ называемые молоди, лѣса пашенные и непашенные. Складническія отношенія простирались не только на культурныя, но и на некультурныя земли, какъ занятыя названными сейчасъ лѣсами; и эти послѣдніе, какъ первые, дѣлились по долямъ: каждый складникъ могъ расчищать часть деревенской земли по своей долѣ и владѣть ею одинъ до тѣхъ поръ, пока сосѣди не расчистятъ соотвѣтствующихъ частей земли по своимъ долямъ; тогда только вся расчищенная земля передѣлялась[174]). Но такой порядокъ, при которомъ каждому предоставлялось чистить землю, не допуская вмѣшательства товарищей, вызывалъ недоразумѣнія и судебныя дѣла. Поэтому уже въ XVI в. появились нѣкоторыя ограниченія этой свободы: прежде, повидимому, опредѣленія размѣровъ лѣсного участка, соотвѣтствующихъ праву, предоставлялось самому складнику, теперь общій лѣсъ долженъ быть предварительно раздѣленъ между товарищами по долямъ, и затѣмъ уже каждый могъ чистить выдѣленный ему участокъ: „не раздѣля лѣсовъ не чистити, а станемъ мы землю чистить, а намъ другъ друга повѣщать“. Исполненіе этого требованія обезпечивается въ цитируемомъ памятникѣ угрозою: „а кто учнетъ чистити земля не повѣстя другъ друга, а та земля вопче пошла“[175]), т. е. расчистившій ее лишается права отдѣльнаго пользованія;

---

[173]) Ibid.

[174]) См. прим. 170, текстъ явки 1631 г.

[175]) Рус. Ист. Библ. XIV т., 85 с.—1570 г.

она поступаетъ въ общее владѣніе. По проэкту судебника 1589 года, эксплоатація молодей подчиняется тѣмъ же ограниченіямъ: „а у которыхъ селъ и деревень есть молоди, и тѣхъ молодей — прежнихъ выпашей — и тѣхъ лѣсовъ складшками межъ себя безъ дѣлу и безъ жеребья ни сѣяти, ни пахати“. Здѣсь регистрируется лишь нѣсколько иная санкція: „кои складникъ безъ дѣлу молоди высѣчетъ и запашетъ“, тотъ долженъ выдѣлить долю изъ урожая складнику, который „не сѣкъ“, хотя бы послѣдній расчистилъ другое мѣсто того же лѣса[176]).

Иногда, повидимому, вмѣсто предварительнаго раздѣла, примѣнялся общій артельный трудъ; и затѣмъ дѣлилась уже сообща расчищенная новина: „раздѣлили семи межъ собою землю свою, что чищена на паскотинѣ вновь по своей полюбовной записи: та земля, развервя, раздѣлити, и мы ту землю раздѣлили“[177]).

Такимъ образомъ путемъ (предварительнаго или послѣдующаго) раздѣла опредѣлялся раіонъ расчистокъ и пользованія ими. Но иногда то и другое опредѣлялось срокомъ производства расчистокъ: складникъ могъ чистить лѣсъ только въ теченіи опредѣленнаго времени: „а што они въ 5 годовъ усѣкутъ, ино имъ и полно, а што ся останется отъ 5 годовъ, ино имъ до того дѣла нѣтъ“[178]).

Небезынтересно отмѣтить еще одну сторону ограниченій, относящуюся уже къ правамъ въ чужихъ вещахъ: по только что цитированной дѣльной, лѣсъ, находящійся

---

[176]) Ст. 176 см. также прим. 162.

[177]) Рус. Ист. Библ. XIV т. 84—1570 г., 833—1608, 66—1563 г.

[178]) Рожковъ. „Сельское хозяйство въ Московской Руси въ XVI в., прибавленіе III, 494 с.

въ участкѣ одного изъ складниковъ, представляется расчищать двумъ другимъ и въ теченіи 5 лѣтъ пользоваться расчищенною землею: „а сѣтчи имъ тоть лѣсъ въ 5 годовъ; а што они усѣкуть въ 5 годовъ, ино имъ хлѣбъ съ земли снести, а до земли имъ дѣла нѣтъ“ [179]). Такія же ограниченія пользованія новиною опредѣленнымъ срокомъ, судя по одной изъ приведенныхъ нами явокъ 1631 года, примѣнялись и къ новинамъ, сѣченнымъ въ своемъ участкѣ: послѣ этого срока новина шла въ передѣлъ[180]).

Мы имѣемъ дѣло съ росчистями, производимыми на складническихъ земляхъ; поэтому къ нимъ примѣнялся и общій критерій, опредѣлявшій размѣръ складческаго пользованія: каждый могъ чистить и пахать по своей долѣ: „я телятникъ чистилъ и пахалъ по своей долѣ“. Но понятіе доли наполнялось, какъ мы видѣли, различнымъ содержаніемъ: среди родственниковъ и товарищей доля опредѣлялась положеніемъ въ семьѣ и въ артели, въ сосѣдскомъ союзѣ—тяглымъ участкомъ, или количествомъ податей, платимыхъ съ него — тягломъ: „а ту семя землю (что чищена на пасотникѣ) раздѣлили по тяглой землѣ“[181]); „жгли мы новину, а выжегши ту новину, и раздѣлили повытно“[182]). Въ составъ сосѣдскихъ союзовъ по указаннымъ выше лѣсамъ входили рядомъ съ одною деревнею и группа деревень и цѣлыя волостки и волости[183]), слѣдовательно, и владѣніе ими начинало

---

[179]) Ibid.

[180]) Прим. 170.

[181]) Рус. Ист. Библ. XIV т. 85—157.

[182]) Ibid. XIV т. 557—1605 г.

[183]) Размѣры расчистокъ у группъ деревень и волостокъ Чакольской волости Кеврольскаго уѣзда: писц. кн. № 186,

дѣлаться мірскимъ. Надо думать, что всѣ указанныя выше ограниченія примѣнялись и къ мірскому владѣнію. Во всякомъ случаѣ они примѣнялись на владѣльческихъ земляхъ XVII в.[184]).

Пользованіе лѣсомъ, ведущее лишь къ частичному его уменьшенію, для домашняго мелкаго обихода: на дрова, жерди и для построекъ не ограничивается: „лѣсу не сѣчи“ другъ безъ друга „опроче дровъ и жердей“, „а лѣсъ сѣчи на дрова или на бревна или на жерди гдѣ кому любо“[185]). Наконецъ, если лѣсъ назначенъ для какихъ либо общеполезныхъ цѣлей, всякое пользованіе имъ совершенно исключалось: тѣ же Яковлькурцы оставили лѣсъ: „съ головы острова и по сторонамъ отъ Двины“, для защиты полей отъ льда и воды, запретивши нетолько чистить его, но и „лыка драть и дрова сѣчь“[186]). Черные лѣса, боры, болота. Если въ межахъ каждаго изъ союзовъ имѣетъ мѣсто исключительная хозяйственная дѣятельность его членовъ; то за межами ихъ лежатъ земли, не принадлежащія въ частности ни одному изъ союзовъ, земли, которыми поэтому могутъ свободно пользоваться члены всѣхъ ихъ: „дале (межей сосѣднихъ деревень) вопчи лѣсъ царевъ и великаго князя“[187]). Въ этомъ черномъ лѣсу по общему правилу, зарегистрированному судебникомъ 1589 г., примѣняется свободное освоеніе и свободный дворовый трудъ; черный лѣсъ слу-

---

248 с. 4,5 десятины; 267 с.—7 д.; 269 с.—1 д.; 271 с.—2¼ д. 274—¾ д.; 292—3 д.; 298—30 д.; 306—15 д., 309—4,5 д.; 281—22,5 д.; см. прим. 163—165.

184) См. ниже.

185) См прим. 177—178.

186) Р. И. Б. XIV т. 69.

187) 177 ст.

жить фондомъ для образованія самостоятельныхъ дворовыхъ владѣній: „а черный лѣсъ пахать въ суземкѣ просто безъ дѣлу, гдѣ не молодь, кто сколько можетъ: тотъ лѣсъ вопчи царевъ и великаго князя“[188]).

Изъ послѣднихъ словъ мы видимъ, что по отношенію къ черному лѣсу рядомъ съ признаніемъ начала перваго захвата признается и коллективное начало. Понятіе „вопчи“, въ которое выливается въ данномъ случаѣ послѣднее, означало полную нераздѣльность имущества. Но затѣмъ въ различныхъ сочетаніяхъ ему придавался нѣсколько различный смыслъ: въ складническихъ сдѣлкахъ мы съ нимъ встрѣчаемся, напр.: „а что пустоши, и лѣса и логи въ двухъ поляхъ пахатныя мѣста и то со складники вопче“. Напротивъ, къ сѣнокосамъ, которые также находились въ общемъ владѣніи, но въ раздѣльномъ пользованіи не примѣнялось это слово: „и въ той пожнѣ ему Ѳедору половина и владѣть ему со складники по поламъ и косить перемѣняясь по годамъ“. Къ складническимъ пустошамъ примѣняется понятіе „вопчи“, пока они не раздѣлены; даже безъ раздѣла ими можетъ пользоваться каждый только въ размѣрахъ своей доли. И судебникъ рекомендуетъ прежде пользованія примѣрять къ нимъ раздѣлъ; такъ что по его словамъ и самое понятіе „вопчи“ неприложимо къ этимъ лѣсамъ-молодямъ. Эта обязанность пользоваться только по долямъ, выражавшимся или даже не выражавшимся въ раздѣлѣ не позволяетъ отожествлять понятіе „вопчи“, прилагаемое къ деревенскимъ пустошамъ, лѣсамъ и логамъ, съ понятіемъ „вопчи“, прилагаемому къ черному лѣсу; такъ какъ здѣсь „вопчи“ означаетъ нетолько нераздѣльность,

---

[188]) 175 ст.

но и отсутствіе всякаго регулированія: каждый можетъ расчищать „просто безъ дѣлу... кто сколько можетъ“, т. е. здѣсь не причемъ даже долевое пользованіе. Это не могло не служить разложенію деревенскаго складства, такъ какъ какой нибудь болѣе или менѣе энергичный хозяинъ всегда могъ дѣлать свои самостоятельныя причисти и припаши и обращать ихъ уже въ свое отдѣльное, обособленное владѣніе.

Другой вопросъ: отсутствіе прямого регулированія займокъ въ черномъ лѣсу говоритъ ли за отсутствіе всякаго раздѣленія захватовъ, займокъ этого лѣса, иными словами: не имѣли ли союзы какого нибудь болѣе или менѣе опредѣленнаго территоріальнаго раіона захватовъ, и если имѣли, то какіе именно союзы. Намъ кажется, проэктъ 1589 г. не разрѣшаетъ этого вопроса. Казалось бы, если мы имѣемъ дѣло съ страною малонаселенною, съ страною, въ которой приходится вести борьбу съ лѣсомъ, намъ не надо задаваться этимъ вопросомъ. Это конечно, справедливо, если мы примемъ въ расчетъ отношеніе между всею площадью земли и количествомъ жившаго на ней населенія. Но мы выше видѣли, что населеніе занимаетъ узкія полосы по рѣкамъ и группируется такъ, что поселки не разбросаны тамъ и сямъ на необозримомъ пространствѣ, а тяготѣютъ другъ къ другу. Слѣдовательно, весь вопросъ сводится не къ отношенію общаго размѣра площади земли къ общему количеству населенія, а къ отношенію между запасомъ ближайшаго къ поселкамъ лѣса и спросомъ на него со стороны мѣстнаго населенія. Запасъ сосѣднихъ, близкихъ лѣсовъ тѣмъ болѣе необходимъ, что кромѣ необходимаго для всѣхъ въѣзда въ лѣса по дрова, за строевымъ лѣсомъ, за ягодами и грибами, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ населеніе въ XVII в. не

уходило въ суземъ для образованія своихъ починковъ (Кевроль). Понятно, что и при громадномъ обиліи дѣвственныхъ лѣсовъ и при малочисленности населенія, могъ возникать вопросъ о столкновеніяхъ между занимщиками и пользователями лѣсныхъ богатствъ. Косвенное подтвержденіе этому находится въ томъ, что писцовыя книги нерѣдко приписываютъ черный лѣсъ къ волостямъ. Эта приписка была бы неумѣстна, если бы не вызывалась практическими отношеніями. Но мы имѣемъ и прямыя подтвержденія нашаго предположенія. Нельзя не признать, что однимъ изъ факторовъ, усиливавшихъ стремленіе опредѣлить раіонъ своихъ захватовъ и пользованія, было сосѣдство сильныхъ людей. Этимъ, повидимому, въ значительной степени вызванъ договоръ, заключенный старожилами и крестьянами Пачеозерскаго стана Сольвычегодскаго уѣзда съ Строгановымъ. Обѣ стороны опредѣлили и отмежевали то пространство черныхъ лѣсовъ, боровъ и болотъ, какимъ должна пользоваться каждая: „и по договору въ тѣ вышеописанные въ черные лѣса, и въ боры и въ болота Почеозерскаго стана крестьянамъ ѣздить и владѣть по той излюбной крестьянамъ безпечно, а имъ именитаго человѣка Строганова людямъ въ тѣ черные лѣса, и въ боры и болота не вступаться и великимъ государямъ о томъ не бить челомъ". Точно такое же договорное запрещеніе наложено на крестьянъ, по отношенію къ борамъ, болотамъ и черным лѣсамъ, отведеннымъ людямъ Строганова. Волостными крестьянами сдѣлана одна уступка въ пользу половниковъ деревни Монихи, расположенной на межѣ крестьянскихъ и строгоновскихъ земель: имъ разрѣшено ѣздить въ волостные лѣса „по хоромный и по дровяной

лѣсъ“[189]). Какъ видно изъ этого акта, какъ увидимъ и ниже, мірская защита земли проявляется въ чисто-юридическихъ актахъ, которые прямо говорятъ за то, что извѣстные всѣмъ случаи насильственныхъ воздѣйствій крестьянъ надъ лицами, селившимися на ихъ земляхъ противъ ихъ воли, не спорадическія явленія, а правомѣрные акты мірской расправы, фактически вытекающіе изъ сознанія крестьянъ о возможной истощимости находящагося у нихъ подъ руками земельнаго фонда. Иное дѣло, эта самозащита должна проявляться тѣмъ рельефнѣе, чѣмъ меньше остается свободной земли.

Интересно далѣе, установить составъ того союза, въ отправленія котораго входитъ охрана пустыхъ земель. Въ данномъ случаѣ это люди одного чина — свободные крестьяне цѣлой волости.

Въ другомъ случаѣ въ этой же роли выступаетъ пять деревень одной волости. За волостную межу „перелѣзли“ сосѣдніе крестьяне и расчистили тамъ подсѣку. Но это вызываетъ активный протестъ не цѣлой волости, а сосѣднихъ пяти деревень; слѣдовательно, поселковъ наиболѣе заинтересованныхъ въ сохраненіи лежащаго въ раіонѣ ихъ пользованія земельнаго фонда[190]).

---

[189]) Сольвычегодскія п. к. № 501: 572—574.

[190]) Архивъ Архангельскаго епархіальнаго древнехранилища: документы Крестнаго монастыря, III вязка, 297. 8 крестьянъ Боровской волости вырубили подсѣку въ Чекуевской волости, Чекуевцы подали жалобу въ монастырь; послѣдній рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу и боровскимъ крестьянамъ отъ подсѣки отказалъ. Тогда чекуевцы и боровчане заключили мировую, которою урегулировали взаимныя отношенія по спорной подсѣкѣ: „положа межъ собою на совѣтѣ полюбовно помирились“. На первый годъ подсѣка раздѣлена на 3 доли: 1 отдана чекуевцамъ и 2 боровскимъ крестьянамъ. По раздѣлъ имѣлъ

Такимъ образомъ мы видимъ въ роли охранителей соединеніе непосредственно заинтересованныхъ землевладѣльцевъ, а не всѣхъ, какія живутъ въ предѣлахъ даннаго тяглаго союза—волости или стана. Это могутъ быть сосѣди, но не необходимо всѣ, чьи земли связаны традиціями общаго происхожденія; изъ примѣра сольвычегодскаго договора мы даже можемъ видѣть, что кругъ ихъ можетъ съуживаться или расширяться въ зависимости отъ совершенно случайныхъ причинъ. Отсюда еще одно заключеніе, вполнѣ согласующееся съ нашими первыми посылками: какъ около культурныхъ земель, такъ и около пустыхъ соединяются группы, которыхъ связываетъ единство имущественнаго интереса—владѣніе или пользованіе этими землями. Кругъ этихъ лицъ опредѣляется ничѣмъ инымъ, какъ фактическою потребностью въ данномъ угодьѣ. Нечего, слѣдовательно, спрашивать, можетъ ли быть рѣчь о какихъ-нибудь заранѣе предуставленныхъ союзахъ. Въ этомъ случаѣ это или тѣ же волостки и деревни, которыя изстари пользовались этими угодьями, или совершенно случайные союзы. Наконецъ,

---

только формальное значеніе для опредѣленія долей труда, урожая, сѣмянъ и орудій: 1 долю ржи вносятъ боровскіе крестьяне, 2—чекуевцы; трудъ и орудія общія въ такихъ же доляхъ: „людей къ сѣву съ нихъ Чекуевской волости крестьянъ 3 человѣка, и досталь людей къ тому сѣву класть боровскихъ крестьянъ“; лошади доставляются тѣми и другими; „жать вмѣстѣ, заодно, и въ скирды класть и вымолотить вмѣстѣ“. Раздѣлу подлежитъ по указаннымъ долямъ урожай: „а дѣлить такожде по третямъ по вымолотѣ и солома такожде по третямъ“. Со слѣдующаго года подсѣка переходитъ къ чекуевцамъ. Значитъ волостные крестьяне позволили возвратить устроившимъ подсѣку свои затраты на ея устройство; но оставили ее въ своемъ владѣніи.

еще одинъ примѣръ: въ рѣкѣ Мезени вмѣстѣ съ мезенцами ловили рыбу и пинежане; но какъ замѣчаетъ писецъ: „пинежане въ тѣхъ мѣстахъ на Мезени, опричь рыбныя ловли, починковъ и деревень своихъ не ставятъ“[191]). Разематривая эти слова, какъ разсказъ, о томъ, что не повелось, что не имѣло прецедентовъ, что, слѣдовательно, отрицательно доказываетъ существованіе обычая, по которому берега рѣки Мезени могли быть осваиваемы только мезенцами, мы однако можемъ въ послѣднихъ видѣть лишь только жителей ближайшихъ волостей и деревень, а не всего мезенскаго уѣзда; такъ что здѣсь не междууѣздное разграниченіе, а устраненіе только непосредственно заинтересованными людьми всѣхъ посторонихъ.

Въ приведенномъ нами договорѣ между прочимъ крестьяне обязываютъ Строганова не бить челомъ государю о земляхъ, отведенныхъ въ пользованіе мірскихъ людей— мотивъ очень часто повторяющійся въ крестьянскихъ актахъ XVII в. Умѣстность его вполнѣ оправдывается стремленіями не только такихъ сильныхъ людей, какъ Строгановы и духовенство, но и зажиточныхъ членовъ крестьянскаго міра освоить въ свое исключительное пользованіе болѣе или менѣе доходныя земли, исключивши ихъ такимъ образомъ изъ пользованія всѣхъ мірскихъ людей. Московская власть сознательно или безсознательно, но очень нерѣдко шла навстрѣчу этимъ стремленіямъ, выдавая грамоты на такія заимки[192]). Имѣя только очень ограниченную возможность воздѣйствовать на Москву пу-

---

[191]) Кеврольскія п. к. № 185, 399.

[192]) Напр. М. А. М. Ю. Книги Холмогорскаго уѣзда № 14385, 46, 52.

темъ челобитныхъ и посуловъ, міры избирали болѣе доступный путь защиты интересовъ своихъ членовъ, обязывая своихъ контрагентовъ и своихъ членовъ не ходатайствовать передъ властью объ уступкѣ имъ нужной для міра земли—это во-первыхъ, во-вторыхъ, также договорно обязывая всѣхъ своихъ членовъ стоять всѣмъ за одинъ противъ каждаго, кто сдѣлаетъ попытку или добьется разрѣшенія на такую заимку[193]). Роль міра, какъ охранителя крестьянскихъ интересовъ, пришла въ столкновеніе съ взглядомъ правительства, усвоеннымъ и населеніемъ, на пустыя земли, какъ на собственность казны, способную ей приносить доходъ. Завѣдываніе ими главнымъ образомъ принадлежало приказнымъ органамъ. Конечно, нарушеніе мірскихъ интересовъ сдѣлалось заурядnымъ: отдѣльные владѣльцы получали грамоты на владѣніе лѣсами и рѣками, грамоты, исключающія всякое вступленіе волостныхъ людей: „*инымъ вологжанамъ* (т. е. кромѣ того кому дана грамота) лѣсу не сѣчи, ни рыбы ловити“[194]). Иногда при такихъ отдачахъ на оброкъ, соблюдался до нѣкоторой степени и мірской интересъ: „черный лѣсъ отданъ на оброкъ подъ новины и на расчистку подъ сѣнные покосы крестьянину Левкѣ Микитину..., а окольныхъ деревень Алексѣевскаго стану крестьянамъ (16 деревень) тѣмъ лѣсомъ ничѣмъ не запирать и въ тотъ черный лѣсъ велѣть имъ по дровяной и по хоромный всякій лѣсъ въѣзжать безпенно и безоброчно“[195]).

Міръ не былъ устраненъ отъ завѣдыванія пустыми землями, но всѣ акты непосредственно связанные съ ка-

[193]) Рус. Ист. Библ. XIV т., 407.

[194]) См. прим. 192.

[195]) Сольвычегодскія п. к. № 451, 754.

земскимъ интересомъ: разрѣшеніе частнымъ лицамъ устраивать починки, брать на оброкъ пустыя угодья осуществляются уже не заинтересованными непосредственно союзами, не тѣми группами деревень, въ раіонѣ которыхъ дѣлается заимка, а всею тяглою волостью[196]). Въ этомъ направленіи казенный интересъ слилъ отдѣльные союзы. Прежде принадлежавшее каждому изъ нихъ отдѣльно право разрѣшенія теперь отнято отъ нихъ и перешло къ искусственно объединившему ихъ тяглому союзу. Послѣдній, такимъ образомъ, блюдя казенный интересъ, попутно могъ охранять интересы и своихъ членовъ-союзовъ. Тяглая волость давала разрѣшеніе отдѣльнымъ крестьянамъ дѣлать заимки. Крестьяне, получившіе право не становились однако ни въ какія имущественныя отношенія къ давшей имъ разрѣшеніе волости. Въ случаѣ, если бы послѣдняя захотѣла возвратить въ свои руки отданную землю, она должна была купить ее; это справедливо даже по отношенію къ сѣнокосамъ, т. е. землямъ, не требовавшимъ никакихъ затратъ со стороны освоителя[197]). Разумѣется, такія отношенія имѣли мѣсто, только въ тѣхъ случахъ, когда земля была отдана въ тягло; при отдачѣ же на оброкъ, создававшей только срочное арендное держаніе, міръ могъ по исте-

---

[196]) Устюжскія п. к. № 506, 209, 258, 259.

[197]) Архивъ Архангельскаго епархіальнаго древнехранилища: данная 1493 года выдана княземъ Давыдомъ Ивановичемъ, „поговоря съ старостою съ Михаломъ Гойтуровымъ съ волостными добрыми людьми со всѣми“ на поженку крестьянину. На оборотѣ ея помѣчено, что сынъ этого крестьянина продалъ эту же поженку тѣмъ же волостнымъ крестьянамъ. Подобный актъ: Моск. Архивъ М. Ю. Холмогорскія крѣпостныя книги Троицкаго монастыря № 14385: № 163—1617 г.

ченіи срока взять землю въ свои руки. Точно также сложные совладѣльческіе союзы получали земли чрезъ руки тяглой волости, и точно также, какъ у отдѣльныхъ крестьянъ, у нихъ не устанавливалось, благодаря этому, никакихъ имущественныхъ связей съ этою волостью. Причина, разумѣется, лежала въ томъ, что тяглый союзъ во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствовалъ въ качествѣ простого казеннаго органа, напр: 6 Вѣгорскихъ деревень (Чакольской волости) получили въ постоянное владѣніе новыя присадки: „и тѣми присадками они владѣютъ по грамотамъ великихъ Государей и по обыску Чакольской волости крестьянъ; и даны имъ тѣ присадки на оброкъ и въ сошное письмо въ проки, а не на урочные годы, и впредь имъ быть за ними же потомужъ“[198]).

Лѣсные промыслы въ Кеврольскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ до нѣкоторой степени подвергались мірской регламентаціи. Впрочемъ, здѣсь надо отличать птичій промыселъ, производимый слопцами и силками, и звѣриный.

„Путики“, или „путичные тропы“, на которыхъ устанавливались силки и слопцы, въ большинствѣ случаевъ находились во владѣніи цѣлой деревни. Рядомъ съ этимъ было немало дворовъ и группъ ихъ, владѣвшихъ обособленно, „особно“ этими угодьями. Въ Кевролѣ и Чаколѣ въ 63 деревняхъ они находятся въ общемъ владѣніи цѣлой деревни[199]), и распредѣляются между дворами соотвѣтственно величинамъ жеребьевъ, такъ можно заключить изъ слѣдующаго мѣста писцовыхъ кеврольскихъ книгъ: дер. Земцово 2 двора и 1 пашня подъячаго Богдана Петрова; каждая пашня равна $1^3/_4$

[198]) Кеврольскія п. к. № 185, 178.

[199]) Кеврольскія писц. кн. № 186: 118, 125, 130, 131, 238, 240 и т. д.

чети ($2^{3}/_{8}$ десятинъ); у деревни животинный выгонъ 1 десятина, и противъ дворовъ 100 слопцовъ, „а въ томъ во всемъ подъячему Богдану Петрову третъ“. Въ 33 деревняхъ путики находятся въ дворовомъ владѣніи; изъ нихъ въ нѣкоторыхъ рядомъ съ собственными есть общія; а гораздо чаще ихъ имѣютъ только нѣкоторые дворы: одинъ изъ всѣхъ, половина, большинство или почти всѣ, за исключеніемъ одного[200]). Попадаются нерѣдко деревни, гдѣ путики находятся въ совладѣніи нѣсколькихъ, но не всѣхъ деревенскихъ жильцовъ (напр. изъ 5 дворовъ у трехъ, изъ 3-хъ—у 2, изъ 7—у 2,5 и т. п.), или въ совладѣніи отдѣльныхъ крестьянъ нѣсколькихъ деревень—владѣльцевъ дворовыхъ и наѣзжихъ пашенъ. Наконецъ, угодья иногда приписываются къ пустой деревнѣ и владѣльцами ихъ являются владѣльцы наѣзжихъ пашенъ[201]). Такое же распредѣленіе путиковъ и слопцовъ между отдѣльными дворами и союзами можно наблюдать и въ другихъ уѣздахъ, напр: въ Холмогорскомъ. Крестьянинъ Шевденицкой волости — Замятенка Ерасимовъ Погоняевъ подаетъ явку на Максима Емельянова сына Шемякина, „да на сына его да на Іовка Иванова“: „въ нынѣшнемъ 1632 году ходятъ тотъ Сивка съ сыномъ да Іовъ воровски по моей путичной тропѣ... и угодье мое путикъ татемъ воровски пустошатъ и птицы

---

[200]) Ibid.: 129, 250, 254: „да у нихъ же путики тетеревинныя ловли особно, а не вмѣстѣ“, 261, 281, 282, 115: „да у нихъ же у всей деревни путики... да у Пашки Малѣева у одного тетеревинная ловля 20 слопцовъ“, 117, 121, 125.

[201]) Ibid. 395: „да у нихъ же путики тетеревинная ловля особно: у Ивана Лукина 5 слопцовъ, да у Ивана Филимонова 8 слопцовъ, да у Савки Васильева съ Лучкою Ларіоновымъ да съ Ѳаддѣйкомъ вмѣстѣ“ 57, 59, 113.

тетерева, и рябп, и зайцы имаютъ, и слопцы и сплы сѣкутъ“[202]). Въ другомъ случаѣ являютъ уже два складника Тим. Ждановъ да Лоонька Игнатьевъ на своего же складника Петра Никитина съ дѣтьми и на его подворника, „что они у насъ сильно угодье—путичную тропу отняли“[203]).

Въ томъ и другомъ случаѣ мы видимъ судебную защиту обособленнаго и складническаго владѣнія лѣсными угодьями — явленіе не новое: защита перевѣсьевъ (которыя встрѣчается и въ XVII в. въ Мезени, Кевролѣ, Сольвычегодскѣ) имѣла мѣсто еще въ Русской Правдѣ.

Звѣриные промыслы производились артелями. Но бывали случаи, что цѣлыя дачи осваивались отдѣльными крестьянами и отдавались имъ на оброкъ. Впрочемъ онѣ иногда изъ рукъ частныхъ лицъ переходили въ руки міровъ, напр.: рыбныя ловли, горные звѣриные промыслы морской берегъ „Окладниковы и Кузнецовы слободы за всѣми крестьяны, что было за Д. Р. съ товарищи“[204]).

Рѣки, протекающія по цѣлымъ волостямъ, находились въ оброчномъ владѣніи этихъ волостей. Напротивъ, небольшія рѣчки и озера считались деревенскими и дворовыми угодьями. Но, повидимому, разъ такое угодье оказывалось доходнымъ, и въ силу этого необходимымъ для всѣхъ волостныхъ крестьянъ, оно переходило изъ рукъ отдѣльныхъ владѣльцевъ въ руки волости, напр: рѣчка Юрасъ въ началѣ XVII в. была за крестьяниномъ П. Михайловымъ, затѣмъ за Богданомъ Петровымъ, а въ

---

[202]) Рус. Ист. Библ. XIV т.: 701—1632.

[203]) Ibidem: 749—1648.

[204]) Кевролъскія писц. кн. № 185: 405, 412, 416.

1686 г. она уже на оброкѣ „Кеврольскаго стану всѣхъ крестьянъ“[205]).

Наконецъ, къ отхожимъ угодьямъ — въ Кеврольѣ къ рѣкамъ, въ Холмогорскомъ уѣздѣ къ морскимъ пожнямъ—примѣнялось совмѣстное владѣніе нѣсколькихъ волостей[206]).

Условія пользованія рыбными угодьями тѣ же, что и другими имуществами: каждый пользуется рѣкою въ размѣрахъ своего собственнаго горнаго участка, причемъ какъ и сѣнокосы, тони нерѣдко находятся въ перемѣнномъ срочномъ пользованіи: „и по той деревнѣ рыбныя ловли...“; „а та полъ-тони переходитъ по годамъ съ борисоглѣбскими крестьяны“[207]).

Сложные союзы—міры не поглощали складническихъ и сябренныхъ товариществъ, во-первыхъ потому, что при раздѣлахъ и передѣлахъ общее имущество дѣлилось не непосредственно между отдѣльными крестьянами, а прежде всего между простыми или сложными группами, входившими въ совладѣльческій союзъ: Яковлькурскій союзъ раздѣлилъ пашенныя земли и лѣсъ на островѣ пополамъ между двумя сябренными союзами, изъ которыхъ онъ сложился; въ одинъ изъ послѣднихъ входили: представитель Корельскаго монастыря старецъ Силуанъ со своими сябрами, въ другой—старецъ Архангельскаго монастыря и крестьяне: Яковъ Матфеевъ съ Матигоръ и Василій Мироновъ со своими сябрами[208]). 6 Труфаногорскихъ деревень дѣлятъ общій лугъ между 3-мя третями — складствами, въ каждомъ по 5 дворовъ изъ раз-

---

[205]) Ibidem № 185: 76, ср. № 186: 199, см. прим. 80.
[206]) См. прим. 214—215. Р. И. Б. XIV т. 122.
[207]) Р. И. Б. XIV т. 78, 37.
[208]) Рус. Ист. Библ. XIV т. 66.

ныхъ деревень[209]). Низовые двинскіе крестьяне дѣлятъ морскія пожни на 6 жеребьевъ въ каждомъ по нѣсколько деревень[210]). Во-вторыхъ, простыя складства оставались самостоятельными владѣльцами по отношенію къ однимъ имуществамъ и входили въ сложные союзы по отношенію къ другимъ; бывало нерѣдко такъ, что по отношенію къ третьимъ создавался еще болѣе сложный союзъ и т. д.

Приведу нѣсколько примѣровъ: въ Кеврольскомъ уѣздѣ, въ станѣ того же имени въ Ваймушской волосткѣ деревня Спвегорская съ 6 дворами; у каждаго изъ дворовъ своя особая пашня (размѣры такіе: a—1,7 десятины, b—$2^3/_8$ десят., c—3 десят., d—$4^5/_{16}$ десят.,— у послѣдняго двора отдѣльное лѣсное угодье—путикъ 20 слопцовъ, e—5 десятинъ, f—6 десятинъ, 3 наѣзжихъ пашни крестьянъ смежныхъ деревень: a и b по 1 дес., c—$1^1/_8$ десят.); сѣнокоса у всей деревни 11 десятинъ= 275 копенъ, и „у всѣхъ путикъ тетеревиная ловля — 20 слопцовъ“. Такимъ образомъ пашня находится въ обособленномъ владѣніи дворовъ; по лѣснымъ угодьямъ деревня образуетъ складническій союзъ. Въ другой деревнѣ той же волостки—Плоскинской по этимъ же угодьямъ въ складническій союзъ входитъ изъ 5 дворовъ 3, остальные имѣютъ свои обособленныя угодья.

Всѣ шесть Ваймушскихъ деревень сообща владѣютъ („у ваймушскихъ же крестьянъ у всѣхъ“) „по заполью за Ваймушею и по Вардѣ рѣчкѣ по новымъ росписямъ“ пашнею пахатною худой земли $2^7/_8$ чети въ полѣ, „а

---

[209]) Кевр. и. к. № 185: 282—285, дѣла Пинежскаго у. суда № 33 „поскотины дѣльная“ 1624.

[210]) Р. И. Б. XIV т.: 122.

въ дву потому жъ“ ($4^{5}/_{16}$ десятины). Въ владѣніи волостки находится, наконецъ, лугъ, съ расположенными на немъ пашнею и $41^{1}/_{2}$ десятинами сѣнокоса[211]). Ваймушская волостка вмѣстѣ съ другими 13-ю волостками входитъ въ Кеврольскій станъ; послѣдній держитъ на оброкѣ: часть рѣки Пипеги, рѣки: Юлу, 2 Шардонемы, Немнюшку, которыя за нимъ были и въ 1623 году, въ 1686 г. къ нимъ прибавилась рѣка Юрасъ, которая въ 1623 г. была за П. Михайловымъ, затѣмъ Б. Петровымъ, т. е. за отдѣльными крестьянами, а теперь „на оброкѣ Кеврольскаго стану всѣхъ крестьянъ“[212]). За р. Пипегу кеврольцы платятъ оброкъ вмѣстѣ съ Марьегорцами; про послѣднихъ писецъ говоритъ: „а оброкъ имъ платитъ Кеврольскаго стану со крестьяны вмѣстѣ по расчету[213]); развертка оброка, какъ мы видѣли, не можетъ не оказать вліянія и на имущественныя отношенія по оплачиваемому угодью. Наконецъ, тѣже кеврольцы вмѣстѣ съ чакольцами, марьегорцами и Перемской волости крестьянами ловятъ рыбу въ рѣкѣ Мезени „снизу отъ Ныней острова вверхъ до Нижемы рѣки“ и сообща уплачиваютъ оброкъ 10 рублей[214]). Такимъ образомъ жильцы разсматриваемой нами деревни Сивьегорской обособленно владѣютъ горными пашнями, вступая въ складническій деревенскій союзъ, сообща владѣютъ многими угодьями — путиками и слонцами; далѣе: совмѣстно съ жильцами остальныхъ пяти деревень волостки владѣютъ лугомъ и новою росчистью—полевою землею; во владѣніи всѣхъ волостокъ, сгруппировавшихся въ Кеврольскій

---

211) Кеврольскія п. к. № 186: 112.
212) Ibid. 195, 197, 200.
213) Ibid. 230.
214) Ibid. № 185: 399.

станъ, находятся рѣки и рѣчки, протекающія по этому стану. Наконецъ, отхожее угодье—часть рѣки Мезени въ указанныхъ писцомъ границахъ (надо сказать, что граница, въ которыхъ промышляетъ каждая волость, указывается писцомъ всегда довольно точно) находятся во владѣніи союза волостей. Я назвалъ эту рѣку отхожимъ угодьемъ потому, что пинежане—жители указанныхъ волостей — не имѣютъ и не ставятъ на берегахъ ея своихъ деревень, значитъ приходятъ сюда промышлять на время: „а пинежане въ тѣхъ мѣстахъ на Мезени, опричь рыбные ловли, починковъ и деревень своихъ не ставятъ“[215]). Такую группировку союзовъ — простыхъ, сложныхъ и федерацій сложныхъ союзовъ—въ Кевральскомъ уѣздѣ можно было встрѣтить повсемѣстно. Конечно, встрѣчались нѣкоторыя отклоненія отъ нея; уже въ приведенныхъ нами примѣрахъ (дер. Плоскинской) складство по лѣснымъ угодьямъ не совпадаетъ съ деревнею, а нѣкоторые дворы по отношенію къ нимъ не входятъ ни въ какой союзъ[216]); тѣмъ не менѣе основная схема остается вездѣ одинаковой. Что касается до земельныхъ и рѣчныхъ угодій, то узелъ имущественныхъ отношеній по первымъ заключается во дворѣ, какъ собственникѣ горной полевой земли и волостьѣ, какъ собственницѣ луговыхъ земель и иногда росчистей,—по вторымъ—въ волости. Нѣкоторые примѣры своеобразныхъ группировокъ, мы увидимъ ниже.

Присматриваясь къ этимъ союзамъ, мы можемъ замѣтить нѣкоторую правильность, выдерживаемую если не

---

215) Ibid.

216) Это общее правило для Марьегорской волости; группировка ея поземельныхъ союзовъ мы увидимъ ниже.

Ibid. № 186, 213—219.

въ подробностяхъ, то въ крупныхъ чертахъ. Всѣ земли и угодья представляютъ нѣсколько полосъ хозяйственнаго и юридическаго пользованія; чѣмъ дальше каждая полоса отъ двора, тѣмъ крупнѣе союзъ, считавшійся ея владѣльцамъ или собственникомъ, такъ: поля и огороды находятся въ собственности дворовъ; пасконныя земли, путики съ слопцами и силками—въ собственности деревень; луга и сѣнокосы, лежавшія за межами группъ деревень, волостокъ и волостей, въ собственности этихъ союзовъ; рѣки, протекавшія по цѣлымъ волостямъ, находились во владѣніи этихъ волостей. Наконецъ, отхожія угодья были во владѣніи союзовъ волостей.

Изъ приведенныхъ примѣровъ легко замѣтить, что всѣ указанные союзы представляютъ рядъ концентрическихъ круговъ; въ центрѣ стоитъ дворъ, группа дворовъ образуетъ деревню; послѣднія, соединяясь, составляютъ волостку; изъ нѣсколькихъ волостокъ состоитъ волость или станъ; наконецъ, всѣхъ ихъ объединяетъ союзъ волостей. Я не хочу настаивать на повсемѣстности этой схемы. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ можетъ и не доставать какихъ-нибудь звѣньевъ этой схемы. Иногда волостку замѣняетъ большое поселеніе, напр.: дворы одного изъ такихъ поселеній Устюжскаго уѣзда городка Брусенка и слободки того же имени находятся въ слѣдующихъ имущественныхъ отношеніяхъ между собою и съ сосѣднею волостью: 1) у каждаго двора свои пашня, сѣнокосъ, иногда перелогъ; одна пара дворовъ владѣетъ всѣмъ этимъ сообща; 2) лѣсъ пашенный 45 десятинъ и не пашенный 90 дес. приписаны ко всѣмъ дворамъ, „что въ городкѣ и на посадѣ“: 3) черный лѣсъ для пользованія на хоромное строеніе, топливо и пр. — въ общемъ владѣніи съ крестьянами Брусенской волости: „а тотъ черный

лѣсъ Устюжскаго уѣзда сѣчи городка Брусенска и Брусенской волости крестьянамъ вопче заодно“[217]); писецъ указываетъ и мѣсто, гдѣ находится этотъ черный лѣсъ.

VII.

Отношеніе крестьянина къ мірскому владѣнію.

Поземельные союзы, будучи субъектами владѣнія, не имѣютъ никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобы предоставить двору, отдѣльному хозяйству пользованіе своими имуществами при соблюденіи имъ извѣстныхъ условій, ограничивающихъ это пользованіе. Такимъ образомъ союзное, мірское имущество существуетъ всецѣло для удовлетворенія потребностей отдѣльныхъ дворовъ. Этимъ оно отличается отъ общественныхъ имуществъ, предназначенныхъ служить публичнымъ цѣлямъ, каковыми, напр., были имущества прихода, назначенныя „на церковное строеніе“.

Отношенія по мірскимъ землямъ и угодьямъ можно представить въ такомъ видѣ: 1) установленіе нормъ и условій пользованія и охрана ихъ входятъ въ компетенцію союзовъ и 2) право распоряженія и пользованія долями этимъ имуществъ принадлежатъ отдѣльнымъ дворамъ, владѣльцамъ этихъ долей.

Самое поверхностное знакомство съ крестьянскими сдѣлками можетъ легко убѣдить въ томъ, что доли въ принадлежностяхъ пашни и права пользованія мірскими угодьями отчуждались и пріобрѣтались вмѣстѣ съ самой

---

[217]) Устюжскія п. к. № 506: 297—299.

горной пашней; примѣровъ этому можно привести очень много; остановимся на наиболѣе выразительныхъ: Василій Игнатьевъ Поздѣевъ отступился Василію Иванову сыну веревкой полевой земли въ различныхъ мѣстахъ „да по тое земли и въ поскотинѣ участокъ, и въ лугу, и въ рыбныхъ ловищахъ, и въ лѣсахъ, что къ той земли изстари потягло“ (Архивъ Мин. Юстиціи: Холмогорскія книги № 14385, 78); „Денисъ Епифановъ пинежанинъ Перемскаго стану съ Труфановой горы продалъ въ казну Закакурской пустыни церкви Николая Чудотворца прикащику... вотчину свою деревню... горную землю и луговую, и сѣнные покосы..., съ подворною землею и съ дворовыми хоромами.... продалъ Океовскаго печища по земному тяглу 2 веревки съ осминою да Кондратовскаго печища 4 осмины, да на Почѣ рикѣ осмина..., и что къ той деревнѣ по старымъ купчимъ и по памятямъ и по всякимъ письменнымъ крѣпостямъ (ставлено) потягло и съ прикупными землями..., и что гдѣ вновь причищено къ той деревнѣ, и съ поскотинною землею, и въ острову, и со всякими звѣриными промыслы..., куда ходило изстари плуго и соха, и коса, и топоръ и серпъ“...; далѣе указываются горныя поля и ихъ межи, „а луговая земля въ большомъ лугу и въ острову, что доведется по горной землѣ, по тяглу; а луговой земли межи для того не описаны, что когда бываетъ ревизія мірская [218]), и тѣ пашни доставаются по жеребьямъ въ иныхъ мѣстахъ“. Я нарочно привелъ послѣднія слова купчей, чтобы показать, что слова: „что доведется по горной землѣ“ относятся именно къ долямъ

[218]) Подлинной купчей не сохранилось, мы цитируемъ по позднѣйшей копіи; въ другой аналогичной купчей здѣсь слова: ровень земли (объ этомъ см. ниже).

въ мірскихъ, передѣляемыхъ угодьяхъ (ibid. дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда, купчая 7170 (1599) г.). Въ другой купчей того же Перемскаго стана это же начало указывается въ такихъ словахъ: „а сѣнные покосы и оранные земли въ лугахъ... по горной землѣ“... (ibid., купчая 1669 г.). Наконецъ, еще два не менѣе выразительныхъ примѣра: „и по той деревнѣ рыбные ловли и всякія угодья, что изстари потягло къ той деревнѣ, куды и соха и коса ходитъ, и въ поскотинѣ по той землѣ жеребей, и въ морскихъ пожняхъ участокъ въ оброчныхъ“. Эти морскія пожни находились въ общемъ владѣніи всѣхъ крестьянъ Двинскихъ понизовскихъ волостей и подлежали передѣлу (Рус. Ист. Библіотека XIV т.: XLIX). „Да по тѣмъ деревнямъ въ Малыхъ Талматкахъ полъ-тони, а та полъ-тони переходитъ по годамъ съ Борисоглѣбскими крестьяны... да по тѣмъ же деревнямъ полъ-тони Нжмонема... да и пожни Нжмонемскіе... съ тѣми же крестьяны Нжмонемскія переходятъ по годамъ“ (ibid. XXV).

Эти тексты указываютъ, что отношеніе крестьянина къ мірскимъ имуществамъ было такимъ же, какъ и къ складническимъ; во-первыхъ, каждый мірской человѣкъ принимаетъ участіе въ общихъ имуществахъ, въ размѣрахъ своего собственнаго участка; во-вторыхъ онъ способенъ отчуждать и пріобрѣтать это право участія вмѣстѣ съ отчужденіемъ и пріобрѣтеніемъ собственнаго горнаго участка. Отчужденіе и пріобрѣтеніе можетъ простираться и на всю землю, слѣдовательно, и на все право участія въ мірскихъ имуществахъ, и на какую угодно долю того и другого.

Личный составъ сложныхъ союзовъ, при неограниченной свободѣ сдѣлокъ, подвергался еще болѣе частымъ

и болѣе коренным измѣненіемъ, чѣмъ составъ складничествъ. Будучи первоначально товарищескимъ, т. е. состоя изъ лицъ и союзовъ, связанныхъ между собою договорными отношеніями, сложный союзъ постепенно путемъ отчужденія товарищами своихъ горныхъ участковъ и правъ на доли въ общихъ имуществахъ посторонним превращался въ союзъ сосѣдскій. Въ послѣднемъ, принципомъ отношеній дѣлалось уже не личное начало, не договоръ, а вещное — горный участокъ. Измѣненія, происходившія внутри складническаго союза, преобразовывали и связи сложныхъ союзовъ въ направленіи отъ личныхъ отношеній къ вещнымъ.

VIII.

Мірское регулированіе землепользованія. Формы мірскихъ актовъ. Раздѣлы, передѣлы, ровня; мірскія повинности по луговому хозяйству.

Въ союзахъ, состоявшихъ изъ простыхъ складничествъ, какъ волостка, рѣшеніе о мірскихъ имуществахъ составлялись на сходѣ, въ который входили всѣ дворовладѣльцы [219]). Въ союзахъ болѣе сложныхъ, состоявшихъ изъ цѣлаго ряда волостей, сходъ состоялъ изъ представителей—посыльныхъ отъ этихъ волостей [220]). На сходахъ участвовали и монастырскіе приказные, если въ мірскомъ владѣніи принимали участіе монастырскіе кресть-

---

[219]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда, № 33: Труфаногорвская „паскотины дѣльная“ 1624 г.

[220]) Руск. Ист. Библ. XIV т. 122—123.

ятс, и представители приходскихъ церквей, если послѣднія были участниками мірского владѣнія [221]). Приговоръ со всѣми результатами раздѣла и жеребьевки вносился въ раздѣльныя записи, или памяти, скрѣпляемыя подписью дьячка, писавшаго приговоръ, и иногда послуховъ — свидѣтелей. Записи составлялись въ такомъ количествѣ экземпляровъ, чтобы каждая группа, входившая съ союзъ, получила по одному экземпляру [222]). По формѣ мірскіе приговоры очень похожи на складническіе договоры: для того, чтобы опредѣлить, кто именно состоитъ въ договорѣ и, слѣдовательно, обязывается его исполнить, въ началѣ мірского акта перечисляются всѣ участники схода; причемъ, какъ каждая сдѣлка, нерѣдко и этотъ актъ начинается словами: „се азъ“ (такой-то) [223])...

„Всѣ крестьяне тѣхъ Боровскихъ деревень написали есми промежъ себя полюбовно запись въ томъ, что намъ всѣмъ Боровскія волости крестьянамъ, кои писаны въ сей записи имяно [224])...“ Основаніе обязательности приговора заключается въ томъ, что всѣ участвовали въ его составленіи, что онъ результатъ полюбовнаго согласія: одна дѣльная постановляетъ: „другъ другу никому изъ трети въ треть никоторому не вступаться и не защищать“ и далѣе, какъ бы мотивируя эти слова, продолжаетъ: „тѣ намъ трети всѣ любы и раздѣлили по любвѣ“ [225]). Крестьяне обязываются не по отношенію къ какому-нибудь третьему, постороннему, а по отношенію

---

[221]) См. 219—220.

[222]) Ibid.

[223]) См. прим. 219.

[224]) Архивъ Арх. Епарх. Древн. Документы Крестнаго Опежскаго монастыря: Дѣльная Боровскихъ крестьянъ 1662 г.

[225]) См. прим. 219.

другъ къ другу. Съ внѣшней формальной стороны это выражается въ томъ, что каждая складническая группа получаетъ экземпляръ приговора и съ нимъ такимъ образомъ имѣетъ право иска противъ другихъ группъ — своихъ товарищей, — упомянутыхъ въ записи. Поэтому въ мірскихъ актахъ и указывается на запись, какъ на основаніе обязательства самому исполнять приговоръ и принимать всѣ мѣры противъ его нарушителей: „намъ на того сильнаго человѣка стоять по сей записи“ [226]). Въ XVIII в. приговоры, наряду со всѣми другими гражданскими сдѣлками, записываются въ крѣпостныя книги [227]). Впрочемъ въ нихъ записываются не только приговоры о мірскихъ имуществахъ, но и приговоры о выборахъ должностныхъ лицъ.—Эта договорная форма мірскихъ приговоровъ характерно оттѣняетъ качество міра, какъ органа товарищества.

Въ чемъ же заключается содержаніе мірскихъ актовъ, касающихся общихъ земель? Многое изъ этого содержанія мы уже почерпали при обозрѣніи видовъ союзовъ. Сейчасъ остановимся на той ихъ части, которая опредѣляетъ самую форму владѣнія и пользованія—на раздѣлахъ и передѣлахъ.

Указанные нами экономическіе факты приводили къ необходимости опредѣлять взаимныя отношенія по пользованію угодьями. Въ самыхъ крупныхъ чертахъ эти опредѣленія сводились къ созданію двухъ формъ отношеній по интересующему всѣхъ угодью: или къ установленію обособленнаго владѣнія—окончательному раздѣлу, при чемъ создавались нормы, до нѣкоторой степени ограни-

---

[226]) См. прим. 220.

[227]) М. А. М. Ю. Мезенскія крѣпостныя книги № 44, 98 с.

чивающія пользованія и владѣнія отдѣльныхъ союзовъ; или къ установленію общаго владѣнія и только обособленнаго пользованія. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ общее имущество, подвергаемое періодическимъ передѣламъ.

Повидимому, примѣръ перваго рода опредѣленій мы имѣемъ въ веревной и раздѣльной записи двухъ сябренныхъ союзовъ: въ составѣ одного входилъ старецъ Корельскаго монастыря Силуянъ со своими сябрами, въ составъ другого—старецъ Архангельскаго монастыря съ крестьянами Яковомъ Матвѣевымъ съ Матигоръ, Василіемъ Ларіоновымъ „съ сябрами и никольскими крестьянами“.

По этой записи они измѣрили, распредѣлили по качествамъ и „раздѣлили промежъ себя (въ островѣ земли противъ Яковлькурьи) пашенныя земли пополамъ“. Раздѣломъ были опредѣлены жеребьи каждаго союза въ пашенной землѣ: весь островъ раздѣленъ на 6 жеребьевъ; въ 5 жеребьевъ входитъ пашенная земля, въ одинъ — лѣсъ. Въ каждомъ изъ жеребьевъ досталась доля каждому изъ товариществъ (т. е. каждый раздѣленъ на 2 части). Только одинъ шестой лѣсной жеребій цѣликомъ отданъ Корельскому монастырю: „а та земля чисти себѣ, а своими сабры и разнятися“. Размѣръ каждой половины— 9 веревокъ. Если раздѣлъ и былъ окончательнымъ, сложный союзъ (изъ 2-хъ сябренныхъ) не распался тотчасъ послѣ размежеванія земли. Явились общіе интересы, которые были поручены общей охранѣ обоихъ союзовъ: во-первыхъ, нераздѣльнымъ остался лѣсъ: „а что у насъ останется лѣсу за тремя веревками (отведенными Корельскому монастырю) послѣ дѣлу, и тотъ у насъ лѣсъ вмѣстѣ пополамъ“; во-вторыхъ, общими средствами охра-

няются островныя пашни отъ наводненій и ледохода; для этой цѣли былъ оставленъ лѣсъ „съ головы острова и по сторонамъ отъ Двины; и того намъ лѣсу не чистити, и дровъ не сѣчи и лыкъ не драти; а тотъ у насъ лѣсъ затулою отъ леду и воды. А кто будетъ сильной человѣкъ станетъ туто дрова сѣчи или лыка драти, и намъ на того стоати всѣмъ за одно" [228]).

Установленіе второго рода отношеній: общаго владѣнія и раздѣльнаго пользованія мы находимъ въ дѣльной Труфаногорскихъ крестьянъ 1624 г. [229]). По этому акту крестьяне [230]) раздѣлили лугъ, взятый ими на оброкъ въ 1623 г., и установили періодичность передѣла его въ такихъ словахъ: „будетъ въ Пермскомъ во всемъ стану пойдетъ мірская веревка, и на которую деревню наложатъ потугу, и въ поскотинномъ лугу прибавить, съ межъ подвигаться во всѣхъ удѣлахъ, а въ которой деревнѣ потугу убавятъ, ино съ поскотины убавить". Срокомъ передѣла такимъ образомъ назначено вервленіе, т. е. тотъ моментъ, когда волостные крестьяне въ видахъ равномѣрнаго распредѣленія податей измѣряли — вервили — земли отдѣльныхъ владѣльцовъ. Въ данномъ случаѣ вервленіе и передѣлъ совпадаютъ только по времени, но производятся различными органами и охватываютъ различные союзы, именно: первое производится по всей Перемской волости волостными органами, второй касается интересовъ, только части этой волости—населенія шести труфаногорскихъ деревень—и производится

---

228) Рус. Ист. Библіотека: XIV т. 66—1563 г.

229) См. прим. 219.

230) Труфаногорской волости, которая входила, въ Пермскую волость, или станъ, и состояла изъ 6 деревень съ 15 дворами.

міромъ этихъ деревень. Срокъ, слѣдовательно, поставленъ въ зависимость отъ обстоятельствъ, наступленіе которыхъ не находится въ полной зависимости отъ производящаго передѣлъ союза—труфаногорскихъ деревень или, какъ ее называютъ сами крестьяне, Труфаногорской волости [231]). Мы не знаемъ, насколько часто производилось вервленіе и производилось ли оно черезъ опредѣленные сроки, поэтому каковъ и насколько опредѣленъ былъ срокъ передѣловъ въ данномъ случаѣ, остается для насъ неизвѣстнымъ. Другой актъ, относящійся къ той же волости, указываетъ очень ясно на періодичность передѣловъ всѣхъ луговыхъ земель, но точно также не устанавливаетъ опредѣленнаго срока, связывая наступленія его съ ровнею[232]). Такимъ образомъ крестьяне связываютъ срокъ передѣловъ съ какимъ-нибудь актомъ мірской жизни. Но въ другихъ случаяхъ они устанавливаютъ его точно, напр., низовые двинскіе крестьяне въ 1583 г. установили пятилѣтній срокъ: „а раздѣлили (морскія пожни) на 5 лѣтъ отъ лѣта 7091 до лѣта 7095“ [233]). Въ назначенное время „лѣта 7095 іюля въ 9 день Низовскія луки, Вознесенскаго прихода, крестьяне сидѣли и раздѣлили морскіе пожни оброчные“. Но новый раздѣлъ произведенъ только на одинъ годъ: „а раздѣлили семя тѣ пожни на се лѣто 7095“. Причина назначенія такого короткаго срока указана въ такихъ словахъ: „до указу до книгъ двинскаго писца кн. Вас. Андр. Звенигородскаго съ товарыщи“ [234]), т. е. до того

---

[231]) См. выше.

[232]) См. выше: текстъ въ отдѣлѣ о межахъ луговой земли.

[233]) См. прим. 220.

[234]) Ibid.

времени, когда московскій писецъ измѣритъ земли и обложитъ ихъ оброкомъ. Здѣсь такимъ образомъ какъ и въ первомъ случаѣ, передѣлъ ставится въ связь съ фискальнымъ актомъ. Отчего это происходитъ? Вопросъ разрѣшаетъ приведенный уже выше текстъ труфаногорской дѣльной [235]): передѣлъ имѣетъ въ виду измѣненіе размѣровъ надѣловъ совладѣльцовъ въ зависимости отъ измѣненія размѣровъ платимыхъ каждымъ изъ нихъ налоговъ, потуги; а такъ какъ, прибавимъ мы, подати падаютъ на податный земельный участокъ, то въ концѣ концовъ передѣлы измѣняютъ размѣръ надѣла въ зависимости отъ измѣненія размѣра участка горной полевой земли. Измѣренія земель крестьянами или писцомъ служатъ только поводами къ передѣлу; они показываютъ, какъ велики участки горной земли совладѣльцовъ, насколько они измѣнились сравнительно съ прежнимъ, какъ поэтому велика доля мірскихъ податей, приходящаяся теперь на каждый изъ нихъ, отсюда, наконецъ, какъ долженъ измѣнится надѣлъ его въ мірскомъ лугѣ. Связь размѣровъ этого надѣла съ размѣрами горнаго участка и приходящихся на него податей формулируется памятниками въ такихъ словахъ: „луговая земля въ поскотинѣ, въ большомъ лугу и въ острову, что доведется по горной землѣ, по тяглу“ [236]). Мы уже выше видѣли, что въ тяглѣ фиксировали размѣръ горнаго участка; поэтому первому нельзя придавать значенія передѣльной нормы, совершенно независимой отъ горной земли. Напротивъ, кардинальнымъ, основнымъ началомъ передѣ-

---

[235]) См. предшеств. страница: „будетъ въ Пермскомъ во всемъ стану пойдетъ мірская деревня“ и т. д.

[236]) М. А. М. Ю. Дѣла Пинежскаго уѣзднаго суда, № 33, купчая 1599 (копія).

ловъ служитъ именно эта послѣдняя: тягло же играетъ роль показателя въ данномъ случаѣ правъ, какъ въ другихъ случаяхъ—обязанностей; оно само то по себѣ зависитъ отъ земли; важно отмѣтить тотъ фактъ, что при передѣлахъ принимается въ расчетъ не вся собственная земля, а только горная податная земля. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ въ качествѣ надѣльной нормы указывается она одна безъ связи съ податями: „сѣнные покосы и орамыя земли на лугахъ... гдѣ, что ни есть по горной землѣ“, „велѣли раздѣльныя записи написать въ оброчномъ поскотинномъ лугу противъ горной земли“ [237]).

Къ горной землѣ, способной дать право на надѣлъ въ мірскихъ имуществахъ, предъявляется еще одно требованіе, именно: она должна быть крѣпостной, т. е. титуломъ владѣнія ею должна служить какая нибудь крѣпость: купчая, мѣновая, данная, закладная, воеводская или мірская данная. Труфаногорская дѣльная формулируетъ это требованіе въ такихъ словахъ: „велѣли раздѣльные записи написать въ оброчномъ поскотинномъ лугу противо горной земли по купчимъ, по мѣнимъ и по всякимъ земельнымъ крѣпостямъ“ [238]). Понятно, что земля, на которую крестьянинъ не можетъ представить крѣпости, не можетъ дать и права на долю въ мірскомъ имуществѣ: таже дѣльная не только запрещаетъ искать доли по некрѣпостной землѣ, но и угрожаетъ поставить каждаго нарушителя этого запрещенія внѣ защиты міра: „а въ которой будетъ трети сыщется улишенная земля въ горной землѣ не по купчимъ земляным, и учнетъ

---

[237]) См. прим. 219, 232.
[238]) См. прим. 219.

тотъ имать землю въ поскотинѣ въ коей трети ни будь противо горной земли, и на того намъ крестьянина стояти изъ всѣхъ третей всѣми крестьяны“ [239]).

Такимъ образомъ, если признать началомъ передѣловъ, передѣльною нормою потребность (какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей), то критеріемъ ея будетъ не рабочій, не потребительный составъ двора, не количество работниковъ, не количество ѣдоковъ (какъ думаютъ тѣже изслѣдователи), далѣе: не личныя качества, или занятія человѣка, а одна только степень его поземельной обезпеченности, степень, выраженная въ размѣрахъ его крѣпостного горнаго участка и фиксированная въ размѣрахъ падающихъ на этотъ участокъ податей.

Мы уже знаемъ, что общее имущество сложныхъ союзовъ дѣлится не сразу между отдѣльными дворами, а первоначально между союзами, входящими въ составъ сложнаго. Изъ скольких союзовъ состоитъ совладѣльческая группа, на столько же частей дѣлится и общее имущество, напр., Труфаногорская волость дѣлитъ свой лугъ на три трети по числу входившихъ въ нее складствъ [240]). Количество третей, или вообще — жеребьевъ, не измѣнялось при передѣлахъ, оно сохранялось опредѣленное разъ навсегда. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того, что двинскіе крестьяне дважды дѣлятъ свои пожни на одно и то же количество жеребьевъ, труфаногорская дѣльная—вообще очень подробный сборникъ нормъ мірского владѣнія—ничего не говоритъ объ измѣненіи количества этихъ долей. Да иначе

---

[239]) Ibid.
[240]) Ibid.

и быть не могло, такъ какъ сложный союзъ былъ договорнымъ соединеніемъ опредѣленнаго количества простыхъ: пока, слѣдовательно, не измѣняли его составъ, не могло измѣниться и количество жеребьевъ луга, расчитанное на этотъ составъ.

Жеребій, или „треть", получаемая каждымъ простымъ союзомъ составлялась изъ земель всѣхъ назначеній, почвенныхъ качествъ и положеній. Этимъ уравнивались выгоды пользованія. Для того, чтобы достигнуть этого результата, обыкновенно общее угодье разбивали по его качествамъ, на клинья, или, какъ ихъ называетъ „поскотины дѣльная", на „удѣлы"; каждый складническій союзъ получалъ въ каждомъ удѣлѣ участокъ по жеребью; такъ что доля союза, жеребій, треть и составлялась изъ участковъ разбросанныхъ во всѣхъ удѣлахъ [241]).

Если нельзя было достигнуть того, чтобы каждый союзъ получилъ землю совершенно одинаковыхъ качествъ съ другими, то получившему сравнительно худшую землю давалась наддача, которая должна уравнять выгоды пользованія: качество земли восполнялось количествомъ: „на первую треть надкинули 3 сажени земли.... для ручья, что у ручья пахать нельзя; а будетъ тотъ ручей сполнится, и та земля льзѣ пахать, и та земля въ ровень положить въ ту же треть" [242]).

Размѣръ каждой трети, жеребья зависѣлъ, какъ мы видѣли, отъ размѣра того аггрегата крѣпостной горныхъ земель, какой принадлежалъ соотвѣтствующему союзу и измѣнялся въ зависимости отъ измѣненія размѣровъ этого аггрегата земли и лежавшихъ на немъ податей. Устано-

---

241) Ibid.
242) Ibid.

вленные передѣломъ трети, участки и ихъ размѣръ поддерживаются въ теченіи всего періода между передѣлами: если часть какой-нибудь трети сдѣлается непригодною для пользованія, владѣльцы остальныхъ третей выдѣляютъ изъ своихъ долей часть въ пользу потерпѣвшей: „а которое мѣсто въ коей трети смостъ или засыплетъ, а пахать негодно, и то мѣсто за симъ письмомъ сдѣлать всѣми тремя участки“ [243]).

Какъ и складничествами, сложными союзами къ своимъ землямъ примѣнялась ровня, т. е. провѣрка правильности владѣнія землею и возстановленіе правильности нарушеннаго нормальнаго отношенія между правомъ и его конкретнымъ выраженіемъ въ участкѣ. Ровня—договорно-обязательный актъ для всѣхъ волостныхъ земель, чьи бы онѣ ни были: Пинежская купчая 1669 г., по которой крестьянская земля продается церкви, устанавливаетъ для покупателя обязанность: „съ волостными крестьяны горною землею и луговою ровниться“ [244]). Ровнѣ подлежитъ такимъ образомъ всѣ земли—горные и луговые,—т. е. какъ земли, находившіяся въ подворно—участковомъ владѣніи, такъ и земли мірскія. Разница положенія горной и луговой земли заключается въ томъ, что по отношенію къ первой дѣло кончается провѣркою, возстановленіемъ нарушенныхъ границъ владѣнія „*по старымъ межамъ* по письменнымъ крѣпостямъ“ [245]), по отношенію ко второй, кромѣ этого возстановленія межей, практикуемаго время отъ времени, примѣняется передѣлъ при которомъ „*межи перемѣняются*“, или: „съ межъ

---

[243]) Ibid.

[244]) Дѣла Пинежскаго у. суда, купчая 1669 г.

[245]) Ibid., челобитная о ровнѣ 1692 г.

подвигаются“ [216]) вслѣдствіе измѣненія размѣровъ горной крѣпостной земли.

Съ другой стороны, разница ровни горной и луговой земли заключается въ тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ она производится: какъ мы видѣли изъ неоднократно уже приводимаго текста, межи горной земли возстановляются „по письменнымъ крѣпостямъ“: купчимъ, закладнымъ, данымъ [217]) и пр., луговой — по тяглой землѣ, т. е. по размѣрамъ тѣхъ земельныхъ участковъ, какіе находятся въ собственности владѣльцовъ, но тогда, какъ при передѣлахъ, сообразуются съ каждымъ измѣненіемъ размѣровъ ихъ, какъ покажетъ вервленіе, при ровнѣ сообразуются съ тѣми размѣрами, какіе были при передѣлѣ. Эти размѣры, опредѣленные вервленіемъ, фиксировались въ тяглѣ; поэтому послѣднее и дѣлается основою ровни: „веревкою ровниться по потугу“ [218]).

Для передѣла, ровни, вервленія міромъ нанимался мѣрщикъ иногда изъ посторонихъ за опредѣленную плату и кормъ. Послѣдніе развычиваются между членами міра, какъ и всѣ другія повинности, по землѣ: „по тяглу, кто чѣмъ владѣетъ“. (По „тяглу“ въ данномъ случаѣ значитъ: „по тяглой землѣ“) [219]).

Съ луговымъ хозяйствомъ связанъ цѣлый рядъ другихъ нормъ: мірскую повинность составляетъ огораживаніе луга; распредѣляется она опять таки по тому, кто какихъ размѣровъ землею владѣетъ, — какъ говоритъ одинъ памятникъ, указывая на непосредственные критеріи этой повинности: „по земному тяглу, сѣнныхъ по-

---

[216]) См. прим. 219 и 244.
[217]) См. прим. 245.
[218]) См. прим. 219.
[219]) См. прим. 224.

косовъ по веревнымъ книгамъ", т. е. каждый крестьянинъ обязанъ поставить такую часть огорода, какая приходится на него соотвѣтственно количеству его земли и платимымъ имъ податямъ и въ данномъ случаѣ принадлежащей ему по двумъ этимъ основаніямъ долѣ въ общемъ лугѣ (веревныя книги указываютъ размѣръ доли каждаго въ сѣнокосахъ).

Десятскіе созываютъ крестьянъ своего десятка весною, „какъ земля растаетъ и коль въ землю пойдетъ", на мірскую работу „городить и крѣпить доброю городьбою". Для охраны огородовъ міромъ нанимаются сторожа.

Послѣ страды лугъ превращается въ выгонъ: „отворять стѣнная огорода и скотъ пущать за стѣну на срокъ на Успенье". Одновременное загораживаніе и разгораживаніе предполагаетъ одновременное начало и окончаніе полевой и сѣнокосной страды на лугахъ всѣми мірскими людьми. Судя по цитируемому здѣсь мезенскому приговору, крестьянинъ не могъ выдѣлить, обособить своего лугового хозяйства, запереть, загородить свою долю луга для общаго пользованія: огороды, поставленные крестьянами около своихъ поженъ, безнаказанно уничтожались [250]).

На отхожихъ пожняхъ, кромѣ того, не позволялось и производить работъ—сѣна косить — отдѣльно отъ всего міра: „а косити намъ ѣздити всѣмъ вдругъ за недѣлю до Ильина дни...; а кто поѣдетъ ранѣе того срока, сильно, не свѣстясь, и намъ на того стояти всѣмъ за одно" [251]).

---

[250]) Моск. Арх. М. Ю. Мезенскія крѣпостныя книги № 44, 98 с. 1717 г.

[251]) См. прим. 220.

Защита мірского владѣнія.

Какими же принудительными средствами располагалъ міръ для приведенія въ исполненіе своихъ приговоровъ, а слѣдовательно, и для защиты своихъ интересовъ отъ нарушеній со стороны своихъ членовъ?

Разумѣется, эти средства не отличаются ни разнообразіемъ, ни полнымъ соотвѣтствіемъ съ тѣми правонарушеніями, противъ которыхъ каждое изъ нихъ направлено. Очень часто повторяется одна угроза, не отличающаяся опредѣленностью своего содержанія: „намъ на того стоять всѣмъ за одно“ [252]). Прежде всего въ ней утверждается солидарность всѣхъ мірскихъ людей въ преслѣдованіи лица, нарушившаго общій мірской интересъ. Въ чемъ проявляется эта солидарность въ каждомъ частномъ случаѣ, могли бы показать только документальныя данныя; къ несчастію, ихъ очень немного. Можно думать, что крайняя репрессія заключалась въ такомъ же преслѣдованіи, какое примѣнялось къ разбойникамъ и ябедникамъ. Можно указать очень немало челобитныхъ, въ которыхъ жители посадовъ и уѣздовъ ходатайствуютъ передъ правительствомъ о выселеніи вредныхъ членовъ; надо думать, что, міры могли употреблять такое средство и по собственной иниціативѣ. По грамотѣ Устюжны Желѣзнопольской приказано было ябедниковъ „бить кнутомъ да высылати изъ посадовъ, а животовъ ихъ не грабить“ [253]). Послѣднія слова —

---

[252]) Рус. Ист. Библіотеки: XIV т. LXV, XLI, CLXVI, „поскотины дѣльная“.

[253]) Владимирскій Будановъ: Христоматія по Исторіи Русскаго права II т. 210.

ограниченіе мірской расправы; если бы она не примѣнялась, незачѣмъ было бы о ней и упоминать. Такъ что „потокъ и разграбленіе“, вѣроятно, были живы въ мірской жизни и въ позднѣйшее время. Въ такихъ случаяхъ міръ ставилъ вреднаго члена внѣ защиты обычнаго права, и его слова: „на того стояти всѣмъ за одно“, какъ будто пародируютъ извѣстную формулу: „яко его казнити всѣмъ Великимъ Новгородомъ“.

Въ извѣстныхъ намъ случаяхъ мірская репрессія сводится либо къ самосуду, на который, по приговору, не можетъ быть апелляціи, либо къ взысканію судомъ ущербовъ, нанесенныхъ міру. Самосудъ выражается, напр., въ томъ, что трудъ нарушителя мірского интереса пропадалъ для него даромъ: „кто учнетъ чистити землю, не повѣстя другъ друга и та земля вопче пошла“ [254]), трудъ этотъ, слѣдовательно, обращался въ мірскую пользу; „будетъ кто кругъ пожень своихъ собыя огороды станетъ городить или къ сѣвнымъ землямъ пожни въ собою огороду приводить станетъ, и тѣ огороды разсѣкать безпенно“ [255]).

Среди формъ самосуда встрѣчаются денежныя пени, взыскиваемыя самимъ міромъ съ лицъ, неповинующихся мірскимъ постановленіямъ: кто по вызову десятскаго не пойдетъ городить мірского луга, на томъ въ первый разъ взыскивается „поденьщина по 1 гривнѣ на день безпенно“, за вторичное ослушаніе „взять заставы (неустойку) въ казну государя $2^1/_2$ рубля и столько же въ пользу міра: „взять въ міръ“; „кто станетъ воровски впускать свой

---

[254]) Рус. Ист. Библ. XIV т. LII.

[255]) Моск. Архивъ Мин. Юстиціи. Мезенскія крѣпостныя книги № 44, 98.

скотъ въ луга, взять заставы въ государеву казну 1 р.“ и столько же „въ міръ“ за скотину [256]). Любопытны здѣсь названія пеней: поденщина и „застава“ — неустойка: первая какъ будто говоритъ за наемъ рабочаго на средства крестьянина; когда, слѣдовательно, онъ не отправляетъ повинности натурою, міръ перелагаетъ ее на соотвѣтствующую денежную сумму. Вторая имѣетъ характеръ гражданскаго взысканія за не исполненіе принятаго на себя обязательства, „застава“ служитъ обезпеченіемъ исполненія его.

Если мірской интересъ защищается судомъ, то всѣ члены безъ исключенія, по приговору, обязаны принимать участіе во всѣхъ мѣрахъ, идущихъ въ пользу міра; такъ что мірской человѣкъ, нарушитель этого интереса, не можетъ расчитывать на помощь своихъ сочленовъ, слѣдовательно, въ ихъ средѣ онъ не найдетъ ни представителей, ни поручителей за себя—это было въ своемъ родѣ бойкотированіемъ. Такая постановка дѣла ясна изъ самой формулы, напр.: „а кто не учнетъ по сей записи тѣхъ сѣнныхъ покосовъ дѣлити и имъ всѣмъ за одно стояти на того человѣка безъ выдачи“, или противъ того, кто захватитъ въ мірскомъ лугу долю, большую той, на которую онъ имѣетъ право, „намъ крестьянамъ стоять изо всѣхъ третей всѣми крестьяны“ [257]). Въ нѣкоторыхъ приговорахъ предупреждается и судебное рѣшеніе: въ виду того, что лицо, не желающее исполнить этотъ приговоръ, само участвовало въ его составленіи,—слѣдовательно, не исполняя, нарушаетъ принятое на себя обязательство, оно по суду должно

---

[256]) Ibid.

[257]) См. прим. 252.

быть обвинено и вслѣдствіе этого мірской приговоръ предусматриваетъ: „убытки и волокиты имать на томъ (кто не похочетъ дѣлить)“ [258]).

— Наблюденія крестьянской жизни XVII в. показали намъ, что мы имѣемъ дѣло не съ безразличною, а съ дифференцировавшеюся до нѣкоторой степени крестьянскою массою. Этотъ фактъ данъ не исключеніями, а общимъ для нѣкоторыхъ уѣздовъ явленіемъ: обособленностью дворой пашни. Свобода поземельнаго оборота только развиваетъ въ данный моментъ то, что дано этою обособленностью. Въ литературѣ было высказано мнѣніе, кажется Кейслеромъ, что русская община наиболѣе демократична, чѣмъ всѣ другія. Позволю себѣ не согласиться съ такою характеристикою. Я склоненъ скорѣе сравнить наши поземельные союзы съ товариществами; въ болѣе рудиментарныхъ изъ нихъ—въ складствахъ, состоявшихъ изъ членовъ родственнаго или договорнаго союза, размѣръ товарищескаго пая зависѣлъ отъ положенія въ семьѣ или въ артели, слѣдовательно, могъ быть равнымъ только тогда, когда всѣ члены равны или сдѣлали равные взносы; но это не могло быть всегда. Въ союзахъ позднѣйшаго типа—сложныхъ, также, какъ мы убѣдились, имѣвшихъ характеръ товариществъ, каждый членъ имѣлъ пай такого размѣра, какой соотвѣтствовалъ размѣру его собственной земли; кто не имѣлъ послѣдней, не имѣлъ и участія въ товариществѣ. И все это вполнѣ понятно, лежала ли въ основаніи права каждаго хозяйства его состоятельность или его потребность; послѣдняя, по крайней мѣрѣ формально, измѣрялась первою: хозяйство, имѣвшее большія запашки, платило больше податей; по-

[258]) Рус. Ист. Библ. XIV т. 405.

этому и за общее имущество, будь оно тяглое или оброчное, платило больше, чѣмъ бѣдное хозяйство. Почему оно платило больше, чѣмъ послѣднее, объясняется обычаями того времени: всѣ повинности сообразуются съ одною главною — тягломъ: кто больше несетъ ея, тотъ больше платитъ и второстепенныхъ и обратно. Въ число этихъ второстепенныхъ входила и плата за общія имущества.

Размѣръ правъ въ свою очередь обусловливался размѣромъ повинностей. По судебнику 1550 г. даже право иска обусловливалось имущественною состоятельностью, которая измѣрялась количествомъ платимыхъ податей и опредѣлалась разметными книгами. Кромѣ этого общаго начала дѣйствовало и другое: кто дѣлаетъ за общее имущество большой взносъ, (а дѣлаетъ его болѣе состоятельный), тотъ пользуется и большимъ паемъ. Порядокъ этотъ не измѣнялся отъ того, входили ли въ составъ совладѣльцовъ лица, участвовавшія въ заключеніи договора о созданіи общаго имущественнаго интереса, или ихъ правопреемники, т. е. лица, получившія ихъ участки по сдѣлкѣ; обычай былъ постояннымъ: повинности падали не на лицъ, а на ихъ имущество, въ частности на землю; и эта послѣдняя такъ сказать впитывала въ себя тѣ обязанности и права, какія налагали на себя по обязанности или „изъ воли“ ея хозяева, — и, переходя къ другимъ, эта земля переносила на нихъ всѣ активы и пассивы ихъ предшественниковъ. Только въ томъ случаѣ, если она была совершенно заброшена, не имѣла ни какой ни хозяйственной, ни фискальной цѣнности, связанныя съ нею права и обязанности на время какъ бы замирали, находились въ пассивномъ состояніи, не оказывая никакого вліянія на внѣшній міръ. Но достаточно

оккупація ея, чтобы вызвать ихъ къ жизни; и тогда участокъ земли, какъ билетъ на предъявителя, потерянный однимъ и найденный другимъ, пріобрѣтаетъ снова свою цѣнность, давая своему обладателю право на участіе въ общихъ имуществахъ, значитъ, и выгодахъ общаго мірского предпріятія, и обязанности нести наряду со всѣми повинностями, повинность по уплатѣ за общее имущество. Отъ этой послѣдней онъ могъ отказаться только въ томъ случаѣ, если отказывался отъ собственнаго горнаго участка.—Такимъ образомъ реальнымъ субстратомъ управомоченности личнаго состава союза, условіемъ всѣхъ его правъ и обязанностей былъ аггрегатъ обособленныхъ поземельныхъ участковъ, къ которому какъ къ цѣлому тянули ихъ принадлежности: луга, лѣса, рѣки и пр. Отсюда: 1) какъ не давало, такъ и не лишало права на эти принадлежности никакое общественное положеніе: духовенство, монастыри, посадскіе, крестьяне, пришлые, разъ они владѣютъ собственными горными, крѣпостными, тяглыми участками, они въ то же время являются и участниками въ мірскомъ владѣніи. Послѣднему чуждо начало сословности, — и крестьяне не имѣли никакихъ преимущественныхъ правъ на мірскія имущества передъ лицами другихъ сословій; крестьянинъ, какъ и всякій другой, могъ не имѣть на нихъ никакого права, если не имѣлъ своего горнаго участка. Созданію сословнаго міра могъ содѣйствовать только такой законъ, какъ законъ 1659 года, запрещавшій отчуждать тяглыя, крѣпостныя, горныя земли бѣломѣстцамъ; но и онъ, какъ мы видѣли, примѣнялся далеко не вполнѣ.

Итакъ, поземельные союзы состояли не изъ людей, какъ таковыхъ, а изъ землевладѣльцевъ, размѣръ правъ

которыхъ зависѣлъ отъ размѣровъ ихъ собственныхъ земельныхъ участковъ.

2) Вступленіе въ такой территоріальный поземельный союзъ ни связано ни съ поселеніемъ на его территоріи, ни съ пріемомъ одного человѣка другими такими же людьми; оно всецѣло обусловлено пріобрѣтеніемъ поземельнаго участка указанныхъ уже качествъ (тяглаго и крѣпостного). Съ этой стороны въ каждой поземельной сдѣлкѣ, путемъ которой пріобрѣтается горная земля, надо видѣть и актъ вступленія въ союзъ. А такъ какъ тяглая земля пріобрѣталась и отъ отдѣльныхъ владѣльцевъ путемъ сдѣлокъ, и отъ воеводы или приказнаго писца, и наконецъ отъ волостного міра и его органовъ путемъ данныхъ на пустой участокъ, то каждый изъ этихъ союзовъ и лицъ игралъ активную роль при вводѣ новыхъ членовъ въ союзъ.

Таковы общія тенденціи мірской жизни. Обратимъ вниманіе на тѣ явленія, какія развиваются на этой почвѣ. Если, съ одной стороны, размѣры долп въ мірскихъ имуществахъ зависѣли отъ размѣровъ собственныхъ поземельныхъ участковъ, и съ другой, увеличенію и уменьшенію послѣднихъ не было поставлено никакихъ предѣловъ ни со стороны самихъ крестьянъ, ни со стороны правительства; то отсюда должна была вытекать крайняя неравномѣрность распредѣленія общихъ имуществъ между членами міра: кто имѣлъ большія запашки, тотъ пользовался и лугомъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ имѣвшій меньшія, напр., въ деревнѣ Козминской одинъ крестьянинъ имѣлъ 1 десятину, а его сосѣдъ 5 десятинъ: въ деревнѣ Залѣсской крестьянину М. А. принадлежало $1^1/_2$ десятины, и крестьянину С. П. $17^1/_4$ десятинъ; въ д. Богдановской за самымъ малоимущимъ было

$^1/_4$ десятины, а за наиболѣе состоятельнымъ $8^1/_4$ десятинъ[259]). Количество такихъ примѣровъ можно увеличить по желанію. Понятно, что мірскія имущества при такомъ различіи земельной обезпеченности должны были въ гораздо большей степени служить прожиточнымъ людямъ, чѣмъ ихъ несостоятельнымъ сосѣдямъ. Тѣмъ не менѣе личный интересъ первыхъ не удовлетворялся только долевымъ пользованіемъ; они стремились нерѣдко освоить въ свое исключительное владѣніе не только пустыя земли, но и мірскія угодья, выпрашивая ихъ у казны на оброкъ, какъ „пустые“, или отгораживая мірскія поскотины и луга къ своимъ полямъ. За распространенность того и другого явленія говорятъ постановленія мірскихъ приговоровъ, обязывающія крестьянъ стоять всѣмъ за одно противъ лицъ, покушающихся на то или другое [260]).

Можно привести примѣры того, какъ крестьяне при поземельныхъ спорахъ оказывались способными сопротивляться, не только посадскимъ, но и мѣстному архіерею. Но сила сопротивленія лежала не въ крестьянской массѣ, а въ ея представителяхъ, людяхъ настолько зажиточныхъ, что они успѣшнѣе архіепископа и монастырей могли задарить московскіе приказы. Отношенія ихъ къ своей младшей братіи (маломочнымъ крестьянамъ), взятой ими подъ свою опеку для защиты отъ сильныхъ людей, ничѣмъ не отличается отъ отношенія къ ней послѣднихъ: „отъ скудныхъ крестьянъ и деревни, и пожни за себя переводятъ, и за бога-

---

[259]) Кевролькія писцовыя книги № 186.

[260]) См. прим. 36. Акты, относящіеся до юридическаго бытія Россіи I т. № 52.

тыми лучшими людьми есть половинчыхъ 550 дворовъ“[261]).

[261]) Р. И. Б. XII т.: 1247, 1253, 1434.

Въ виду важности „поскотины дѣльной“ 1624 г. привожу ее цѣликомъ.

„Се язъ В. О. Хромцовъ, да язъ К. И. Волкъ, да язъ С. О. Осмининъ да язъ Пант. да Кир. Никоновы дѣти Бурцова, да ясъ П. И., да язъ И. И. Рыба съ братьею, да язъ И. Тимофеевъ, да язъ О. Ѳоминъ, да язъ Мавра Терентьева Яковлевская жена, да язъ Ш. Ивановъ, да язъ О. Гр. Осмининъ, да язъ И. И. съ братомъ, да язъ староста Покровской Пол. Козминъ Фрущова, да язъ (неразборчиво), да язъ О. Ѳоминъ, да язъ К. Евсеевъ съ братомъ и всѣ крестьяне Труфаногорскія волости излюбили есми по государевы уложенной оброчной грамотѣ велѣли раздѣльныя записи написать въ оброчномъ поскотинномъ лугу противо горной земли — по купчимъ, по мѣнымъ и по всякимъ земельнымъ крѣпостямъ тотъ поскотинной лугъ раздѣлити на 5 удѣловъ, всякій удѣлъ на трое. Первый удѣлъ Хаторъ-поскотина, а другой удѣлъ болотная площадь, а третій удѣлъ Залывская площадь, а четвертый удѣлъ за Тирко озеромъ межъ малою лѣвою и Тирко озеромъ, а пятый удѣлъ у Подновиннаго озера.

А ту пять удѣловъ въ поскотинномъ лугу раздѣлили на 3 участка: первый участокъ съ дѣлу изъ жеребья положили: на первую треть въ Хаторъ поскотинѣ: кулига отъ Мальковской ѣдомы, да на ту же первую треть положили въ воротной площади середняя треть, да на ту же первую треть положили у большой лывы отъ новаго рѣпища отъ Пятгоры, а въ четвертомъ мѣстѣ положили на ту же первую треть за Тирко озеромъ отъ Каранкули отъ Матерово лугу, а въ пятомъ мѣстѣ положили къ той же первой трети у Подновиннаго озера середняя треть. И тотъ первый участокъ въ пяти удѣлахъ треть досталась Василью Окулову, да Кузьмѣ Ив. Волку, да С. Онтипову, да Перф. да Кириллу Никоновымъ. — А другая треть въ той же поскотинѣ съ дѣлу изъ жеребья досталась: положили въ тое жъ Хаторъ поскотинѣ середняя треть, да на ту жъ другую треть положили въ воротной площади съ нижняго края отъ Почезерья треть, да въ третьемъ мѣстѣ положили на

Таковъ отзывъ духовенства о богатыхъ крестьянахъ. Съ другой стороны, эти послѣдніе указываютъ на архіепис-

---

ту жъ другую треть межъ лывами отъ Каракули подъ березами треть, а въ четвертомъ мѣстѣ положили на ту жъ другую треть межъ Тирко озеромъ и лывою середняя треть, а въ пятомъ мѣстѣ положили на ту же другую треть у того жъ Подновиннаго озера нижняя треть отъ Почзерья и за ручьемъ. И тотъ другой участокъ въ 5 удѣлахъ треть досталась Онтону Григорьеву Осминину, да Никифору Иванову съ братомъ, да старостѣ церковному Поликарпу Кузмину Фрущеву, да Оверкею Ѳомину, да Козьмѣ Евсееву съ братомъ.—А третья треть въ той поскотинѣ съ дѣлу и жеребья досталась въ Хаторъ жъ поскотинѣ отъ Оксовы новины отъ зимняго ручья треть, да на ту жъ третью треть въ воротной площади отъ Пячгоры въ другомъ удѣлѣ треть, да въ третьемъ мѣстѣ положили на ту жъ третью треть за Тирко озеромъ межъ лывою и межъ Тирко озеромъ съ нижняго края отъ ручья, а въ пятомъ мѣстѣ положили въ ту жъ третью треть у Подновиннаго озера отъ Труфановы горы отъ перегороды треть.—И тотъ третій участокъ въ пяти удѣлахъ треть досталась Павлу Иванову, да Ивану Иванову Рыбѣ съ братіею, да Никитѣ Тимофееву, да Андрею Ѳомину, да Марфѣ Терентьевой, Яковлевской женѣ, да Шумилу Иванову Худякову.

И въ томъ намъ поскотинномъ лугу въ трехъ третяхъ коему жъ въ своей трети: Василью со складники въ первой трети землею владѣть, а другой трети Онтону съ складники землею владѣть, а третьей третью Павлу съ складники землею владѣть противо своихъ горныхъ участковъ земли, и другъ другу никому изъ трети въ треть никоторому не вступаться и не зачищать; тѣ намъ трети всѣ любы и раздѣли по любвѣ. А въ которой будетъ трети сыщется улишенная земля въ горной землѣ не по купчимъ земляпымъ, учнетъ тотъ имать землю въ поскотинѣ, въ коей трети не будь противо горней земли, и на того намъ крестьянина стояти изо всѣхъ третей всѣми крестьяны. И будетъ въ Перемскомъ во всемъ стану пойдетъ мірская веревка и на которую деревню наложатъ потугу, и въ

копа „а и достальные (крестьяне) отъ хлѣбнаго великаго недороду и отъ его архіепископля... о пустыхъ земляхъ во владѣньи челобитья многіе бѣдные крестьяне бѣгутъ врознь“, онъ архіепископъ „своимъ насильствомъ, а иное дѣло изъ за угрозъ и изъ за клятвъ у многимъ церквей, монастырей и у крестьянъ и разныхъ

поскотинномъ лугу прибавить съ межъ подвигаться во всѣхъ удѣлахъ; а въ которой деревнѣ потугу убавятъ, ино съ поскотины убавить. А которое мѣсто въ которой трети смоетъ или засыплетъ, а пахать не годно, и то мѣсто за симъ письмомъ сдѣлять всѣми тремя участки. Да на первую же треть В. Окулову съ складники надкинули 3 сажени земли отъ Конецъ Озерскаго ручья къ Лаповской ѣдомѣ во всей пашнѣ для ручья, что у ручья пахать нельзя. А. Вас. Окулову съ складники своею третью за Онтонову треть не зачищаться и за огородъ не лазить. А будетъ тотъ ручей сполнится, и та земля льзѣ пахать, и та наддаточная земля въ ровень положить въ ту же треть... А что за лывою новые рѣпища удѣлъ, и тотъ намъ удѣлъ пахать по прежнимъ жеребьямъ. А веревкою ровнить по потугу. А Онтону съ складники не зачищаться за Васильеву треть.—Да въ томъ излюбя промежъ себя, сровня и раздѣля землю велѣли и раздѣльныя записи написать три слово въ слово: запись Василью Окулову съ складники на треть, а другую запись Антону Григорьеву съ складники на другую треть, а третяя запись Павлу Иванову съ складники на третью треть; а и тѣ намъ записи. И впредь не передѣливать тое земли никоторыми дѣлы. А на то послуси: Ѳедоръ Мининъ съ Печезера, да Иванъ Зиновьевъ съ Пятгоры, да Демьянъ Мартемьяновъ сынъ, да Андрей Кондратьевъ сынъ Воробьевъ.

Писалъ перемской церковный дьячекъ Иванецъ Никитинъ Кротовъ.

На оборотѣ на склейкахъ: „поскотины дѣльная“. Земскій дьячекъ Иванецъ Никитинъ Кротовъ руку приложилъ лѣта 7132, іюля въ 4 день.

чиновъ людей деревни, и пожни, и сѣнные покосы, и присадныя вновь мѣста... завладѣлъ“[262]). Такимъ образомъ малоимущій крестьянинъ—маломочный человѣкъ—былъ одновременно объектомъ и эксплоатаціи и высокихъ чувствъ сильныхъ людей; каждый, кто хотѣлъ очернить своего противника передъ Москвою, на первый планъ выставлялъ его хищничество, отъ котораго страдали „скудные крестьяне“; и въ то же время каждый непрочь былъ урвать часть земли этихъ скудныхъ людей.

Такимъ образомъ мірской интересъ, поскольку его представляла крестьянская масса, былъ защитъ сравнительно слабо. Отъ государства онъ не могъ ждать защиты: съ послѣднимъ крестьянина раздѣляло не только равнодушіе правительства къ его благосостоянію, но и прямое взаимное непониманіе другъ друга: то, что съ мірской точки зрѣнія могло казаться правонарушеніемъ, съ государственной могло носить характеръ вполнѣ законныхъ дѣйствій: въ такихъ дѣйствіяхъ, какъ просьба крестьянина объ отдачѣ ему на оброкъ луга, бывшаго ранѣе въ рукахъ міра, посторонній судья не могъ усматривать ничего незаконнаго, между тѣмъ для общины эта же просьба равнозначуща была измѣнѣ мірскому интересу. Собственно государству гораздо важнѣе было сохранить міръ въ качествѣ административно-финансоваго органа, чѣмъ въ качествѣ хозяйственнаго.

Съ игнорированіемъ вообще мѣстнаго хозяйства въ одинаковой мѣрѣ игнорировались и мелкія хозяйственныя организаціи. Центръ тяжести постепенно переходилъ съ нихъ на признаваемый и созданный государствомъ союзъ—тяглую волость. Она со своими главнѣйшими цѣлями и функціями стягивала къ себѣ силы крестьян-

ства. Но хозяйственная сторона получила въ ней значительную роль и государственное признаніе только съ тѣхъ поръ, какъ была сознана правительствомъ связь ея съ тягломъ и съ тяглымъ интересомъ.

20070513361